Орсон Скотт Кард

Седьмой сын

Сказание о Мастере Зайне

Седьмой сын

Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Седьмой сын. (Сказание о Мастере Элвине—1)
Глава 1. ЧЕРТОВА МЭРИ
Глава 2. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
Глава 3. ВЕСЕННИЙ ДОМИК
Глава 4. ХАТРАК – РИВЕР
Глава 5. ПЛЕНКА
Глава 6. ШПИЛЬ
Глава 7. АЛТАРЬ
Глава 8. ГОСТЬ
Глава 9. СКАЗИТЕЛЬ
Глава 10. ВИДЕНИЯ
Глава 11. МЕЛЬНИЧНЫЙ ЖЕРНОВ
Глава 12. КНИГА
Глава 13. ОПЕРАЦИЯ
Глава 14. НАКАЗАНИЕ
Глава 15. ОБЕЩАНИЯ

Аннотация

Чтобы нарушить хрупкий ход истории, вовсе не обязательно быть волшебником. Одна роковая случайность и... И знаменитый полководец Наполеон плывет в Америку, чтобы усмирить восставшие Штаты, Бенджамин Франклин становится великим магом, Джордж Вашингтон слагает голову на плахе, а по дорогам Северной Америки странствует поэт-провидец Уильям Блейк. В эти смутные времена на свет появляется седьмой сын седьмого сына, мальчик, наделенный невероятными способностями. Долгий путь предстоит одолеть Элвину, прежде чем люди назовут его Мастером.

Орсон Скотт Кард
Седьмой сын
(Сказание о Мастере Элвине—1)

Глава 1
ЧЕРТОВА МЭРИ

Маленькая Пэгги собирала яйца с величайшей осторожностью. Она ворошила солому рукой до тех пор, пока ее пальцы не натыкались на что-то твердое и тяжелое, стараясь не обращать внимания на склизкие куриные катыши. Мама ведь никогда не морщилась при виде пеленок, загаженных детьми постояльцев. Даже если эти катыши были мокрыми, тянучими и заставляли пальцы девочки слипаться, Пэгги терпеливо раздвигала солому, брала яйцо в руку и вынимала его из лукошка. Все это проделывалось стоя на неустойчивой табуретке, чтобы дотянуться до места, находящегося гораздо выше ее головы. Мама говорила, что она еще слишком мала для сбора яиц, но малышка Пэгги доказала, что это не так. Ежедневно она ощупывала каждое лукошко и добывала все-все, до последнего яйца.

Каждое яйцо, повторяла она про себя еще и еще раз. Я должна дотянуться до каждого из них.

Тут Пэгги оглянулась на северо-восточный угол, самое темное место во всем курятнике, где

на своем лукошке сидела Чертова Мэри, похожая на кошмар самого дьявола и ненавидяще сверкающая злобными глазками, говоря: Иди сюда, девочка, и дай мне ущипнуть тебя. Я хочу кончик твоего пальца, может даже большого пальца, а если ты подойдешь достаточно близко и попытаешься забрать мое яйцо, то мне достанется и кусочек твоего глаза. У большинства животных сердечный огонь не такой уж сильный, но Чертова Мэри была сильна и прямо дымилась от злости ядовитым дымком. И никто кроме маленькой Пэгги не мог увидеть этого. Чертова Мэри мечтала о погибели для всех людей, но в особенности для одной пятилетней девочки, чему доказательством уже служили несколько шрамов на пальцах Пэгги. По меньшей мере один шрам, и, как бы Папа не утверждал что не видит его, малышка Пэгги помнила как он ей достался и никто не мог обвинить ее, если иногда она забывала ощупать лукошко под Чертовой Мэри, сидевшей на нем как лесной разбойник, собирающийся убить первого человека, который только попытается подойти. Никто ведь особо не осерчает, если иногда она просто позабудет посмотреть туда.

Я забыла. Я смотрела в каждое лукошко, каждое,

и если случайно пропустила одно, то я забыла забыла забыла.

Всем ведь известно, что Чертова Мэри мерзкая курица и слишком жадная, чтобы отдавать какие бы то ни было яйца, если они только не безнадежно протухли.

Я забыла.

Когда она принесла лукошко с яйцами домой, Мама еще не успела разжечь огонь. Вода в котле была холодной и малышке Пэгги позволили самой опустить в него яйца одно за другим. Затем Мама подвесила котел на крюк и задвинула прямо на огонь. Когда варишь яйца, то не обязательно ждать, чтобы огонь разгорелся, неплохо получается, даже если огонь совсем слабый. «Пэг» сказал Папа.

Это же имя принадлежало и Маме, но то, как Папа произнес его, не оставляло никаких сомнений, кого он имеет в виду. Он произнес его так, будто хотел сказать: «Ну-малышка-Пэгги-ты-и-влиииипла!» и Пэгги, поняв, что ее тайна полностью и окончательно раскрыта, завопила что есть силы:

«Я забыла, Папа!»

Мама обернулась и удивленно посмотрела на нее. Папа, однако, не удивился вовсе. Одну руку он прятал за спиной и Пэгги казалось, что она ви-

дит в ней яйцо, проклятое яйцо Чертовой Мэри. «Что ты забыла, Пэгги?» спросил Папа мягким голосом. И тут Пэгги поняла, что она самая глупая девочка на свете. Ее еще ни в чем не обвинили, а она уже в этом созналась.

Но сдаваться так просто она не собиралась. Потому что терпеть не могла, чтобы ее ругали и даже бывала готова в такие моменты закричать, чтобы они отправили ее жить в Англию, где живет Лорд-Протектор «Лорд-Протектор — глава государства в Англии в период Протектората (первый Протектор-Оливер Кромвель). „PROTECTOR“ значит по-английски также „покровитель“». А достаточно было взглянуть в глаза Папе, чтобы понять, что Покровитель ей сейчас не помешал бы. Поэтому, состроив свою самую невинную рожицу, она сказала: «Я не знаю, Папа».

«Так что ты забыла?» опять поинтересовался Папа. "Гораций, — забеспокоилась Мама. «Скажи в чем дело. Если она виновата, то так и скажи, и нечего тянуть резину.»

«Я только один раз забыла, Папа. Она противная старая курица и она меня ненавидит.»

Папа медленно и тихо повторил «Только один раз?» и вытащил руку из-за спины. В ней было не одно яйцо, а целое лукошко, наполненное

раздавленными засохшими яйцами, перемешанными с сеном, кусочками скорлупы и дохлыми цыплятами.

«Вовсе не обязательно было притаскивать сюда эту гадость перед завтраком».

«Больше всего меня бесит не то, в чем она провинилась, а то, что она научилась врать».

«Ничего я не научилась, ничего я не врала!» пыталась кричать малышка Пэгги. То, что получалось, больше напоминало плач, хотя только вчера она твердо решила завязать с хныканьем на всю жизнь. «Вот видишь, она уже чувствует себя наказанной». «Она чувствует себя пойманной и ты слишком распустила ее. У нее лживая натура. Лучше было ей умереть, как ее маленькие сестры, чем вырасти такой испорченной.»

Малышка Пэгги увидела, как заполыхал от воспоминаний Мамин сердечный огонь и возник образ красивого ребенка в маленькой люльке, потом еще одного, не такого красивого. Это была Мисси, вторая дочь, она умерла от тифа. Никто из взрослых не прикасался к ней кроме Мамы, которая сама еще в то время не оправилась после болезни и поэтому ничем не могла помочь. Малышка Пэгги подумала, что зря это отец вспомнил о сестрах, потому что хотя мамин сердечный

огонь и пылал, лицо ее сделалось ледяным. «Это самая мерзкая вещь из всех, которые мне приходилось слышать».

Сказав это, она взяла лукошко и вышла.

«Чертова Мэри укусила меня за руку», — пожаловалась малышка Пэгги. «Посмотрим, что кусается больнее» сказал Папа. «За то, что ты оставляла яйца, получишь одну розгу. Эта помешанная курица действительно могла показаться страшной такой малявке как ты. Но за то что врала, получишь целых десять».

От этих новостей Пэгги заревела уже вполне искренне. Отец был неумолим и никогда не скупился, когда дело касалось розог. Папа достал ореховый прут с верхней полки. Он хранил его там с тех пор, как Пэгги сожгла предыдущий в печке.

«Лучше бы я услышал от тебя большую горькую правду, чем маленькую и приятную ложь» сказал он и наклонившись ударил розгой по бедрам. В-ж-жик, в-ж-жик, в-ж-жик. Она считала удары и каждый жалил ее прямо в сердце, потому что они были полны гнева. И причиной этого гнева была не только она. Как и всегда, она лишь отчасти была причиной того, что папин сердечный огонь пылал так неистово. Папино отвращение к лжи-

вости имело глубокие корни и пряталось в самых глубоких уголках его памяти. Малышка Пэгги всего толком не понимала, уж очень оно было запутано и смутно, да и сам Папа всего толком не понимал. Дело было в какой-то леди и эта леди была не Мама. Вот и все, что было ей открыто. Папа всегда думал об этой леди, когда дела шли наперекосяк. Когда непонятно отчего умерла маленькая Мисси, потом ее сестра, которую тоже звали Мисси, заболела тифом; когда сгорел амбар и погибла корова: он всегда вспоминал о ней. Тогда он начинал говорить о том, что ненавидит лживость и орешниковая розга становилась особенно тяжелой в его руке. Он говорил, что лучше услышал бы горькую правду, но малышка Пэгги знала, что существует такая правда, которую он никогда не захочет услышать, и Пэгги никогда не прокричит ее, пусть он хоть сломает свою розгу. Каждый раз, когда ей приходило в голову рассказать об этой леди, она видела отца мертвым и это удерживало ее. К тому же леди была совсем раздета и если она примется болтать о голых людях, то ее уж точно выдерут. Малышка Пэгги терпела и плакала, пока у нее не потекло из носа. Наконец Папа вышел из комнаты, а Мама начала накрывать завтрак для кузнеца, посто-

яльцев и работников. Никто уже не обращал на нее внимания, и хотя целую минуту она кричала даже еще громче, чем во время порки, это было бесполезно. В конце концов она успокоилась, встала с сундука и волоча одеревеневшие ноги отправилась к Дедушке чтобы разбудить его.

Как и всегда, Дедушка выслушал ее и сказал:

«Знаю я эту Чертову Мэри. Раз пятьдесят уже говорил твоему отцу, чтобы он свернул ей шею. Эта ненормальная птица каждую неделю начинает беситься, бьет свои яйца и убивает собственных цыплят. Только ненормальные убивают своих.»

«Папа хотел убить меня!»

«Мне кажется, все не так страшно, если ты еще способна ходить.»

«Но я не могу ходить хорошо!»

«Ага, я вижу, ты калека считай на всю жизнь. Но послушай, что я тебе скажу: сдается мне, что твои родители сейчас больше сердятся друг на друга. Может, тебе лучше будет просто исчезнуть на пару часов».

«Жаль, что я не могу стать птичкой и улететь». «Однако, было бы здорово найти такое место, где никто не стал бы тебя искать. Есть у тебя такое место? Нет, мне тоже не говори, не порть все дело. Просто уходи туда на время. Но учти, место

должно быть безопасным, не в лесу, где Краснокожий сможет забрать твой скальп, не такое, откуда можно свалиться и не маленькая дырка, в которой ты можешь застрять». «Оно большое, низкое и не в лесу».

«Ну так беги туда, Мэгги!»

Она скорчила рожицу, как и всегда, когда Дедушка дразнился. Достала свою куклу Баги «Баги (BUGY) — привидение, пугало.» и сказала зловещим приведенческим голосом:

«Ее зовут Пэгги!»

«Ну, хорошо, Пигги „Пигги (PIGGY) — свинка“, если тебе так больше нравится».

Малышка Пэгги хлопнула куклой по дедушкиной коленке. «Когда-нибудь эта твоя Баги слишком увлечется, подхватит грыжу и помрет». Но Баги плясала перед его носом и настаивала:

«Не Пигги, Пэгги!»

"Ну хорошо, Пагги, иди в свое тайное место и если кто-нибудь скажет:

«Мы хотим разыскать эту девочку!» я отвечу: «Я знаю где она. Она вернется назад, когда здесь будет все в порядке»."

Малышка Пэгги побежала к двери хижины, потом остановилась, обернулась и сказала:

«Дедушка, ты самый лучший взрослый в ми-

ре!»

«У твоего Папы совсем другое мнение обо мне, но это связано с одной орешниковой розгой, которой я частенько пользовался. А теперь беги.» Она опять остановилась и перед тем, как закрыть дверь, прокричала: «Ты единственный хороший взрослый!», надеясь, что это услышат в доме. Затем побежала через сад, за коровье пастбище, в лес на холме и по тропинке к весеннему домику, служащему погребом в теплое время года.

Глава 2
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

У них был крепкий фургон и две дюжие лошади, чтобы его тащить. Их даже можно было бы назвать зажиточными, ведь все ж таки у них было шестеро больших сыновей, от одного вполне взрослого до младших близнецов, которые благодаря постоянным дракам друг с другом были гораздо крепче, чем это бывает обычно в их возрасте. Не говоря уже об одной взрослой дочери и целом выводке маленьких девочек. Большая семья. Вполне зажиточная, можно было бы сказать, если б только не знать о том, что год назад у них была мельница и жили они в большом доме на берегу реки в западном Нью-Хэмпшире. С тех пор для них многое изменилось и этот фургон был единственным, что у них осталось. Но они не теряли надежды, двигаясь на запад по дороге, пересекавшей Хио и ища свободную землю для поселения. Потому что, если у тебя есть семья, в которой в избытке крепкие сыновья и умелые руки, эта земля будет добра к ним, если только погода не будет пакостить, Краснокожие напа-

дать, а все эти адвокаты и банкиры останутся в Новой Англии. Отец их был здоровенным мужиком, правда, слегка начавшим полнеть, что не удивительно, ведь мельник обычно весь день проводит на одном месте. Этот жирок не протянет и года когда они найдут себе землю в глубине лесов. Но это его особо не беспокоило — он не боялся тяжелой работы. А вот что действительно тревожило его сегодня, так это жена, Фэйт. Он знал, что пришло ее время рожать. И не то, чтобы она прямо об этом сказала. Женщины обычно просто не обсуждают такие веши с мужчинами. Но он знал как сильно она отяжелела и сколько месяцев это уже длится. К тому же во время дневной остановки она шепнула ему: «Алвин Миллер, если по пути встретится постоялый двор или хотя бы сломанная хижина, я рассчитываю на небольшой отдых.» Мужчине не нужно быть большим философом, чтобы понять, что имеется в виду. И, имея шесть сыновей и шесть дочерей, нужно чтобы у тебя в голове был кирпич вместо мозгов, чтобы не сообразить, как обстоят дела. Поэтому он и отослал старшего сына Вигора вперед разведать, что там творится.

Тут любому стало бы ясно как день, что они из Новой Англии, потому что парень не взял с

собой оружия. Если бы ему только встретился обитатель этой лесной глуши, молодого человека так бы никогда больше и не увидели бы и то, что он вернулся целым и невредимым и с волосами на голове было доказательством того, что ни один Краснокожий не встретил его — французы в Детройте платили за английские скальпы спиртным и если б Краснокожий только увидел Белого одного в лесу и без мушкета, он обязательно одолжил бы у этого Белого скальп. Так что отец смело мог считать, что счастье наконец-то улыбнулось семье. Но поскольку эти янки не представляли себе, что дорога может быть небезопасной, Алвин Миллер так и не смог оценить своего везения. Вигор рассказал о постоялом дворе через три мили. И это было бы хорошей новостью, если б только не одна маленькая неприятность: между ними и этим постоялым двором протекала река. Вроде бы неглубокая речушка, и брод мелкий, но Алвин Миллер уже научился не доверять воде. Какой бы мирной вода не казалась, когда она дотянется, то обязательно попытается схватить тебя. Он уже почти решился сказать Фэйт, что ночевать придется на этой стороне реки, но она лишь чуть вздохнула в ответ и он понял, что это невозможно. Фэйт родила ему много здоровых детей, но со

времени рождения последнего прошло четыре года и многие женщины, рожающие так поздно, переносят роды плохо. Многие умирают. Хороший постоялый двор означал, что там найдутся женщины, способные помочь, а это значит что они должны рискнуть переправиться через реку.

К тому же Вигор сказал, что речушка так себе, ничего особенного.

Глава 3
ВЕСЕННИЙ ДОМИК

Воздух в весеннем домике был холодным, тяжелым, темным и сырым. Иногда, когда малышку Пэгги начинало клонить в дрему, она просыпалась задыхаясь, как будто все вокруг было залито водой. Дома ей тоже постоянно снилась вода, из за чего кое-кто подшучивал, что она скорее водяной, чем ведунья. Но когда вода снилась ей дома, она всегда знала, что это лишь сон. Здесь же вода была реальной.

Вполне реальной в каплях, облепивших поставленные в холодную проточную воду молочные кувшины. Реальной на холодном и влажном полу. Реальной в приглушенном журчании ручья, стремительно проносящегося сквозь середину домика.

Все лето домик охлаждался ледяной водой, текущей всю дорогу вниз с вершины холма под тенью таких древних деревьев, что сама луна частенько заглядывала под их ветки, чтобы послушать немного старых добрых сказок. Вот почему малышка Пэгги частенько заходила сюда,

даже когда Папа не сердился на нее, а вовсе не из-за сырости, уж без нее-то она могла прекрасно обойтись. В этом месте огонь уходил от нее и она могла забыть о своем ведовстве. И ей не нужно было заглядывать во все темные уголки, в которых люди прячут свои тайны.

Которые они пытались спрятать и от нее, хотя в этом не было никакого смысла. Особенно далеко они пытались запрятать то, что больше всего ненавидели в самих себе, и совсем не догадывались о том, что все их темные тайнички лежат как на ладони перед глазами малышки Пэгги. Даже когда она была еще такой крохой, что сплевывала кукурузную кашу потому что хотела соску, даже тогда она знала все те веши, о которых люди вокруг нее не слишком распространялись. Она видела частички их прошлого, которое они пытались похоронить глубоко-глубоко, и частички страшащего их будущего. Вот почему она часто приходила сюда, в этот весенний домик. Здесь она могла не видеть всего этого. И даже позабыть о той леди из Папиных воспоминаний. Здесь просто ничего не было, кроме тяжелого, влажного, холодного и пустого воздуха, заставлявшего огонь затухать и превращавшего дневной свет в сумерки, так что она могла хоть

на несколько минут в день стать просто обычной маленькой пятилетней девочкой с соломенной куклой по имени Баги и даже не думать об этих взрослых секретах. Я не испорченная, сказала она себе. И повторяла это опять и опять, потому что уж она-то знала, что именно так и есть. Ну, хорошо, да, я испорченная. Но я больше не буду испорченной. Стану говорить либо только правду, как велит Папа, либо вообще ничего. Даже в пять лет малышка Пэгги знала, что если уж ей придется держать такое обещание, то лучше она тогда вообще ничего не будет говорить. Поэтому она просто молча лежала на замшелом влажном столе, сжимая Баги так крепко, что та сдавилась в ее руках.

Дзинь, дзинь, дзинь.

Малышка Пэгги проснулась и на минуту прямо-таки рассердилась.

Дзинь, дзинь, дзинь.

Рассердилась, потому что никто и не подумал поинтересоваться у ней:

«Послушай, маленькая Пэгги, ты как, вообще, не против если мы пригласим этого парня-кузнеца оборудовать в наших местах свою кузню?» Не то чтобы очень, Папа, сказала бы она, если б ее спросили. Она знала что это значит, иметь кузни-

цу по соседству. Это означало, что поселок станет процветать, люди из других мест станут ездить сюда, а когда приезжают люди, то начинается торговля, а когда начнется торговля, то большой Папин дом сможет стать лесным постоялым двором, а уж когда здесь будет постоялый двор, то все дороги вроде как чуток искривятся, чтобы пройти через это место, если оно только не очень в сторону от пути — малышка Пэгги знала это так же как живущие на ферме дети чувствуют, когда подходит время сеять или жать. Постоялый двор у кузницы — это богатый постоялый двор. Так что она сказала бы, конечно, пусть остается, дайте ему землю, выложите ему печь, кормите бесплатно, пусть себе спит в моей кроватке, а я могу ночевать на кровати кузена Питера, который все норовит заглянуть мне под ночную рубашку, со всем этим я уж как-нибудь смирюсь — до тех пор пока кузнец держится как можно дальше от моего весеннего домика, чтобы все время, даже когда мне хочется побыть одной, не раздавался этот шум-гам-свист-рев, этот постоянный стук, и огонь не коптил бы небо так, что оно все почернело и еще чтобы не вонял горящий уголь. Все это так надоедает, что хочется подняться к истоку ручья на холме просто чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть.

Конечно, это очень разумно поселить кузнеца у ручья. И вообще кроме как у воды кузницу поставить нигде нельзя. Железо ему шлют фургонами прямо из Новой Голландии, а что касается угля — находится немало фермеров с радостью меняющих уголь на хорошую подкову. Но вода — это такая штука, которая нужна кузнецу и которую никто не может ему принести, так что, конечно, они поместили его прямо под холмом у весеннего домика, где его дзинь-дзинь-дзинь станет будить ее и опять раздувать в ней огонь в том единственном месте, где ей удавалось сдерживать его горение таким слабым, что он почти готов был рассыпаться в холодную сырую золу.

Грохочущий гром.

Через секунду она была у двери. Нужно взглянуть на молнию. Ей удалось увидеть лишь последние всполохи света, но она знала, что эта молния не последняя. Сейчас вроде бы около полудня, а может, она проспала целый день? С этими закопченными облаками и не разберешь — это могли оказаться и последние минуты сумерек. Воздух был вроде как колючим из-за готовящейся полыхнуть молнии. Ей было знакомо это чувство, оно означало, что молния ударит поблизости.

Она посмотрела вниз, чтобы узнать много ли

лошадей осталось в стойле у кузнеца. Много. Подковка еще не закончена, дорога превратится в грязь, поэтому фермер с двумя сыновьями, ехавшие по дороге на Вест-Корк, застрянут здесь. Вряд ли они отправятся домой сейчас, когда молния готова поджечь леса, свалить дерево или просто шарахнуть по ним так, что они замертво свалятся в круг, как те пятеро квакеров, о которых говорят до сих пор, хотя это произошло еще в девяностом году, когда первые белые только-только появились в этих местах. Народ до сих пор говорит о Круге Пятерых и всем таком, некоторые думают, что Бог взял да и бабахнул квакеров, чтобы наказать, раз уж ничто больше их не берет, а другие думают, что Господь взял их прямо на небо как первого Лорда-Протектора Оливера Кромвеля, которого ударило молнией в возрасте девяносто семи лет после чего он взял да исчез. Ну уж нет, этот фермер и его взрослые сыновья останутся у нас на ночь. В конце концов, Пэгги дочь хозяина постоялого двора или нет? Маленькие Краснокожие умеют охотиться, негритята носить поклажу, дети фермера знают все о погоде, а дочь хозяина гостиницы знает, останутся ли люди ночевать еще до того, как они сами это поймут.

Фермерские лошади грызли удила в стойле,

фырканьем предупреждая друг друга о грозе. Наверное, думала Пэгги, в каждой упряжке есть одна исключительно глупая лошадь, так что остальные должны ей растолковывать, что к чему. Очень сильная гроза, говорят они. Если даже молния не убьет нас, то наверняка промокнем. А эта тупица все продолжает ржать, спрашивая, Что за шум? Что за шум?

Тут небо прямо-таки раскололось и обрушило всю свою воду на землю. Она лилась так сильно, что сшибала листья с деревьев. Так густо, что малышка Пэгги на минуту потеряла кузницу из виду и подумала, а не смыло ли ее прямо в поток. Дедушка сказал ей, что этот ручей течет прямо в Хатрак-ривер, Хатрак впадает в Хио, а Хио пробирается сквозь леса в Миссисипи, которая впадает в море, и еще Дедушка рассказывал, что море выпивает столько воды, что ему становится не по себе и оно выдает такую большую отрыжку, что ты себе и представить не можешь, так вот и получаются облака. Отрыжка моря, вот как, значит, и значит кузница теперь проплывет весь этот путь, потом море заглотает ее, потом выплюнет и вот когда-нибудь Пэгги будет тихо сидеть себе и заниматься своими делами, а какое-нибудь облако расколется да как бабахнет эту кузницу

точнехонько на место а старый кузнец Мэйкпис все так и будет дзинь-дзинькать как ни в чем не бывало.

Тут дождь на минуту затих, она посмотрела вниз и обнаружила, что кузница все еще стоит на месте. Но она увидела не только это. Там, ниже по Хатрак-ривер, в лесу сверкали огненные вспышки, да, прямо там, где брод, только вот никакой возможности пересечь этот брод сегодня не будет из-за этого самого дождя. Вспышки, много вспышек и она знала, что каждая из них была каким-то человеком. Теперь она больше не задумывалась о том, как это происходит, но достаточно ей было увидеть сердечный огонь человека и она видела в нем иногда его будущее, иногда прошлое, и все ее видения начинались в этом сердечном огне.

Во всех сердцах этих людей она видела сейчас одно и то же. Фургон посередине Хатрака и воду рвущуюся к фургону чтобы затопить его и с ним все, чем они владеют в этом мире.

Малышка Пэгги была неразговорчива, но все знали, что она ведунья, так что всегда прислушивались к тому, что она говорит, особенно если разговор шел о несчастье. И особенно о несчастье вроде этого. Конечно, поселения белых колонистов в этих местах были уже достаточно старыми,

им было куда больше лет, чем малышке Пэгги, но люди здесь еще не забыли, что если чей-то фургон затопило в паводок, то это потеря для всех. Она прямо-таки летела вниз с заросшего травой холма, перепрыгивая сусличьи норы, скользя на крутых местах, так что через двадцать секунд она уже рассказывала о случившемся в лавке при кузнице. Фермер с Вест-Форка был явно недоволен тем, что кто-то прервал его бесконечную историю о грозах, которые ему довелось повидать. Но Мэйкпис знал, кто такая малышка Пэгги. Стоило ему только выслушать ее, как он приказал парням седлать лошадей, неважно, подкованы они или нет, ведь для тех, кто застрял на хатракском броде важна была каждая минута. Малышка Пэгги так и не увидела, как они отправляются, потому что Мэйкпис послал ее в большой дом поднять на ноги отца и всех его работников и гостей. Ведь каждый из них когда-то так же как и эти переселенцы закинул все свое имущество в фургон и потащил его на запад, сначала по горным дорогам, потом по бескрайним лесам. И поэтому каждый чувствовал себя так, как будто это их фургон пытается поглотить вода. Они все прошли через это. Так вот, знаете ли, обстояли дела в те времена.

Люди замечали несчастья других так же быстро, как и свои собственные беды.

Глава 4
ХАТРАК – РИВЕР

Вигор командовал мальчиками, пытающимися вытянуть фургон, пока Элеонор понукала лошадей. Алвин Миллер занимался тем, что по одной относил маленьких девочек в безопасное место на противоположном берегу. Течение вцеплялось в него как дьявол, шепча, «Я заберу твоих детей, всех до одного!» но Алвин говорил «нет» каждым мускулом своего рвущегося к берегу тела, он говорил «нет» до тех пор, пока все его девочки не оказались стоящими на берегу и струи дождевой воды стекали с их лиц как слезы всех горестей мира. Он мог бы также вытащить и Фэйт вместе с ее будущим ребенком, но ее было невозможно сдвинуть с места. Она сидела в фургоне, цепляясь за сундуки и мебель, когда фургон наклонялся и трясся. Вспыхнула молния, каркас треснул, одна из досок продырявила холст и вода хлынула внутрь, но Фейт застыла как истукан с побелевшими костяшками рук и глаза ее смотрели куда-то наружу. Встретившись с этим взглядом, Алвин понял что не сможет сказать

ничего такого, что заставило бы ее покинуть фургон. Была только одна возможность спасти Фейт и нерожденного ребенка — вытащить фургон. «От лошадей мало толку, Папа, — кричал Вигор. -Они все время спотыкаются и могут переломать себе ноги.»

«Но без лошадей мы не сможем ничего вытащить!» «Лошади сами по себе кое-что, Папа. Если мы оставим их здесь, то потеряем и лошадей и фургон!»

«Твоя мать не уйдет из фургона.»

Он увидел понимание в глазах Вигора. Веши не стоили того, чтобы рисковать из-за них жизнью. Но Мама стоила.

«И все же», сказал Вигор. "На берегу упряжка могла бы тянуть сильнее.

Здесь в воде они ни к чему не годятся."

«Пошли мальчиков распрячь их. Но вначале привяжи веревку к дереву, чтобы закрепить фургон!»

Не прошло и двух минут, как близнецы Вэйстнот и Вонтнот уже привязывали веревку к крепкому дереву на берегу. Дэвид и Мишур сделали еще одно крепление на лошадиной упряжи, и Калм обрезал ремни, привязывающие их к фургону. Молодцы ребята, все делают как надо,

Вигор выкрикивал распоряжения, а Алвин мог только наблюдать, беспомощно стоя и глядя на Фэйт, которая изо всех сил пыталась удержаться и не начать рожать прямо здесь, посреди Хатрак-Ривер, стремящейся смыть их всех к чертовой матери. Не такая уж серьезная речка, говорил Вигор, но потом принесло облака, начался дождь и Хатрак стала куда опасней. Но даже тогда, когда они входили в нее, она выглядела все еще проходимой. Лошади тянули мощно, и Алвин уже сказал Калму, который правил ими «Ну, я думаю, много времени это у нас не займет!», когда река словно рехнулась, в момент удвоив свою силу и скорость. Лошади запаниковали, потеряли направление и стали тянуть в разные стороны. Мальчики соскочили в реку и попытались направить их к берегу, но скорость уже была утеряна, колеса фургона зарылись в ил и застряли. Как будто река знала, что они идут и приготовила самое худшее на тот момент, когда они уже будут в самой середине и не смогут спастись.

«Смотри! Смотри!» — закричал Мишур с берега.

Алвин посмотрел вверх по течению, чтобы узнать, что еще за дьявольщину задумала река, и увидел там целое дерево, плывущее вперед

корнем, направленным как таран в центр фургона, прямо в то место, где сидела Фэйт с готовым родиться ребенком. Алвин не думал о том, что делать, он вообще не мог думать ничего, а просто закричал имя жены изо всей силы. Может, в глубине души он надеялся, что произнеся его вслух он сможет уберечь ее от беды, но нет, надежды на это не было, совсем никакой надежды. Правда вот, Вигор не знал о том, что надежды нет. Когда до дерева оставалось уже всего пять метров, он прыгнул навстречу и его тело упало прямо над корнем. Инерция этого прыжка чуть развернула ствол, из-за чего он стал крутиться вокруг своей оси и, в конце концов, начал двигаться в сторону от фургона. Конечно, и сам Вигор крутился вместе с ним, погружаясь каждый раз в воду с головой, но дело было сделано — корень проскочил мимо фургона и лишь ствол задел его скользящим ударом.

Дерево развернулось поперек течения и раскололось у берега от удара о валун. Алвин стоял метрах в двадцати от этого места, хотя позже, когда он вспоминал происшедшее, ему казалось, что он был прямо там. Дерево врезалось в валун в тот момент, когда между ними оказался Вигор. На секунду, длившуюся, казалось, целую жизнь, гла-

за Вигора удивленно открылись, и кровь начала течь изо рта, окропляя убившее его дерево. Затем Хатрак-ривер опять подхватила расщепленное дерево в свой поток. На поверхности осталась лишь рука Вигора, запутавшееся в корнях тело скрылось под водой, и эта рука, казалось, прощается с этим миром, так, как помахивает на прощанье рукой зашедший в гости фермер.

Алвин был так поглощен этой картиной, что не замечал, что происходит с ним самим. Толчка дерева было достаточно, чтобы освободить завязшие колеса и поток подхватил фургон, унося его вниз по течению. Алвин вцепился в запятки фургона. Фэйт рыдала внутри, Элеонор истошно орала с места возницы и мальчики что-то кричали с берега. Они кричали «Держи! Держи!» Веревка, один конец которой был укреплен за надежное дерево а другой за фургон держала, да, она выдержала. Река не могла стащить фургон вниз, вместо этого она стала раскачивать его на веревке, словно мальчишка, натягивающий рогатку, и когда дребезжащий фургон застыл прямо у берега, веревка оказалась натянутой по течению.

«Сработало!» вопили мальчики.

«Слава Богу!» кричала Элеонор.

«Роды начинаются», прошептала Фэйт.

Но Алвин слышал только тихий слабеющий вскрик, последний звук раздавшийся изо рта его первенца, видел только как сын все цепляется за дерево, переворачивающееся раз за разом в воде и мог произнести только одно слово, один приказ. «Живи!», шептал он. Раньше Вигор всегда слушался его. Хороший работник, добрый товарищ, скорее друг или брат, чем сын. Но он знал, что на этот раз сын ослушается. И все же шептал это. «Живи». «Мы в безопасности?» — спросила Фэйт дрожащим голосом. Алвин повернулся к ней, пытаясь скрыть следы горя на лице. Незачем ей знать, какую цену Вигор заплатил за то, чтобы спасти жизнь ей и ребенку. Для этого еще будет время после рождения ребенка. «Ты можешь выбраться из фургона?»

«Что-то не так?», спросила Фэйт, вглядываясь в его лицо. «Я испугался. Дерево могло убить нас. Ты можешь выбраться сейчас, когда мы у самого берега?»

Элеонор склонилась с передка фургона, «Дэвид и Калм сейчас на берегу, они помогут тебе выбраться. Веревка держит, Мама, но кто знает, надолго ли ее хватит».

«Давай, мать, тебе нужно сделать только шаг»,

сказал Алвин. «Нам будет легче справиться с фургоном, если мы будем знать, что тебя там нет». «Роды начинаются», сказала Фэйт.

«Лучше на берегу, чем здесь», сказал Алвин твердо. «Давай!» Фэйт встала и неуклюже вскарабкалась на перед. Алвин перебрался в заднюю часть фургона, чтобы помочь ей, если она оступится. Даже ему было видно, как содрогается ее живот. Ребенок уже, наверное, пытается выйти. Теперь на берегу были уже не только Дэвид с Калмом. Там собрались незнакомые люди, взрослые мужчины и с ними несколько лошадей. Даже один небольшой фургон и это было очень кстати. Алвин не имел представления, кто были эти люди и откуда они узнали о том, что нужна помощь, но сейчас было не до выяснений.

«Эй, кто-нибудь! На постоялом дворе есть повивальная бабка?» «Добрая Гестер имела дело с родами», сказал похожий на кузнеца крупный мужчина с толстыми как бизоньи ноги руками.

«Ты можешь взять мою жену в этот фургон? Времени осталось мало». Алвин знал, что говорить в присутствии жены о родах так прямо — позор для мужчины. Но Фэйт не была дурой — она знала, что сейчас главней, и доставить ее в постель и к умелой повивальной бабке было

важнее, чем ходить вокруг да около. Дэвид и Калм осторожно помогли матери добраться до ожидавшего ее фургона. Фэйт шаталась от боли. Беременным женщинам не очень-то полезно прыгать из фургона на берег реки. Элеонор шла позади, руководя всеми с такой уверенностью, что трудно было поверить, что она самая младшая (если не брать в расчет близнецов). "Мишур! Собери всех девочек вместе. Они поедут в фургоне вместе с нами. Вэйстнот и Вонтнот, вы тоже! Я знаю, что вы могли бы помочь братьям, но вы мне нужны, чтобы было кому приглядеть за девочками, пока я буду с матерью. С Элеонор и в обычное время было лучше не ссориться, а теперь положение было таково, что они повиновались ей безропотно, даже не обозвав ее как обычно Элеонорой Аквитанской. С младшими девочками тоже обошлось без пререканий и они залезли в фургон. На мгновение Элеонор помешкала на берегу, оглянувшись назад, туда, где ее отец неподвижно стоял на сиденье возницы. Она бросила взгляд вниз по течению реки, потом опять посмотрела на него. Алвин понял вопрос и отрицательно покачал головой. О смерти Вигора Фэйт не знала. Непрошеные слезы появились на глазах у Алвина, но Элеонор была спокойна. Ей

было всего четырнадцать, но когда она хотела удержаться от слез, то у нее это получалось.

Вэйстнот прикрикнул на лошадь и фургончик двинулся вперед. Фэйт вздрагивала каждый раз, когда девочки или капли дождя касались ее. Взгляд ее был тяжелым, как у коровы, и таким же бессмысленным, обращенным назад, к мужу, к реке. Во время родов, подумал Алвин, женщина превращается в животное, разум ее ослабевает, в то время как тело главенствует и делает свою работу. Как еще смогла бы она вынести боль? Будто духи земли овладевали ею так же, как владеют они душами животных, заставляя ее слиться с течением жизни всего мира, отчуждая ее от семьи, от мужа, от принадлежности к роду людскому, уводя ее в чертоги зрелости, плодородия, жатвы и смерти. «С ней будет все в порядке», сказал кузнец. «И у нас найдутся лошади, чтобы вытянуть ваш фургон».

«Река слабеет», сказал Мишур. «Дождь стихает и течение уже не такое сильное».

«Как только твоя жена вышла на берег, сразу и отпустило», сказал человек, смахивающий на фермера. «Дождь стихает, это уж точно». «Хуже всего дело было, когда вы были в воде», сказал кузнец. «Но сейчас все в порядке. Возьми себя в

руки, парень, тут для тебя еще есть работа». Только тогда Алвин пришел в себя настолько, чтобы заметить, что он плачет. Работа есть, это точно, возьми себя в руки, Алвин Миллер. Ты же не слабак, чтобы распускать нюни как ребенок. Другие потеряли по несколько детей и ничего, живут себе. У тебя же их двенадцать, и Вигор уже стал настоящим мужчиной, хотя и не успел жениться и завести собственных детей. Может, Алвин рыдал оттого, что Вигор умер так достойно, а может просто потому что это случилось так внезапно.

Дэвид коснулся руки кузнеца. «Оставь его на минуту», сказал он мягко. «Наш старший брат был унесен рекой всего десять минут назад. Он зацепился за тонущее дерево».

«Не зацепился», резко сказал Алвин. «Он прыгнул на это дерево и спас наш фургон вместе с вашей матерью внутри! Эта река ему отплатила, вот что, она наказала его».

Калм спокойно объяснил собравшимся, «Его раздавило об этот вот валун». Они оглядели его. На нем не было даже следа крови и он выглядел вполне безобидно.

«У Хатрак в этих местах дурной норов», сказал кузнец. «Но я никогда не видел раньше ее такой бурной. Я сожалею о твоем сыне. Вниз по реке

есть тихое широкое место и его, должно быть, вынесет туда. Все, что попадает в реку, остается там. Когда гроза утихнет, мы можем сходить вниз и принести… принести его назад».

Алвин вытер глаза рукавом и так как рукав был насквозь мокрым, это не очень помогло. «Дайте мне еще минутку, и я займусь делом». Они впрягли еще двоих лошадей и четверо животных вытащили фургон из ослабевшего течения без особых усилий. Когда фургон был опять вывезен на дорогу, уже начало немного пробиваться солнце. «Ты можешь этого не знать», сказал кузнец. «Но у нас тут это обычное дело, когда погода тебе приходиться не по нраву, ты просто накладываешь на нее заклятие, и она меняется».

«Только не для нас», сказал Алвин. «Эта гроза пришла для нас». Кузнец положил руку на плечо Алвина и сказал очень мягко, «Без обид, мистер, но это сумасшедшая болтовня».

Алвин скинул его руку плечом. «Эта гроза и эта река хотели нас». «Папа», сказал Дэвид. «Ты устал и расстроен. Лучше было бы нам отправиться на постоялый двор и посмотреть, как там Мама». «Мой ребенок будет мальчиком», сказал Алвин. «Вот увидишь. Он мог бы стать седьмым сыном седьмого сына».

Это сразу заинтересовало всех, включая кузнеца. Всем известно, что седьмому сыну даны большие дарования, но седьмой сын седьмого сына, о, он должен стать таким могучим, что это даже нелегко себе представить. «Это другое дело», сказал кузнец. «Он с рождения должен уметь находить воду ивовым прутом и вода ненавидит его за это». Остальные задумчиво закивали.

«У воды свои уловки», сказал Алвин. «свои хитрости, и она добилась своего. Она убила бы Фэйт вместе с ребенком, если бы смогла. Но раз уж у нее это не получилось, что ж, она убила моего сына Вигора. И теперь, когда ребенок родится, он будет всего лишь шестым сыном, потому что в живых осталось только пятеро».

«Некоторые говорят, что это не имеет значения, живы ли предыдущие шестеро или нет», сказал фермер.

Алвин промолчал, но ему-то было известно, что разница есть. Он мечтал о волшебном ребенке, но вода позаботилась обо всем. Если вода не смогла остановить тебя одним путем, то она делает это другим. И в этом его вина — он не должен был мечтать об этом, потому что цена за мечту оказалась слишком высокой. И на всем пути к дому его глаза видели лишь одну картину — за-

жатый цепкими корнями Вигор несется в потоке как попавший в пылевую бурю лист и изо рта его стекает кровь, утоляя убийственную жажду Хатрак-ривер.

Глава 5
ПЛЕНКА

Малышка Пэгги стояла у окна, глядя на грозу. Отсюда ей были видны все эти сердечные огни и особенно один из них, такой яркий, что когда она посмотрела на него он ослепил ее как солнце. Но огни эти были окружены темнотой. Нет, даже не темнотой — это было ничто, выглядевшее как незавершенная Господом часть мира, и оно окружало огни, стараясь оторвать их друг от друга, размести и поглотить. Малышка Пэгги знала, что это такое. Там, где она видела горящую желтизну сердечных огней, присутствовали и три других цвета. Густой темно-оранжевый цвет земли. Прозрачно-серый цвет воздуха. И глубокая черная пустота воды. И эта вода сейчас рвалась их разделить. Река. Только вот никогда прежде не видела она ее такой черной, такой сильной и такой ужасной. Сердечные огни выглядели крошечными в этой ночи.

«Что ты видишь, детка?», спросил Дедушка.

«Река хочет унести их прочь», сказала малышка Пэгги.

«Надеюсь, это ей не удастся».

Малышка Пэгги начала плакать.

«Да, детка», сказал Дедушка. «Видеть далеко не всегда так уж здорово, правда?»

Она покачала головой.

«Но, может, все кончится не так уж плохо, как ты думаешь?». Как раз в этот момент она увидела, как один из огоньков откололся и упал во тьму. «Ох!» вскрикнула она, протягивая руку, как будто пытаясь схватить этот огонь и вернуть его на место. Но, конечно, это было не в ее власти. Она видела происходившее четко, будто вблизи, но дотянуться туда не могла.

«Они погибли?» спросил Дедушка.

«Один», прошептала малышка Пэгги.

«Мэйкпис и остальные не подоспели еще?»

«Только что», сказала она. «Веревка выдержала. Они в безопасности».

Дедушка не спросил ее, как она узнала об этом или что точно она видела.

Только лишь похлопал ее по плечу. «Это все потому, что ты рассказала нам. Запомни это, Маргарет. Один погиб, но если б ты не увидела и не послала помощь, мертвы были бы все».

Она покачала головой «Я должна была увидеть раньше, Дедушка, но проспала».

«И ты винишь себя?», спросил Дедушка.

«Я должна была позволить Чертовой Мэри клюнуть меня, тогда Папа не разозлился бы и я не оказалась в домике и не заснула бы и послала бы помощь вовремя…»

«Этак каждый из нас может бесконечно обвинять себя. В этом нет никакого смысла».

Но она знала, что смысл есть. Не станешь ведь обвинять слепого, не предупредившего, что можешь наступить на змею, но наверняка будешь зол на того, у кого с глазами все в порядке и кто не сказал тебе ни слова об этом. Она знала, в чем заключается ее долг с тех пор как поняла, что другие люди не могут видеть всего того, что видит она. Бог дал ей особые глаза, поэтому она должна смотреть в оба и предупреждать людей, а то дьявол заберет ее душу. Дьявол из глубокого черного моря.

«Нет никакого смысла», прошептал Дедушка. И вдруг, будто его пихнули в спину тараном, вскочил на ноги и закричал «Весенний домик! Ну точно, весенний домик!». Он прижал малышку к себе. «Послушай меня, детка. Это действительно не твоя вина. Та же вода, что течет в Хатрак-ривер, течет и в ручье внутри домика. И эта вода, желающая убить их, она знала, что только ты мо-

жешь предупредить и послать помощь. Поэтому она пела тебе и погрузила тебя в сон».

Для Пэгги в этом был некоторый резон. «Как это могло случиться, Дедушка?»

«Ну, это в порядке вещей. Весь мир создан только из четырех вещей, малышка, и каждая хочет повернуть его по-своему», Пэгги подумала о тех четырех цветах, которые она видела, когда ей сверкали сердечные огоньки, и поэтому она знала о чем пойдет речь еще до того, как Дедушка начал перечислять. «Огонь делает веши горячими и яркими и истощает их. Воздух делает веши холодными и проникает повсюду. Земля делает веши твердыми, крепкими и долговечными. Но вода, она разрушает все, она падает с неба и уносит с собой все, что только сможет, уносит прямо в море. Если бы воде удалось восторжествовать, весь мир стал бы одинаковым, один большой океан и ничего, кроме воды. Мертвый и одинаковый. Вот отчего ты заснула. Вода хотела уничтожить этих людей, кем бы они не были, уничтожить, убить их. Это настоящее чудо, что ты вообще проснулась».

«Молот кузнеца разбудил меня», сказала малышка Пэгги. «Ага! Теперь-то ты понимаешь? Кузнец работал с железом, самым сильным по-

рождением земли, с мощным поддувом воздуха из мехов, с таким сильным огнем, что он выжег траву вокруг трубы. Воде было не по силам заставить его молчать».

Малышке Пэгги трудно было поверить во все эти вещи, но судя по всему это было правдой. Кузнец вытащил ее из водяного сна. Кузнец помог ей. Ну и дела, забавно, кузнец на этот раз оказался ее другом. Раздался какой-то шум снизу, двери открылись и закрылись. «Кто-то из них уже здесь», сказал Дедушка.

Малышка Пэгги посмотрела на сердечные огни внизу, и обнаружила один, терзаемый сильнейшими страхом и болью. «Это их Мама», сказала малышка Пэгги. «У нее начались роды».

«Ну, разве это не удача. Потерять одного, и на тебе пожалуйста, еще один чтобы заменить смерть на жизнь». Дедушка неуклюже поковылял вниз, чтобы помочь.

Что же до малышки Пэгги, она осталась стоять где была, глядя на то, что было ей видно на расстоянии. Оторванный от остальных огонек не был еще полностью утерян, она была уверена в этом. Она видела его мерцание там, вдалеке, хотя река пыталась опять и опять поглотить его. Он не был мертв, а всего лишь унесен течением и,

возможно, кто-нибудь еще сможет помочь ему. Она встала, в спешке пронеслась мимо Дедушки и загрохотала вниз по лестнице. Мама поймала ее за руку, когда она ворвалась в большую комнату. «Здесь сейчас роды», сказала Мама. «И ты нужна нам». «Но, Мама, тот кого унесло рекой еще жив!»

«Пэгги, у нас нет времени для…»

Два мальчика с одинаковыми лицами протолкались к ним. «Тот, кого унесло!», закричал один.

«Еще жив!», закричал второй.

«Откуда ты знаешь!»

«Он не может быть жив!»

Они так старались перекричать друг друга, что Мама должна была шикнуть на них, чтобы хоть что-нибудь понять.

«Это был Вигор, наш старший взгляд, его унесло…»

«Он жив сейчас», сказала малышка Пэгги. «Но река держит его». Близнецы посмотрели на Маму, ища подтверждения. «Она знает о чем говорит, Добрая Гестер?»

Мама кивнула и мальчики побежали к дверям, крича «Он еще жив! Он еще жив!».

«Ты уверена?», спросила Мама строго. «Было бы жестоко вселять надежду в сердца этих людей,

если это не так».

Мамины строгие глаза напугали Пэгги и она не знала, что сказать.

И тут из-за ее спины вышел Дедушка. «Скажи-ка мне, Пэг», сказал он. «как бы еще она смогла узнать, что кого-то унесло течением, если бы не увидела этого собственными глазами?»

«Я знаю», сказала Мама. «но эта женщина пыталась задержать роды слишком долго и я должна позаботиться о ребенке, так что пойдем-ка со мной, малышка, я хочу чтобы ты рассказала о том, что увидишь». Она провела малышку Пэгги в спальню за кухней, где они с Папой спали, когда принимали гостей. Женщина лежала на кровати, крепко прижав к себе руку высокой девочки с глубокими и серьезными глазами. Малышка Пэгги не знала их в лицо, но их огни были ей знакомы, особенно объятый болью и страхом огонь матери.

«Кто-то кричал», прошептала мать.

«Сейчас тебе лучше помолчать», сказала Мама.

«О том, что кто-то еще жив».

Серьезная девочка подняла брови и посмотрела на Маму.

«Это правда, Добрая Гестер?».

«Моя дочь ведунья. Поэтому я и привела ее в

эту комнату. Посмотреть на ребенка».

«Она видела моего мальчика? Он еще жив?»

«Мне кажется, ты ничего не говорила ей, Элеонор», сказала Мама.

Серьезная девочка покачала головой.

«Я видела все из фургона. Он еще жив?»

«Скажи ей, Маргарет».

Малышка Пэгги повернулась к стене и стала всматриваться в далекий сердечный огонь. Для ее зрения стены не были помехой. Мерцание огня еще не погасло, хотя она и чувствовала, что он очень далеко. Теперь она попыталась приблизиться к нему, используя силы своего дара и присмотреться получше. «Он окружен водой. Весь запутался в корнях».

«Вигор!» закричала мать с кровати.

«Река хочет его. Река говорит, умри, умри».

Мама дотронулась до руки женщины. «Близнецы побежали предупредить остальных. Они отправятся искать его».

«В темноте!», прошептала женщина с отчаянием. Малышка Пэгги опять заговорила. «Мне кажется, он молится. Он говорит — седьмой сын».

«Седьмой сын», прошептала Элеонор.

«Что это значит?», спросила Мама.

«Если ребенок будет мальчиком», объяснила Элеонор. «и родится, пока Вигор еще жив, он будет седьмым сыном седьмого сына». Мама выглядела ошеломленной. «Не удивительно, что река…», сказала она. Заканчивать фразу ей было незачем. Вместо этого она взяла малышку Пэгги за руки и положила их на женщину. «Посмотри на ребенка и увидь то, что тебе видно».

Конечно же, малышка Пэгги делала это и прежде. За этим обычно и звали ведуний — посмотреть на нерожденного ребенка в момент его рождения. В основном, ради того, чтобы узнать в каком положении он лежит в утробе, но иногда ведунья была способна узнать кто и кем будет этот ребенок. На этот раз она увидела сердечный огонь нерожденного ребенка сразу, еще до того как прикоснулась к животу беременной женщины. Этот огонь, такой горячий и яркий, что в сравнении с огнем матери он выглядел как солнце и луна, она и видела прежде издалека. «Это мальчик», сказала она.

«Так пусть он родится», сказала мать. «Пусть он впервые вдохнет воздух, пока Вигор еще может дышать!»

«Как расположен ребенок?», спросила Мама.

«Правильно», сказала малышка Пэгги.

«Головой вперед? Лицом вниз?»

Малышка Пэгги кивнула.

«Так почему же он не выходит?», спросила Мама.

«Потому что она не дает ему», сказала малышка Пэгги, глядя на мать. «В фургоне», сказала мать. «Он хотел выйти и я наложила на него заклятие».

«Ты должна была сказать мне сразу», резко сказала Мама. «Ты просишь помочь, а сама даже не сказала, что на ребенке заклятье. Эй, девочка!» Несколько девочек стояли у стены с широко раскрытыми глазами, не понимая, кого она имеет в виду.

«Любая из вас, мне нужен железный ключ из кольца на стене».

Старшая с трудом сняла кольцо с крюка и принесла его. Мама стала раскачивать ключ на большом кольце над животом матери, мягко напевая:

«Вот кольцо, раздайся шире Вот и ключ, открой врата Земля тверда и пламя чисто Отдай воздуху, вода!»

Мать закричала от внезапной боли. Мама отбросила ключ, сдвинула одеяло, подняла колени женщины и приказала Пэгги смотреть изо всех

сил. Малышка Пэгги дотронулась до утробы женщины. Сознание мальчика было пусто, в нем было только чувство давления и холода, увеличивающееся по мере появления на свет. Но эта пустота сознания позволила ей видеть веши, которые больше никогда не будут опять видны. Миллиарды миллиардов дорог лежат перед ним, ожидая его первых поступков, и каждое изменение в мире вокруг него ежесекундно уничтожало миллионы вариантов будущего. Будущее было в каждом человеке, мерцающую тень его она могла иногда различить, но через завесу мыслей и чувств человека она никогда не видела его ясно. А здесь, на несколько бесценных мгновений, малышка Пэгги увидела его совершенно отчетливо.

И в конце каждой дороги она видела только одно — смерть. Смерть в воде.

Каждая будущая дорога вела этого мальчика к смерти в воде.

«За что ты так его ненавидишь?» вскричала малышка Пэгги.

«Что?» спросила Элеонор.

«Тс-с,» сказала Мама. «Пусть она увидит то, что открыто ей». Внутри неродившегося ребенка, темный сгусток воды вокруг сердечного огня был таким ужасающе плотным, что малышка Пэгги

боялась что вот-вот огонь будет поглощен.

«Вытащите его, чтобы он смог дышать!», вскричала она. Мама рванулась, хотя это и причинило роженице страшную боль, и потянула ребенка сильными пальцами за шею, вытягивая его наружу. В этот момент, как только темная вода исчезла из сознания ребенка и прямо перед его первым вздохом, малышка Пэгги увидела, как десять миллионов смертей от воды исчезают. Теперь, впервые, несколько дорог, несколько путей к изумительному будущему, были открыты. И у всех этих не кончающихся ранней смертью дорог было кое-что общее. На всех малышка Пэгги видела себя делающей одну простую вещь.

Так что именно это она и сделала. Она убрала руку с опадающего живота женщины и просунула ее под рукой своей матери. Головка ребенка только-только показалась и была вся покрыта окровавленной пленкой, куском оболочки плода, в которой он плавал в утробе матери. Его рот был открыт и прижат к пленке, которая не порвалась и поэтому не давала ему дышать. Малышка Пэгги сделала то, что должна была сделать в увиденном ей будущем. Она протянула руку, схватила пленку на подбородке ребенка и отодрала ее от лица. Пленка отошла целиком, одним влажным ком-

ком, и в тот же момент рот ребенка приоткрылся, он глубоко вдохнул воздух и издал тот мяукающий вопль, что слышится всем рожающим матерям как песня жизни. Все еще поглощенная видением, открывшимся ей на жизненных путях мальчика, Пэгги бессознательно спрятала комок пленки. Она еще не знала, что означают эти видения, но в ее сознании остались такие яркие образы, что она знала — их ей никогда не забыть. Они пугали ее, потому что в этих будущих путях так много будет зависеть от нее и от того, как она использует зажатую в ее руках и все еще теплую пленку.

«Мальчик», сказала Мама.

«Он будет», прошептала мать. «седьмым сыном?». Мама была занята завязыванием пуповины и поэтому не могла даже мельком бросить взгляд на Пэгги. «Посмотри», прошептала она. Малышка Пэгги посмотрела на одинокий сердечный огонь там, на далекой реке. «Да», сказала она, потому что он все еще горел. Не успела она отвести взгляд, как вдруг огонек замерцал угасая.

«Теперь его нет», сказала малышка Пэгги.

Женщина на кровати горько зарыдала, содрогаясь измученным родами телом. «Горевать при рождении ребенка», сказала Мама. «Это самое

последнее дело».

«Тихо», прошептала Элеонор матери. «Будь радостной, а не то это омрачит жизнь ребенка!».

«Вигор!», прошептала женщина.

«Лучше молчать, чем плакать», сказала Мама. Она вынесла плачущего младенца и Элеонор приняла его в умелые руки — ей явно приходилось уже возиться с детьми. Мама подошла к стоявшему в углу комнаты столу и взяла платок, который красился среди черной шерсти так долго, что стал цветом чернее ночи. Она натянула его над лицом плачущей женщины, приговаривая, «Спи, мать, спи!»

Когда платок был убран, плач замолк и обессиленная женщина спала.

«Забери ребенка из комнаты», сказала Мама.

«Его еще не пора кормить?» спросила Элеонор.

«Она никогда не станет кормить этого ребенка», сказала Мама. «Если ты, конечно, не хочешь, чтобы с молоком он всосал ненависть?» «Она не станет ненавидеть его», сказала Элеонор. «Это не его вина». «Думаю ее молоко не знает этого», сказала Мама. «Правильно, Пэгги? Чью грудь будет сосать этот ребенок?»

«Своей матери», сказала малышка Пэгги.

Мама пронзительно посмотрела на нее.

«Ты уверена в этом?»

Она кивнула.

«Что ж, хорошо, мы принесем ребенка, когда она проснется. В любом случае, первую ночь ему лучше не есть».

И Элеонор унесла ребенка в большую комнату, где был разожжен огонь, чтобы дать просушиться мужчинам, которые прервали свои бесконечные воспоминания о дождях и потопах похлеще нынешнего для того, чтобы посмотреть на ребенка.

В это время в комнате Мама взяла малышку Пэгги за подбородок, требовательно вглядываясь ей в глаза. «Скажи мне правду, Маргарет. Это не шутка, если ребенок всосет ненависть с молоком собственной матери.» «Она не станет ненавидеть его, Мама», сказала малышка Пэгги.

«Что ты видела?»

Малышка Пэгги хотела ответить, но она не знала слов, чтобы описать большинство из тех вещей, которые открылись ее зрению. Так что она просто уставилась в пол. Мама глубоко вздохнула и малышка уже решила, что она вполне созрела для того, чтобы задать ей взбучку. Но Мама молча подождала, а потом нежно погладила ее щеку рукой. «Ах, детка, ну и денек у тебя был. Ребенок мог умереть, если б ты не сказала, что

его нужно вытащить. Ты даже сама освободила его рот, ведь именно это ты сделала?» Малышка Пэгги кивнула.

«Достаточно для маленькой девочки и достаточно для всего лишь одного дня». Мама повернулась к остальным девочкам, жмущимся у стенки в мокрых платьицах. «И вы тоже, у вас был тяжелый день. Выйдите отсюда, пусть ваша мама поспит, выходите и идите сушиться к огню. А я пока займусь ужином для вас.»

Но Дедушка уже вовсю суетился на кухне, отказываясь даже слышать о том, чтобы кто-нибудь помогал ему. Очень скоро она была у ребенка, разогнав мужчин, чтобы укачать его, дав ему пососать палец. Малышка Пэгги сообразила, что так скоро очередь дойдет и до нее, и предпочла прошмыгнуть вверх по лестнице в темное затхлое пространство чердака. Пауки мало беспокоили ее, кошки почти истребили мышей, так что было не страшно. Она прокралась в свое укромное тайное место и достала резную шкатулку, которую дал ей Дедушка, ту самую, что привез из Ольстера еще дедушкин Папа, когда переехал в колонии. Шкатулка была полна ценнейшими детскими штуковинами — камнями, нитками, пуговицами — но теперь она знала, какая это все ерунда в

сравнении с тем трудом, что ждал ее в будущем. Она вытряхнула безделушки и дунула в шкатулку, чтобы избавиться от пыли. Затем положила скомканную пленку внутрь и закрыла крышку. Пэгги была уверена, что в будущем ей придется много раз открывать эту шкатулку. Шкатулка будет взывать к ней, будить посреди ночи, отрывать от друзей, красть все ее мечты. И все это только потому, что этому мальчику там, внизу, обязательно суждено погибнуть от темной воды, если она не использует пленку, предохранявшую его в материнской утробе, чтобы оберечь его и от этой опасности.

На мгновение ей стало очень обидно, что ее собственная жизнь изменилась так сильно. Это было куда хуже, чем надоедливый кузнец, хуже, чем Папа с его поркой орешниковыми розгами, хуже сердитых глаз матери. Все теперь будет иначе и она не была этому рада. Все из-за этого ребенка, которого она не звала и не просила приходить сюда, так какое же ей вообще до него дело? Она протянула руку и открыла шкатулку, намереваясь достать пленку и закинуть ее в дальний угол чердака. Но даже в чердачной темноте она смогла увидеть место, которое было темнее темноты: то место у ее собственного сердечного

огня, где пустота глубокой черной реки делала все, чтобы сделать малышку Пэгги убийцей.

Нет, сказала она воде. Ты не можешь стать частью меня. Но это так, шептала вода. Ты полна мной. Без меня ты высохнешь и умрешь.

Все равно, ты не можешь приказывать мне, возразила она. Она закрыла крышку шкатулки и съехала вниз по перилам лестницы. Папа всегда говорил, что если она будет это делать, то заполучит занозу в задницу. На этот раз он оказался прав. Что-то ужалило ее так сильно, что ей пришлось в раскоряку отправиться к Дедушке на кухню. Ясное дело, он оставил на время свои хозяйственные хлопоты, чтобы вытащить ее занозы. «Мои глаза недостаточно остры для этого, Мэгги», проворчал он.

«У тебя глаза орла. Так говорит Папа».

Дедушка довольно посмеивался. «Неужто?»

«Что будет на обед?»

«О, тебе понравится это обед, Мэгги!»

Малышка Пэгги сморщила нос. «Пахнет, как курица».

«Верно».

«А я не люблю куриный суп».

«Это будет не суп, Мэгги. Эта курица будет зажарена целиком, кроме крыльев и шеи».

«Жареную курицу я тоже терпеть не могу».

«Твой Дедушка тебя когда-нибудь обманывал?»

«Нет».

"Тогда поверь мне, этот куриный обед тебя действительно обрадует. Ты можешь вообразить такой особый обед из курицы, который принесет тебе радость?

Малышка Пэгги думала, думала, и наконец, улыбнулась.

«Чертова Мэри?»

Дедушка подмигнул ей: «Я всегда говорил, что эта курица создана для жаркого».

Малышка Пэгги с такой силой кинулась ему на шею, что он захрипел от удушья, а потом они долго-долго смеялись.

Позже ночью, когда малышка Пэгги была уже давно в кроватке, тело Вигора было принесено домой и Папа с Мэйкписом принялись за изготовление гроба. Алвин Миллер выглядел совершенно убитым, даже после того, как Элеонор показала ему ребенка. Пока она не сказала: «Их девочка — ведунья. Она сказала, что он родился седьмым сыном седьмого сына». Алвин огляделся вокруг, ища кого-нибудь, кто подтвердил бы ему это.

«О, ты можешь верить ей», сказала Мама.

Слезы опять выступили на глазах Алвина.

«Мальчик был жив», сказал он. «В этой воде. Он продержался».

«Он знал, как это важно», сказала Элеонор.

Тут Алвин протянул руки к ребенку, крепко обнял его и посмотрел ему в глаза.

«Никто еще не назвал его?», спросил он.

«Конечно, нет», сказала Элеонор. «Мама всегда называла мальчиков, но ты всегда говорил, что седьмой сын должен...»

«Мое имя. Алвин. Седьмой сын седьмого сына с тем же именем, что у отца. Алвин-младший». Он посмотрел вокруг и повернулся спиной к ночному лесу и лицом к реке. «Слышишь ты, Хатрак-ривер? Его имя Алвин и ты так и не смогла убить его».

Вскоре они закончили гроб и обложили в нем тело Вигора свечами, чтобы они послужили ему вместо утраченного жизненного огня. Алвин поднес дитя к гробу. «Посмотри на своего брата», шепнул он ребенку. «Малыш еще ничего не видит, Папа», сказал Дэвид. «Нет, Дэвид», ответил Алвин. "Он не понимает того, что видит, но его глаза способны видеть. И когда он станет достаточно большим, чтобы узнать историю своего рождения, я расскажу ему, что его собственные глаза видели брата Вигора, отдавшего за него

жизнь.

Прошло две недели, пока Фэйт не оправилась достаточно для того, чтобы продолжить путь. Но Алвин позаботился о том, чтобы вместе с мальчиками отработать свое содержание. Они очистили добрый участок земли, заготовили дрова на зиму, натаскали несколько куч угля для кузнеца Мэйкписа и расширили дорогу. И еще они свалили четыре больших дерева и сделали крепкий мост через Хатрак-ривер, крытый сверху для того, чтобы даже во время грозы ни одна капля не могла коснуться людей, переправляющихся через реку. Могила Вигора стала всего лишь третьей в этих местах, после могил сестер малышки Пэгги. Семья собралась здесь на прощание и молитву в утро перед отъездом. Они сели в фургон и отправились на Запад. «Но в этой земле мы навсегда оставили частицу себя», сказала Фэйт и Алвин согласно кивнул. Малышка Пэгги посмотрела на их отъезд, затем побежала на чердак, открыла шкатулку и взяла пленку маленького Алвина в руку. Опасности не было — по крайней мере, сейчас. Все было в порядке. Она отодвинула шкатулку и закрыла крышку. Я надеюсь, что из тебя выйдет что-то дельное, малыш Алвин, сказала она себе, а то получится, что ты создал кучу проблем из-за

ничего.

Глава 6
ШПИЛЬ

Звенели топоры, крепкие мужчины пели гимны за работой, и новая церковь преподобного Филадельфии Троуэра вырастала над общинными лугами Вигортауна. Это происходило даже быстрее, чем мог надеяться преподобный Троуэр. Еще вчера, когда первая стена молитвенного дома была едва начата, внутрь забрел пьяный одноглазый Краснокожий и был немедленно окрещен. Одно лишь созерцание внешнего вида церкви явилось толчком для возвышения его к высотам цивилизации и христианства. И раз даже такой невежественный Краснокожий, как Лолла-Воссики мог придти к Иисусу, то какие еще чудесные обращения могут произойти в этой глуши, когда молитвенный дом будет достроен под неусыпным пасторским руководством?

И все же преподобный Троуэр не был полностью удовлетворен, так как здесь присутствовали враги цивилизации, многократно сильнейшие варваров и язычников Краснокожих, и в их среде не происходили столь внушающие надежду

знамения, каким явился Лолла-Воссики, впервые примеривший одежду белого человека. В частности, сей прекрасный день был омрачен тем, что среди работников не было Алвина Миллера. И сколько бы за это не извинялась его благочестивая жена, это больше не могло удовлетворить пастора. Поиски залежей камня, подходящего для изготовления мельничных жерновов были закончены, он отдыхал целый день и должен был уже быть здесь. «Он что, заболел?», спросил Троуэр. Фэйт сжала губы. «Когда я сказала, что он не придет, преподобный Троуэр, я не говорила, что он не может придти».

Это подтверждало растущие подозрения Троуэра. «Я его чем-нибудь обидел?»

Фэйт кивнула, смотря в сторону, на столбы и балки молитвенного дома. «Не вы лично, сэр, это не ссора между мужчинами». Внезапно она насторожилась «А это что такое?»

Прямо перед зданием несколько мужчин привязывали веревки к северному углу башенного шпиля, чтобы поднять его наверх. Это была непростая работа, которую затрудняли к тому же барахтающиеся в пыли и путающиеся под ногами детишки. Именно они и привлекли ее внимание. «Ал!», крикнула Фэйт. «Алвин-млад-

ший, немедленно отпусти его!» Она сделала два шага в сторону облака пыли, сопутствовавшего героическим битвам шестилеток. Преподобный Троуэр не собирался позволить ей избежать разговора так легко. «Миссис Фэйт», сказал он требовательно. «Алвин Миллер первый поселенец в этих местах и люди прислушиваются к его слову. Если по какой-либо причине он против меня, это сильно затруднит мою пастырскую миссию. Не могли бы вы хотя бы объяснить, чем я оскорбил его?» Фэйт посмотрела ему в глаза, как будто прикидывая, способен ли он устоять перед правдой. «Это все ваши глупые проповеди, сэр», сказала она. «Глупые?»

«Вы наверное не знаете, так как вы из Англии…»

«Из Шотландии, миссис Фэйт».

«Так как вы обучались во всех этих школах, где никто ничего не знает о…»

«В Эдинбургском Университете! Если уж там…»

«О заклятиях, оберегах, колдовстве, ясновидении и всех прочих вещах». «Я знаю одно: что претензия на владение этими темными и невидимыми силами влекут за собой смертный приговор через сожжение в землях, подвластных Лорду-Протектору, миссис Фэйт, хотя в милости

своей он лишь изгоняет тех, кто…»

«Вот-вот, об этом я и говорю», сказала Фэйт с облегчением. «Похоже, они не научили вас этому в университете, правда? Но так мы живем в этих местах, и сколько не называй это суеверием…»

«Я назвал это истерией…»

«Это не опровергает того, что все это правда».

«Я понимаю вас: вы верите, что это правда», терпеливо сказал Троуэр. «Но в мире существуют либо наука, либо чудеса. Чудеса творил Господь в древние времена, и эти времена позади. Сегодня, если мы хотим изменить мир, то нашим орудием должна быть не магия, а наука». Посмотрев ей в лицо, он заметил, что слова эти не произвели на нее большого впечатления.

«Наука», спросила она. «Это что, ваше гадание на шишках головы?»

Ему показалось, что она даже не очень старалась скрыть насмешку. «Френология», сказал он холодно. «Это наука, находящаяся в самом начале своего развития, в ней еще много недочетов, и я пытаюсь изучить…» Она рассмеялась девичьим смехом, из-за чего стразу стала выглядеть слишком юной для женщины, выносившей четырнадцать детей. «Простите, преподобный Троуэр, я просто вспомнила, как Мишур сказал,

что вы ищите мозги на ощупь и что пока улов у вас не особо богатый». Что верно, то верно, подумал преподобный Троуэр, но произнести это вслух счел неразумным. «Миссис Фэйт, на своей проповеди я говорил так, чтобы люди поняли, что в современном мире существуют более здравые способы мышления и мы более не должны быть связаны заблуждениями…» Все было бессмысленно. Ее терпение уже истощилось. «Похоже, что мой мальчик может бабахнуться головой об одну из этих балок, если не оставит в покое остальных малышей, так что прошу вас, Ваше Преподобие, извинить меня». И она ушла, чтобы пасть на семилетнего Алвина и трехлетнего Калвина как наказание Господне. Уж что-что, а капать на мозги она умела. Даже с того места, где стоял Преподобный Троуэр было слышно, как она отчитывает сыновей, и это при том, что ветер дул в другую сторону. Какое невежество, подумал Троуэр. Судя по всему, я нужен здесь не только как посланец Господа среди еретиков, но и как посланец Науки среди суеверных глупцов. Кто-нибудь набормочет заклятие и потом, месяцев этак через шесть, что-то плохое происходит с проклятым — это срабатывает, потому что что-нибудь плохое происходит с каждым как минимум дважды

в год — и это убеждает их в силе заклятия. Post hoc ergo propter hoc. В Британии студенты учатся разоблачать подобные элементарные логические ошибки еще на первых курсах. Здесь же это образ жизни. Лорд-Протектор вполне прав, наказывая практикующих магическое искусство в Британии, хотя Троуэр предпочел бы, чтобы их наказывали не за ересь, а за глупость. Называя их еретиками, он тем самым придает им слишком много значения, как будто они опасны, а не всего лишь достойны презрения.

Три года назад, вскоре после получения степени Доктора Богословия, к нему пришло осознание вреда, который, в конечном итоге, наносится действиями Лорда-Протектора. Он вспоминал это как поворотный пункт в своей жизни, не тогда ли впервые его посетил Гость? Да, именно тогда, в маленькой комнатке в доме причта Церкви Святого Джеймса в Белфасте, где он был младшим помощником пастора, его первая должность после рукоположения. Троуэр рассматривал карту мира, когда его взгляд остановился на Америке, в том месте, где была обозначена Пенсильвания, между голландскими и шведскими колониями на западе и неизведанной страной за Миссисипи, в которой обрывались все линии карты. Карта

как будто ожила, и он увидел потоки людей, прибывающих в Новый Свет. Добрые пуритане, благочестивые прихожане и рачительные хозяева отправлялись в Новую Англию; паписты, роялисты и негодяи всех мастей ехали в непокорные рабовладельческие Вирджинию, Каролину и Якобию, так называемые Колонии Короны. Все эти люди, однажды найдя себе место, оставались там навсегда. Но и люди другого склада тоже приезжали в Пенсильванию. Немцы, голландцы, шведы и гугеноты покидали свои страны и превращали Пенсильванскую Колонию в помойку, заполненную человеческими отбросами со всего континента. Хуже всего было то, что на этом они не останавливались. Эти меченые пороком люди высаживались в Филадельфии, обнаруживали что в населенных — у Троуэра язык не поворачивался назвать их «цивилизованными» — областях Пенсильвании для них уже места нет и немедленно отправлялись на Запад, в страну Краснокожих, чтобы найти себе среди лесов землю для фермы. Нимало не заботясь о том, что Лорд-Протектор особо запретил им селиться там. Какое дело этим язычникам до закона? Они хотели земли, как будто обладание участком грязи могло превратить крестьянина в сквайра. Затем

Америка для Троуэра из бесцветной стала черной. Он увидел, как с приходом нового столетия в Америку придет война. В своем прозрении он предвидел, как король Франции пошлет этого отвратительного корсиканского полковника Бонапарте в Канаду и тот поднимет Краснокожих из французских фортов в Детройте. Краснокожие будут нападать на переселенцев и уничтожать их: какими бы отбросами они не были, это были английские отбросы, и у Тауэра мурашки бежали по коже при виде зверств Краснокожих. Но даже если англичане победят, результат будет тем же. Америка к западу от Аппалачей никогда не станет христианской. Неважно, будут ли обладать ей проклятые французские и испанские паписты, продолжат ли свое владычество не менее проклятые Краснокожие язычники или самые разложившиеся из англичан станут преуспевать на этой земле, одинаково воротя нос от Христа и от Лорда-Протектора. Целый континент будет отвращен от пути познания Господа Иисуса. Это видение было столь ужасно, что Троуэр закричал, думая, что никто не услышит его в уединении маленькой комнаты. Но кое-кто слышал. «Здесь хватит работы на всю жизнь для Божьего человека», сказал кто-то позади него. Троуэр в испуге

обернулся, но голос был таким тихим и мягким, лицо таким старым и приветливым, что уже через секунду Троуэр отбросил свой страх, несмотря на то, что дверь и окно были крепко заперты и ни один человек естественным путем не мог проникнуть в его маленькую комнату.

Сочтя посетителя частью явления, свидетелем которому он был, Троуэр обратился к нему почтительно: «Сэр, кем бы вы ни были, я видел будущее Северной Америки и для меня оно выглядело торжеством дьявола.» «Дьявол торжествует, когда люди Бога падают духом и оставляют ему поле битвы», ответил человек. После чего внезапно исчез. В этот момент Троуэр осознал, что дело его жизни — построить деревенскую церковь в дебрях Америки и бороться с дьяволом в его собственной стране. Три года заняло собирание денег и получение разрешения высших отцов Шотландской Церкви. И вот он здесь, стены новой церкви растут, и эти светлые стены из неокрашенного дерева возвышаются как яркий упрек темной чащобе варварства, среди которой они воздвигнуты.

Естественно, видя столь удачную работу, дьявол должен как-то откликнуться. И было очевидно, что главным слугой дьявола был в Ви-

гортауне Алвин Миллер. И хотя все его сыновья были здесь, помогая строить церковь, Троуэр знал, что это дело рук Фэйт. Она жертвовала столь обильно, что можно было предположить в ней последовательницу шотландской церкви, несмотря на то, что была она рождена в Массачусетсе: ее сотрудничество вселяло надежду, что у него будет своя паства, если только Миллер все не испортит. А он будет вредить. Одно дело его обиды на то, что Троуэр случайно сказал или сделал. Но совершенно другое — изначальная враждебность, причиною которой является вера в колдовство. Это уже прямой конфликт. Поле битвы обозначено. Троуэр стоял на стороне науки и Христианства, на противоположной стороне — силы тьмы и суеверия; бесовская, плотская сущность человека. Во главе ее стоял Миллер. А я ведь только начал битву во имя Господне. И если я не одолею этого первого соперника, победа навсегда станет для меня невозможной.

«Отец Троуэр!» закричал старший сын Алвина Дэвид. «Мы готовы поднять шпиль!»

Троуэр вначале припустился к ним бегом, затем вспомнил о своем достоинстве и оставшуюся часть пути прошел степенно. В Евангелии ведь ничего не сказано о том, что Господь бегал — толь-

ко ходил, подчеркивая свое высокое положение. Конечно у Павла в его комментариях есть о «беге стремительном», но это ведь так, аллегория. Священник должен быть тенью Иисуса, идя Его путем и представляя Его пастве. Только так могут эти люди соприкоснуться с величием Господа. Так что обязанностью Троуэра было скрыть стремительность своей молодости и передвигаться с медлительностью старика, хотя и было ему лишь двадцать четыре.

«Вам ведь нужно благословить шпиль, правда?» спросил один из фермеров. Это был Оле, швед с берегов Делавара и поэтому лютеранин в душе, но он согласился помочь в постройке Пресвитерианской церкви здесь, в долине Уоббиш, потому что иначе ближайшим окажется папистский Собор в Детройте. «Да, конечно», сказал Троуэр и положил руку на тяжелый, острый как пика шпиль.

«Преподобный Троуэр», раздался сзади детский голос, пронзительный и громкий как все детские голоса. «Разве это не что-то вроде заклятия, давать благословение куску дерева?»

Когда Троуэр обернулся, Фэйт Миллер уже шикнула на мальчика. Алвину-младшему еще только шесть лет, но уже очевидно, что в будущем он

принесет не меньше беспокойства, чем его отец. Может быть даже больше — у Алвина-старшего хотя бы хватало такта держаться подальше от строительства церкви.

«Продолжайте», сказала Фэйт. «И не обращайте на него внимания. Я еще не научила его, когда можно говорить, а когда надо держать язык за зубами.» Даже с крепко прижатой к его губам рукой матери мальчик настойчиво смотрел прямо на Троуэра. И когда Троуэр оглянулся вокруг, то заметил, что глаза взрослых тоже смотрят на него выжидающе. Вопрос ребенка был вызовом, на которой необходимо было ответить, иначе он выглядел бы лицемером и глупцом в глазах тех, кого ему необходимо было обратить. «Если вы считаете, что мое благословение действительно изменяет природу этого дерева», сказал он. «то это было бы похоже на колдовство. Но на самом деле этот шпиль является не более чем поводом. На самом деле мое благословение направлено на общину христиан, которые будут собираться под этой крышей. И в этом нет никакой магии. Мы призываем силу и любовь Господа, а не заговариваем бородавки или заклинаем от дурного глаза». «Плохо дело», пробормотал один из них. «Я ведь умею заговаривать бородавки» Все дружно

рассмеялись, и все же опасность была позади. И когда этот шпиль поднимется в воздух, то это станет деянием христианским, а не языческим.

Он благословил шпиль, изменяя текст обычной молитвы так, чтобы она не касалась свойств самого дерева. Затем мужчины взялись за веревку и Троуэр пропел «О наш Господь на морях Великих» на пределе возможностей своего прекрасного баритона, чтобы задать ритм и вдохновение их труду. И все же все это время он чувствовал присутствие маленького Алвина. И не только из-за его недавнего ошеломляющего выпада. Ребенок был так же простодушен, как и большинство детей — Троуэр сомневался, чтобы у него был какой-либо злой вымысел. Привлекало его внимание совсем иное. Но это касалось не самого мальчика, а необычного поведения людей в его присутствии. Казалось, они постоянно наблюдали за ним. Не то чтобы они смотрели на него, это занимало бы слишком много времени, так как он постоянно носился вокруг. Просто они постоянно помнили о нем так же как повар в их семинарии чувствовал, где находиться на кухне собака, не следя за ней специально и никогда не натыкался на нее, хлопоча по хозяйству. К тому же с этим обостренным вниманием к мальчику относи-

лись не только его родственники. Все поступали так же — все эти немцы, скандинавы, англичане, новички и старожилы. Как будто воспитание мальчика было их общим делом, вроде постройки церкви или моста через реку. «Осторожней, осторожней!», покрикивал Вэйстнот, залезший на восточную опору для того, чтобы оттуда направлять тяжелый шпиль. Шпиль почти уже встал на место, каркасные балки были готовы соединиться с его краями и образовать прочную крышу.

«Подай назад!», кричал Мишур. Он стоял на лесах под крестообразным брусом, поддерживающем две упирающиеся в него балки. Это был решающий момент установки крыши, требующий большой точности: они должны были упереть концы двух тяжелых балок о срез бруса не более двух ладоней шириной. Вот зачем стоял там Мишур, выросший под стать своему имени «Мишур (MEASURE) — отмерять, снимать мерку, мера» внимательным и остроглазым.

«Хорошо!», кричал Мишур. «Еще!».

«Еще на меня!», кричал Вэйстнот.

«Встает!», кричал Мишур.

«Есть!», кричал Вэйстнот.

Затем еще раз от Мишура раздалось «Есть!» и

снизу ослабили натяг канатов. Когда же веревки ослабли, то все радостно закричали — их церковь стала уже значительно выше. Конечно, это был не собор, но все же выдающееся достижение для этих забытых Богом мест, самое большое строение, о котором можно было только мечтать на сотни миль вокруг. Сам факт постройки этого здания был демонстрацией того, что поселенцы намерены оставаться здесь навсегда, и ни французы, ни испанцы, ни роялисты, ни янки, ни даже дикие Краснокожие со своими горящими стрелами не заставят их покинуть эти места. И, конечно же, преподобный Троуэр, а за ним и все остальные зашли внутрь чтобы впервые увидеть, как небо закрыто от них только что водруженным шпилем высотой не менее 40 футов — а ведь это лишь половина его будущей высоты! Моя церковь, подумал Троуэр, уже сейчас красивее большинства тех, что я видел в Филадельфии.

Там, наверху, стоя на шатких лесах, Мишур просовывал в верхнюю часть опорного бруса деревянный штырь, чтобы закрепить им каркас шпиля. Вэйстнот на другом конце занимался тем же. Шпиль будет опираться на эти штыри до тех пор, пока не будут вставлены дополнительные брусья. Потом, когда это будет проделано,

крестовину можно разобрать, если конечно она не понадобится чтобы закрепить люстру для освещения церкви ночью. Да, ночью, и цветное витражное стекло будет поблескивать в полутьме. Вот какие грандиозные планы были у преподобного Троуэра. Пусть эти простаки застынут в благоговении, пораженные величием Господним, когда увидят здание церкви законченным. Так думал он, когда внезапно Мишур издал крик ужаса, и все увидели, как под ударом его колотушки по штырю центральный брус треснул и развалился, подтолкнув громадный тяжелый шпиль так, что тот приподнялся футов на шесть в воздух. Другой конец балки выскочил из рук Вэйстнота и разметал леса как сухие ветки. Шпиль, казалось, застыл на мгновение в воздухе, и рухнул вниз, как будто нога самого Господа столкнула его.

И преподобный Троуэр даже не глядя знал, что когда шпиль достигнет земли, то кое-кто окажется прямо под ним, прямо под его серединой. Он знал это, потому что чувствовал мальчика, чувствовал, как он побежал прямо в самую опасную сторону и то, как его собственный крик «Алвин!» заставил мальчика остановиться в том самом месте, где ему находиться ни в коем случае не

нужно было.

И когда он все же посмотрел туда, все именно так и выглядело: маленький Алвин стоял, беспомощно глядя на летящий к нему и готовый размазать его по полу церкви расщепленный кусок дерева. Мальчик был слишком мал даже для того, чтобы падение шпиля хоть немного замедлилось, столкнувшись с его телом. Нет, он будет размозжен, уничтожен и его кровь обагрит светлое дерево церкви. Мне никогда не смыть с себя этого пятна, подумал Троуэр — что было явно неуместно, но кто способен контролировать свои мысли в момент смертельной опасности?

Падение шпиля Троуэру представилось как вспышка яркого света. Он услышал скрежет дерева о дерево. Он услышал крики людей. Затем глаза священника снова прояснились и он обнаружил, как и ожидал, остатки шпиля на полу церкви, единственное отличие от представившейся его воображению картины состояло в том, что опорная балка раскололась надвое и между ее половинами стоял с побелевшим от ужаса лицом маленький Алвин. Целый и невредимый.

Троуэр не понимал ни слова по-немецки или по-шведски, но он прекрасно понял, что означает невнятный ропот, раздавшийся позади него.

Пусть они богохульствуют, я должен понять, что произошло здесь, подумал Троуэр. Он подошел к мальчику и ощупал его голову, ища следы повреждений. Ни волоса не упало с этой головы, но она была горячей, будто мальчик стоял близко у костра. Затем Троуэр встал на колени и принялся рассматривать дерево балки. Оно было срезано так ровно, как будто дерево выросло таким, и зазор был как раз нужной ширины, чтобы мальчик прошел через него невредимым. Через секунду мать Ала уже была здесь и, сгребя его в охапку, лепетала и рыдала от облегчения. Маленький Алвин тоже плакал. Но Троуэр думал о другом. Ведь в конце концов, он был человеком науки, а то, что он только что увидел было невозможно. Священник принялся измерять шагами длину расколотой балки. Она лежала на полу и была, от конца до конца, все той же неизменной длины. Кусок дерева размером с мальчика в центре ее просто исчез. Исчез в мгновенной вспышке огня, разогревшей голову ребенка и торцы дерева, но не опалившей их и не оставившей никакого видимого следа. Тут сверху закричал Мишур, повисший на крестовине, за которую он успел схватиться, когда леса были сломаны. Вэйстнот и Калм вскарабкались наверх и благополучно сня-

ли его. Голова преподобного Троуэра была занята другим. Все, о чем он мог сейчас думать — это существование такого шестилетнего мальчика, который мог спокойно стоять под падающим шпилем, потому что дерево расщеплялось, чтобы не повредить ему. Как Красное Море отступило перед Моисеем на вытянутую руку направо и налево.

«Седьмой сын», прошептал Вэйстнот. Парень уселся сверху на упавшую балку, неподалеку от разлома.

«Что?», спросил Троуэр.

«Так, ничего», ответил молодой человек.

«Ты сказал: седьмой сын», сказал Троуэр. «Но ведь седьмой — это маленький Калвин».

Вэйстнот покачал головой. «У нас был еще один брат. Он умер через несколько минут после того, как родился Ал», Вэйстнот опять покачал головой «Седьмой сын седьмого сына».

«Но ведь это — метка дьявола!», сказал Троуэр, пораженный ужасом. Вэйстнот пренебрежительно посмотрел на него: «Может быть у вас в Англии так и думают, но в наших местах считается, что он будет знахарем или кем-нибудь вроде того, но в любом случае он будет делать добро». Затем он подумал о чем-то и усмехнулся. «Метки дьявола»,

повторил он, издевательски растягивая каждое слово. «Смахивает на истерию, а?». В ярости Троуэр удалился от церкви.

Он нашел миссис Фэйт сидящей на стуле и укачивающей на коленях все еще хнычущего Алвина-младшего. Она ласково ворчала на него. «Говорила я тебе не бегать без оглядки, вечно ты под ногами болтаешься, не можешь спокойно минуты постоять, непутевый ты какой-то...»

Тут она увидела стоящего около нее Троуэра и замолчала.

«Не беспокойтесь», сказала она. «Я больше не буду приводить его туда». «Я рад, что он в безопасности», сказал Троуэр. «Если бы я знал, что моя церковь может быть построена ценой жизни, я бы предпочел все свою жизнь проводить богослужения на открытом воздухе».

Она взглянула на него и поняла, что он был совершенно чистосердечен.

«Это не ваша вина», сказала она. «Он всегда был непоседливым мальчишкой. Постоянно умудряется влезать в такие передряги, которые убили бы обычного мальчика».

«Я бы хотел... хотел понять, что там произошло». «Просто шпиль раскололся», сказала она. «Временами такие веши случаются».

«Я имею в виду, как это произошло, что мальчик остался невредим. Балка раздвинулась, не коснувшись его головы. Если это возможно, я хотел бы посмотреть его голову…»

«На нем нет ни следа», сказала она.

«Я знаю. Я хотел бы ощупать, чтобы убедиться…» Она закатила глаза и пробормотала «Копание в мозгах», но все же убрала руки так, чтобы он мог ощупать голову мальчика. Очень медленно и тщательно на этот раз, пытаясь прочесть «карту» черепа мальчика, прочесть все эти выступы и шишки, впадины и ложбины. Ему не нужно было обращаться за помощью к книге. Все эти книги были ерундой. Он понял довольно быстро — все они состояли из общих мест типа: «у Краснокожих всегда есть шишка над ухом, означающая дикость и каннибализм», — хотя, конечно, на головах Краснокожих царило такое же многообразие, как и на головах у белых. Нет, Троуэр не доверял этим книгам — но он научился подмечать кое-что общее в расположении шишек на черепах людей с различными наклонностями. Он разработал собственную теорию, собственную карту форм человеческого черепа, и проведя руками по голове Алвина, мог составить себе о нем представление. Впрочем, ничего необыкновен-

ного он там не обнаружил. Ни одного необычного признака. Череп Алвина был настолько ничем не примечателен, что мог бы послужить примером нормальности для учебника, если бы только такой достойный внимания учебник существовал.

Он убрал пальцы и мальчик, прекративший под его руками плакать, изогнулся на коленях матери, чтобы посмотреть на пастора. «Преподобный Троуэр», сказал он. «У вас такие холодные руки, что я замерз». Тут он вывернулся из материнских рук и побежал, громко выкрикивая имя того немецкого мальчика, с которым так свирепо боролся до происшествия. Фэйт печально рассмеялась. «Вот видите, как быстро они забывают».

«И вы тоже», сказал он.

«Не я», покачала она головой. «Я никогда ничего не забываю».

«Вы уже улыбаетесь».

«Жизнь продолжается, преподобный Троуэр. Просто жизнь для меня продолжается. Это не то же самое, что забвение.» Он кивнул.

«Ну. так расскажите же мне, что вы там разыскали», сказала она.

«Разыскал?»

«Щупая шишки. Поиск мозгов. Ну, как, есть они у него?»

«Все нормально. Абсолютно нормально. Я не нашел ничего неожиданного».

Она хмыкнула. «Ничего необычного?»

«Да, это так».

«Ну, что ж, спроси вы меня, я бы рассказала что здесь есть много необычного, если б только кое у кого хватило ума это заметить». Она подняла стул и унесла его, крича на ходу Алу и Калли. Спустя несколько секунд Троуэр осознал, что она была права. Никто не мог быть таким идеально нормальным. У каждого был свой собственный признак, выраженный сильнее, чем у остальных. Для Алвина ненормальным являлось то, что его свойства были так изумительно сбалансированы. Он обладал всеми возможными дарованиями, которые имели свое отражение на черепе, причем в исключительно точных пропорциях. Этот ребенок далеко не был посредственностью, хотя Троуэр не имел представления, как эта экстраординарность могла отразиться на его жизни. Человек, берущийся за все и ничего не умеющий? Или наоборот, мастер любого ремесла? Назовите это суеверием или как-нибудь еще, но Троуэр был изумлен. Седьмой сын седьмого сына, поразительная форма головы и чудо — он не мог подобрать другого слова — со шпилем. Обычный

ребенок погиб бы в этом происшествии. Законы природы требовали этого. Но кто-то или что-то защищало этого ребенка, и законы природы были тут бессильны. Как только обсуждение происшедшего закончилось, мужчины продолжили работу на крыше. Первый шпиль был уже, конечно, безнадежно испорчен, и они вынесли его обломки наружу. После происшедшего никому не хотелось использовать их для чего бы то ни было. Вместо этого они принялись за работу и закончили новый к полудню, перестроили леса и к ночи новый шпиль был поставлен на место. Никто больше, по крайней мере в присутствии Троуэра, не говорил о происшествии. И когда он захотел снова рассмотреть обломки, то нигде не смог их разыскать.

Глава 7
АЛТАРЬ

Алвин-младший вовсе не испугался, увидев падающий шпиль, не испугался он даже когда тот обрушился на пол прямо около него. Но когда все эти взрослые принялись вопить прямо как в Праздник Вознесения Господня, тормошить его и перешептываться, вот тогда он испугался. Взрослые вообще имели обыкновение делать бессмысленные вещи.

Вот и Папа уселся у огня и принялся изучать отщепившиеся кусочки расколотой балки, не выдержавшей веса шпиля и рухнувшей вместе с ним вниз. Если бы Мама была в порядке, ни Папа, ни кто-либо другой не смогли бы внести куски расщепленного грязного дерева в ее дом. Но сегодня она была такой же ненормальной, как и Папа, и когда он заявился с этими здоровенными обломками дерева, она лишь покорно скатала ковер, не сказав Папе и дурного слова. Вообще-то, по выражению папиного лица кто угодно догадался бы, что сейчас лучше держаться от него подальше. Везет же Дэвиду с Калмом, они

могли уйти в свои собственные дома на свою собственную землю, где у каждого была своя собственная жена, готовящая ужин, и где они могли сами решать, стоит ли им сегодня сходить с ума или нет. Остальным не так повезло. И если уж Маме с Папой пришло в голову валять дурака, то остальным ничего не оставалось, как присоединиться к ним в этом деле. Девочки как обычно переругались друг с другом, после чего все вместе безропотно помогли приготовить ужин и вымыть посуду. Вэйстнот и Вонтнот накололи дров и занялись вечерней дойкой, сегодня они не стали задирать друг друга, что обычно оканчивалось борцовским поединком, малоприятным событием для вынужденного бороться с проигравшим Алвина-младшего. Эта борьба оканчивалась вполне предсказуемо, потому что положить на лопатки восемнадцатилетнего брата куда труднее, чем тех мальчиков, с которыми он это обычно проделывал. Что же до Мишура, он просто сидел у огня, выстругивая ложку для Маминой стряпни, но и он, как и все остальные, сидел и ждал, когда же Папа наконец придет в себя и задаст кому-нибудь взбучку.

Единственным нормальным человеком в доме был трехлетний Калвин. Причем самым неприят-

ным в этом было то, что нормальным поведением для Калвина являлось неотвязное, как крадущаяся походка стерегущей мышь кошки, следование по пятам за Алвином-младшим. Он никогда не приближался к Алвину достаточно близко, чтобы поиграть с ним, поговорить о чем-то или с любой другой более или менее вразумительной целью. Он просто был всегда здесь, всегда где-то на краю зрения, так что стоило Алвину поднять глаза, как Калвин либо тотчас отворачивался, либо в дверном проеме мелькала его рубашка, а иногда даже ночью невнятное дыхание, доносящееся откуда-то неподалеку, говорило ему, что Калвин вовсе не спит в своей кроватке, а стоит возле кровати Алвина, наблюдая. Казалось, никто не замечал этого. Прошло уже больше года, как Алвин оставил все попытки заставить его прекратить это. Если бы Алвин-младший сказал когда-нибудь: «Ма, Калли пристает ко мне», Мама ответила бы только: «Алвин, он не говорит тебе ни слова, он не дотрагивается до тебя и если тебе не нравится, что он тихо стоит рядом, что ж, это твое дело, потому что меня-то это устраивает. Я была бы не прочь, если бы кое-кто еще из моих детей мог вести себя так же тихо.» Так что Алвин решил, что дело не в том, что Калвин был сегодня

нормальным, а просто все остальные заразились его одержимостью.

Папа все смотрел и смотрел на расколотое дерево. Снова и снова складывал его куски. Один раз он тихо спросил: «Мишур, ты уверен, что собрал все кусочки?»

Мишур ответил: «Все до мельчайшего, Па. Даже выметя все начисто мне не удалось бы собрать больше. Даже если бы я встал на четвереньки и вылизал это место как собака.»

Ма слышала все, конечно. Папа как-то сказал, что когда Мама прислушивается, то способна услышать, как в полумиле от нее во время грозы в лесу пукнула белка, пусть вокруг девочки вовсю гремят посудой, а мальчики колют дрова. Алвина-младшего это наводило на мысль о том, что Мама гораздо ближе была знакома с колдовством, чем ему было о том известно, особенно после того, как однажды он сам просидел более часа в трех ярдах от белки и не услышал от нее ни звука. Как бы там ни было, сейчас она была здесь и следовательно наверняка слышала и то, что спросил Папа, и то, что ответил Мишур, и хоть они с Папой и были сегодня чокнутыми, она все же напустилась на Мишура, как будто он упомянул имя Божие всуе. «Попридержи-ка свой язык, молодой человек,

потому что Господь сказал Моисею в горах: „Чти отца и мать своих и будут дни твои на земле, дарованной Господом твоим Богом, долгими“, а когда ты говоришь дерзко со своим отцом, ты отнимаешь дни, недели и даже годы от своей жизни, а душа твоя вовсе не в таком состоянии, чтобы тебе стоило торопиться попасть на скамью подсудимых и услышать от Спасителя нашего какая судьба ожидает тебя в вечности!» Мишура не так сильно беспокоила его судьба в вечности, как то, что на него рассердилась Мама. Он не пытался оправдываться, что вовсе не хотел сказать ничего высокомерного или дерзкого — только глупец мог сделать это, видя, что Мама уже раскипятилась. Он просто принял смиренный вид и попросил у нее прошения, пытаясь закрыть тему своей вины перед Папой и Господня Всепрощения. К тому времени, как Маме надоело его пилить, бедняга успел извиниться уже дюжину раз, а она раздраженно вернулась к своему шитью. Мишур поднял глаза на Алвина-младшего и подмигнул. «Я все видела», сказала Мама. "И если ты не уберешься к дьяволу, Мишур, я попрошу Святого Петра отправить тебя туда.

«Я бы и сам охотно подписался бы под такой просьбой», сказал Мишур с кротким видом, как

щенок, надувший в ботинок хозяина. «Ну да, ты и подпишешься», сказала Мама. «И тебе придется сделать это кровью, потому что к тому времени я устрою тебе такую взбучку, что можно будет обеспечить с десяток клерков на целый год отличными красными чернилами».

Тут Алвин-младший не вытерпел, ее ужасные угрозы так рассмешили его, что подвергая свою жизнь опасности, он не удержался от смеха. Он знал, что за этот смех Мама сильно стукнет его наперстком по голове или больно шлепнет по уху, или даже стукнет своей твердой маленькой ногой по его голым ногам, как стукнула однажды Дэвида за его слова, что если бы она получше выучила слово «нет», ей не пришлось бы кормить тринадцать ртов. Для него это был вопрос жизни и смерти. И это было куда страшнее падающего шпиля, который в конце-то концов его так и не коснулся, чего не скажешь о Маме. Так что он подавил свой едва наметившийся смех и, чтобы скрыть его, сказал первую пришедшую ему в голову вещь. «Мама», сказал он. «Мишур не сможет подписаться кровью, потому что будет уже мертвый, а у мертвых кровь не течет.»

Мама посмотрела ему в глаза, потом медленно и отчетливо произнесла:

«Потечет, если я прикажу».

Ну вот, дело было сделано. Алвин-младший просто громко расхохотался, заставив засмеяться и половину девочек. А также Мишура. И под конец саму Маму. Они все смеялись и смеялись пока у них не потекли слезы от смеха, и Мама отослала спать всех, включая Алвина-младшего. Весь этот шум заставил Алвина-младшего почувствовать себя очень храбрым и он позабыл о том, что иногда разумнее попридержать свою прыть. Вышло так, что Матильда, которой было уже шестнадцать и которая поэтому воображала себя настоящей взрослой леди, поднималась по лестнице прямо перед ним. Все терпеть не могли подниматься по лестнице вслед за Матильдой, больно уж степенно она вышагивала. Мишур сказал как-то, что предпочел бы идти за луной, она и то движется побыстрее. На этот раз покачивающийся из стороны в сторону зад Матильды был прямо перед лицом Алвина-младшего и он вспомнил слова Мишура о луне. Зад Матильды был действительно почти таким же круглым, как луна, и тогда Алвин стал размышлять о том, что почувствуешь, прикоснувшись к луне, и будет ли она твердой на ощупь как жук или склизкой как слизень. А когда шестилетнему мальчику,

чувствующему себя очень храбрым, приходит в голову такая мысль, то не проходит и полсекунды, как его палец оказывается воткнутым в нежную часть тела на добрых 2 дюйма. О, в крике Матильде не было равных.

Ал мог бы схлопотать по шее, не сходя с этого места, если бы за его спиной не было Вонтнота и Вэйстнота, увидевших все это и зашедшихся от хохота так сильно, что Матильда расплакалась и взлетела вверх по лестнице за два прыжка с вовсе не подобающей леди скоростью. Вонтнот и Вэйстнот схватили Алвина и понесли его так высоко, что у него слегка закружилась голова, распевая при этом старую песню о Святом Георгии, убивающем дракона, только пели они ее на этот раз о Святом Алвине и там, где в песне говорилось о мече, ударяющем дракона тысячу раз и не плавящемся в огне, они поменяли «меч» на «палец», чем заставили рассмеяться даже Мишура. «Это гадкая, гадкая песня!», кричала десятилетняя Мэри, стоявшая на страже у двери старших девочек.

«Лучше бы вы перестали петь эту песню», сказал Мишур. «Пока Мама не услышала вас».

Алвин-младший никогда не понимал, почему Маме не нравится эта песня, но близнецы

действительно никогда не пели ее, если она могла слышать. Близнецы перестали петь и вскарабкались по лестнице на чердак. В это время дверь в комнату старших сестер распахнулась и Матильда, с покрасневшими от плача глазами, высунулась наружу и закричала, «Ты еще пожалеешь!» «О-о, прости, прости меня!», сказал Вонтнот, передразнивая ее голос. Только тогда Алвин вспомнил, что когда девочки соберутся свести счеты, их главной жертвой окажется он сам. Калвина еще считали малышом и он был в безопасности, а близнецы были больше, старше, и, что тоже очень важно, их было двое. Так что когда девочки были рассержены, Алвин был первой мишенью для их страшной мести. Матильде было шестнадцать, Беатрис пятнадцать, Элизабет четырнадцать, Энн двенадцать, Мэри десять и все они докучали Алвину всеми способами, которые прямо не запрещались Библией. Однажды, когда Алвина истязали свыше всяких допустимых пределов и лишь сильные руки Мишура спасли его от хладнокровного заклания вилами, Мишур сказал, что адские муки скорее всего состоят в том, что ты вынужден жить в одном доме с пятью женщинами вдвое большего роста. С тех пор Алвин не мог понять, какой такой грех совершил

он еще до своего рождения, что обречен сносить вечное проклятие с самого начала.

Алвин зашел в маленькую комнатку, где он жил вместе с Калвином и стал сидеть, ожидая, когда же Матильда придет, чтобы убить его. Но она все никак не приходила и не приходила, и он подумал, что, наверное, она ждет когда все свечи будут потушены, чтобы никто не узнал, какая из сестер прокралась в комнату для расправы с ним. Видит Бог, только за последние два месяца он дал им достаточно поводов для желания уничтожить его. Он стал гадать, задушат ли его матильдиной подушкой из гусиного пуха — что, кстати, стало бы первым разом, когда ему позволили бы к ней прикоснуться, — или он умрет, пронзенный в сердце драгоценными портновскими ножницами Беатрисы, когда внезапно он ощутил, что если не выйдет в туалет в ближайшие двадцать пять секунд, то наделает себе прямо в штаны.

Конечно же, в туалете уже кто-то был, и Алвину пришлось минуты три простоять снаружи, подпрыгивая и поскуливая, и все это время из туалета никто не выходил. Он предположил, что это одна из девочек, и тогда это был бы самый дьявольский план, когда-либо приходивший им в голову — не пускать его в туалет, когда всем было

известно, что он боится ходить в лес в темноте. Это была ужасная месть. Если он обделается, то это будет такой стыд, что возможно ему придется поменять имя и уйти из дому, а это было хуже даже того пучения, которое распирало ему живот. Оно бесило его, он чувствовал себя буйволом, у которого запор и это было совершенно омерзительно.

В конце концов он настолько дошел до ручки, что приступил к угрозам. «Если ты не выйдешь прямо сейчас, я сделаю это перед дверью, так что когда ты будешь выходить, то вляпаешься!»

Он ждал, но что бы там внутри не сидело, оно не ответило, как обычно:

«Если ты сделаешь это, то я заставлю тебя вылизать мои башмаки!» и тут у Алвина впервые мелькнула мысль, что этот кто-то может быть вовсе не одной из его сестер. И наверняка, не одним из мальчиков, что оставляло только две возможности, одна хуже другой. Алвин был так зол на себя, что стукнул кулаком по своей голове, но это тоже совсем не помогло. Папа, наверное, отдубасит его, но еще хуже, если это окажется Мама. Вначале она стала бы долго песочить его, что неприятно само по себе, но если б она была в особо дурном расположении духа, то сделала бы

ледяное лицо и сказала очень тихо:

«Алвин-младший, я позволяла себе надеяться, что хотя бы один из моих сыновей родится джентльменом, но сейчас я вижу, что моя жизнь прошла впустую», а такие речи всегда заставляли его чувствовать себя так скверно, что он готов был умереть.

Так что он почти вздохнул от облегчения, когда дверь распахнулась и там стоял, застегивая свои пуговицы на штанах и выглядя явно не особо довольным, Папа.

«Я ничем не рискую, выходя из этой двери?», спросил он холодно.

«Упф», сказал Алвин-младший.

«Что?»

«Нет, сэр».

«Ты уверен? Здесь, кажется, имеются дикие животные, считающие разумным оставлять свои метки у дверей туалета. Я бы хотел предупредить тебя, что если такие здесь имеются, то я поставлю тут ловушку и поймаю как-нибудь ночью одного. И когда утром я найду его, то заткну его дырку затычкой и отпущу в лес, чтобы он там раздулся и умер».

«Извини меня, Папа».

Папа покачал головой и направился к дому. «Я

не знаю, что у тебя с кишками, парень. Минуту назад тебе никуда не надо было, а через минуту ты готов умереть».

«Вот если б ты построил еще один туалет, то со мной было бы все в порядке», проворчал Алвин-младший. Впрочем, Папа не слышал этого, потому что на самом деле Алвин этого не говорил до тех пор, пока дверь туалета не была закрыта и даже тогда он сказал это не очень громко. Алвин долго мыл руки у водокачки, потому что боялся того, что ожидало его дома. Но потом, один на улице в темноте, он стал бояться и других вашей. Каждому известно, что Белый не может услышать крадущегося по лесу Краснокожего, и его старшие братья развлекались, рассказывая, что когда он выходит один ночью на улицу, то в лесу сидят Краснокожие, наблюдая за ним, поигрывая своими остро заточенными томагавками и мечтая добыть его скальп. При свете дня Алвин не верил им, но ночью его ладони покрывались холодным потом, дрожь охватывала его и даже казалось, что он видит, где прячется Краснокожий — там, на задворках, у свинарника, он двигается так тихо, что свинья не захрюкает и собака не залает. Потом они найдут окровавленное скальпированное тело Ала, но тогда будет уже поздно. Как бы

ни были несносны его сестры — а они были ужасны — Ал решил, что лучше иметь дело с ними, чем умереть от ножа Краснокожего. И стремглав помчался от водокачки к дому, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть были ли Краснокожие действительно там. Но как только двери за ним закрылись, он позабыл свой страх перед невидимыми и неслышными Краснокожими. В доме было тихо, что и являлось явно подозрительным. Девочки обычно не затихали до того, как Папа не накричит на них раза три за ночь. Поэтому Алвин поднимался очень осторожно, перед тем как сделать шаг всматриваясь в темноту и вертя готовой так усердно, что вскоре у него заболела шея. К тому времени, как он добрался до своей комнаты, Алвин был уже так измучен, что почти желал, чтобы девочки побыстрее осуществили задуманную пакость и оставили его в покое. Но от них по-прежнему ничего не было слышно. При свете свечи он оглядел свою комнату, перевернул постель и заглянул в каждый уголок, но и там ничего не обнаружил. Калвин спал, засунув в рот свой большой палец, что означало, что если они и пробирались в комнату, то это было давно. Он уже начинал подумывать о том, что на этот раз девочки дали ему возможность пожить

спокойно и задумали какие-нибудь козни против близнецов. Если бы девочки вдруг решили стать хорошими, это означало бы, что для него началась новая жизнь! Как будто к нему снизошел бы ангел и вознес его из ада на небеса. Он разделся так быстро, как только мог, и сложил одежду на стул у своей кровати, чтобы утром она не была полна тараканов. Они могли залезть во что угодно на полу, но никогда не забирались ни на кровать Калвина и Алвина, ни даже на стул. За это Алвин никогда не давил их. В результате комната его стала местом сборища тараканов со всего дома, но, поскольку они соблюдали договор, ни Алвин, ни Калвин никогда не просыпались крича, что их комната полна тараканов.

Он снял свою ночную рубашку с вешалки и натянул ее через голову. Что-то укусило его под мышкой. Он закричал от резкой боли. Потом что-то опять укусило его, на этот раз в плечо. Что бы то это не было, им была полна вся ночная рубашка и даже когда он скинул ее с себя, оно продолжало колоть его повсюду. В конце концов укусы прекратились, и Алвин стоял полуголый, почесываясь и стряхивая с себя этих жуков или чем бы они там не были. Затем он наклонился и осторожно поднял ночную рубашку. Он не

увидел на ней ничего ползающего, даже когда он встряхнул ее несколько раз, оттуда не выпало ни единого жучка. Но кое-что все-таки выпало. Оно блеснуло при свете свечи и упало на пол с нежным звяканьем.

Только тогда Алвин-младший и услышал сдавленное хихиканье из соседней комнаты. Ох, и уели они его на этот раз, уели по-настоящему. Он сидел на краю кровати, вынимая булавки из ночной рубашки и втыкая их в изнанку одеяла. Ему и в голову не могло придти что они разозлятся настолько, что рискнут потерять хоть одну из маминых драгоценных железных булавок только ради того, чтобы сквитаться с ним. Но он должен был быть готов к этому. Девочки никогда не соблюдают правил игры так, как это делают мальчики. Если ты борешься с мальчиком и он сшибет тебя с ног, что ж, он либо прыгнет на тебя сверху, либо подождет пока ты встанешь, но в любом случае вы оба будете или на земле или на ногах. Но Алвин имел несколько пренеприятнейших шансов убедиться в том, что девочки бьют лежачего и при каждом удобном случае нападают всем скопом на одного. Когда они дерутся, то делают это таким способом, чтобы драка закончилась как можно быстрее. Что портит все

удовольствие.

Так было и этой ночью. Это была нечестная месть — он только ткнул ее пальцем, а они утыкали его иголками с ног до головы, причем некоторые из них вонзились так глубоко, что уколы кровоточили. При этом Алвин не думал, чтобы у Матильды хотя бы остался синяк, хоть и было бы не так уж плохо, если бы это произошло.

Алвин-младший вовсе не был злым. Но когда он сидел вот так вот на краю кровати и вынимал булавки из ночной рубашки ему было трудно, заметив как в трещинах пола тараканы спешат по своим делам, не представить себе как здорово было бы если б эти тараканы вдруг оказались в одной из комнат, из которых раздавалось хихиканье.

Поэтому он встал на пол на колени, поставил там свечку и стал нашептывать тараканам точно так же, как делал это в день заключения с ними мирного договора. Он стал рассказывать им о прекрасных свежих простынях и мягкой влажной коже, по которым им будет так приятно побегать, и особенно о сатиновой наволочке матильдиной подушки из гусиного пуха. Но похоже им не было до этого никакого дела. Они все время голодны, подумал Алвин. Все, что их интересует, это еда,

еда и опасность. И он стал говорить им о еде, самой прекрасной и вкуснейшей еде, которую они только пробовали в своей жизни. Тараканы оживились и подбежали поближе, чтобы послушать, хотя, соблюдая договор, не один из них не полез на Алвина. Вся еда, которая вам только понадобиться, и все на этой мягкой поросячьей коже. И это вовсе не опасно, никакой опасности, вы можете не беспокоиться, просто идите туда и возьмите еду на этой мягкой, поросячьей, влажной, замечательной коже. Ага, он угадал, вот уже несколько тараканов начали пробираться под дверью Алвина, затем их стало больше, и еще больше, и в конце концов все они прошли в едином кавалерийском порядке под дверью, сквозь щели в стене, их тела мерцали и вспыхивали в свете свечи, они шли, ведомые своим вечным ненасытным голодом, и бесстрашные, потому что Алвин сказал им, что бояться нечего.

Не прошло и десяти секунд, как из соседней комнаты он услышал первый вскрик. А через минуту в доме стоял такой гам, что можно было подумать, что начался пожар. Девочки визжали, мальчики кричали и большие старые ботинки загремели, когда Папа взбежал вверх по лестнице и начал давить тараканов. Алвин был счастлив

почти так же, как свинья, вывалявшаяся в грязи. В конце концов шум в соседней комнате стал утихать. Через пару минут они зайдут проверить, как там Алвин с Калвином, так что он задул свечу, юркнул под одеяло и шепнул тараканам, что пора прятаться. Ну точно, вот и Мамины шаги снаружи. В последний момент Алвин вспомнил, что он не одел ночную рубашку. Он вытянул руку, нащупал ночную рубашку и втянул ее под одеяло как раз в тот момент, когда дверь открылась. После чего постарался дышать легко и ровно.

Мама и Папа вошли, держа в руках свечи. Он слышал, как они в поисках тараканов приподняли одеяло Калвина и испугался, что они могут взяться и за него. Ведь это было постыдным делом, спать голым как животное. Но девочки знали наверняка, что он не заснет так быстро после того, как его всего искололи булавками, и по-настоящему испугались того, что Алвин мог бы рассказать Маме с Папой, так что они постарались, чтобы родители ушли из комнаты Алвина как можно быстрее, лишь посветив ему в лицо и убедившись, что он спит. Алвин заставил свое лицо застыть в неподвижности так, чтобы даже веки не подергивались. Свеча отодвинулась и дверь тихо закрылась. Он все еще ждал и, ко-

нечно же, дверь открылась опять. Он услышал шлепанье босых ног по полу. Затем дыхание Энн у своего лица и шепот прямо в ухо: «Мы не знаем, как ты добился этого, Алвин-младший, но мы знаем, что это твоих рук дело».

Алвин сделал вид, что ничего не слышит. Он даже слегка всхрапнул. «Тебе меня не обдурить, Алвин-младший. Лучше бы тебе сегодня не засыпать, потому что если ты заснешь, то может так статься, что проснуться тебе уже не придется, слышишь ты меня или нет?»

Снаружи раздался голос Папы: «А куда подевалась Энн?»

Она здесь, Папа, и грозится убить меня, подумал Алвин. Но, конечно, он не сказал этого вслух. В конце концов, она всего лишь пытается меня испугать.

«Мы сделаем так, что это будет похоже на несчастный случай», сказала Энн. «с тобой вечно что-то приключается, так что никто и не подумает, что это убийство».

Алвин начинал все больше и больше верить ей.

«Мы вытащим твое тело наружу и спихнем его в дыру туалета, и все подумают, что ты захотел облегчиться и свалился вниз». Это сработает,

подумал Алвин. Энн была как раз способна выдумать что-нибудь дьявольски умное, причем ей всегда удавались такие веши, как ущипнуть кого-нибудь украдкой и оказаться в десяти футах от этого места, когда раздастся вопль. Вот почему она всегда выращивала такие длинные и острые ногти. Даже сейчас Алвин чувствовал, как один из этих ногтей царапает ему щеку.

Дверь открылась шире. «Энн», прошептала Мама. «Ты сейчас же выйдешь отсюда.»

Царапанье прекратилось. «Я просто хотела убедиться, что с маленьким Алвином все в порядке». Ее босые ноги прошлепали из комнаты. Вскоре все двери закрылись и он услышал, как ботинки Мамы и Папы простучали вниз по лестнице.

Он знал, что у него достаточно причин быть испуганным угрозами Энн до смерти, но он не боялся. Он выиграл эту битву. Он представил себе, как тараканы ползают по девочкам повсюду и засмеялся от удовольствия. Нет, так не пойдет. Он должен сдерживаться, дышать как можно спокойнее. Все его тело тряслось от попыток сдержать смех.

В комнате кто-то был.

Он ничего не слышал, а когда открыл свои глаза, то ничего и не увидел. Но он знал, что здесь

кто-то есть. В дверь войти было нельзя, значит они должны были залезть в открытое окно. Ну это просто глупо, сказал себе Алвин, нет здесь никого. Но он лежал неподвижно и ему больше не хотелось смеяться, потому что он чувствовал, что здесь кто-то стоит. Нет, это просто кошмар, вот что это такое, мне все еще мерещится всякое из-за того, что я слишком долго думал о наблюдающих за мной снаружи Краснокожих или из-за угроз Энн и если я буду просто лежать с закрытыми глазами, то все пройдет. Темнота под веками Алвина стала розоветь. В комнате был свет. Свет, яркий как днем. В мире не было ни свечи, ни лампы способной гореть так ярко. Алвин открыл глаза и его страх превратился в ужас, когда он увидел, что его кошмары стали реальностью.

В шаге от него стоял человек, сверкавший так, как будто он был сделан из дневного света. Свет в комнате исходил от его кожи, его груди, видневшейся там, где рубашка была расстегнута, от его лица и его рук. И в одной из этих рук был нож, острый стальной нож. Сейчас я умру, подумал Алвин. Точно так, как обещала Энн, только сестры его не могли вызвать этот чудовищный призрак. Этот яркий Сияющий Человек пришел наверняка по своей воле и собирается убить Алвина-млад-

шего за его грехи, а вовсе не потому, что кто-то послал его.

Затем случилось так, что свет из Человека проник сквозь кожу Алвина и страх сразу испарился. Да, у Сияющего Человека мог быть нож и он мог проникнуть в комнату не заботясь о замках, но у него в мыслях не было причинить Алвину какой-либо вред. Так что Алвин немного расслабился, приподнялся на кровати так, что почти что сел, опираясь на стену, и стал смотреть на Сияющего Человека, ожидая его действий. Сияющий Человек взял свой светлый стальной нож, приложил лезвие к ладони и воткнул его. Алвин увидел, как блестящая малиновая кровь вытекла из раны на руке Сияющего Человека, стекла по запястью и упала с локтя прямо на пол. И не успело упасть и четырех капель, как в его мозгу возникло видение. Он увидел комнату сестер, хорошо знакомое место, но все в ней выглядело как-то иначе. Кровати были высоко наверху и его сестры выглядели гигантами, так что он мог видеть только огромные ступни и ноги. Тогда он понял, что видит все так, как видит маленькая букашка. Как таракан. В этом видении он носился, подгоняемый голодом, абсолютно ничего не боясь, зная, что если он сможет залезть по этим

ступням на эти ноги, то там будет еда, столько еды, сколько ему захочется. Поэтому он кидался, карабкался, бегал и искал. Но там не было еды, ни крошки ее и теперь гигантские руки хватали и сбрасывали его, гигантская тень вырастала над ним и он чувствовал резкую мучительную давящую боль смерти.

И не однажды, а много раз, десятки раз: надежда на еду, вера в то, что никакого вреда причинено не будет; затем растерянность — нечего есть, совсем нечего — и после растерянности ужас, боль, смерть. Каждый маленький доверчивый кусочек жизни, преданный, раздавленный и размазанный. И затем в своем видении он стал тем, кто спасся от ползающих теней, давящих башмаков под кровать, в трещину стены. Он спасся из этой комнаты смерти, но не в старое место, не в безопасную комнату, потому что теперь она уже больше не была безопасной. Это было место, откуда пришла ложь. Это было место предателя, лжеца, убийцы, пославшего их сюда на смерть. Конечно, в этом видении не было слов. В нем не могло быть слов, как не было ясности мысли в мозгу таракана. Но у Алвина были и слова и мысли и то, чему научились тараканы, он знал лучше любого таракана. Им обещали кое-что,

их уверили в том, что это правда, а потом это оказалось ложью. Смерть ужасна, да, беги из этой комнаты; но в другой комнате было кое-что похуже чем смерть — там мир сошел с ума, это было место, где возможно все, где ничему нельзя было верить. Ужасное место. Самое плохое место. Тут видение кончилось. Алвин сидел, прижав ладони к глазам и отчаянно всхлипывал. Они страдали, кричал он мысленно, они страдали и все из-за меня, я предал их. Вот что хотел мне показать Сияющий Человек. Я заставил тараканов поверить мне, а потом обманул их и послал на смерть. Я совершил убийство.

Нет, не убийство! Где это слыхано, чтобы уничтожение тараканов называлось убийством? Никто на свете не назовет это так. Но Алвин знал, что бы ни думали другие люди — совершенно неважно.

Сияющий Человек пришел и показал ему, что убийство есть убийство. И теперь Сияющий Человек ушел. Свет ушел из комнаты и когда Ал открыл глаза, в комнате не было никого, кроме спящего Калли. Слишком поздно даже для того, чтобы просить прошения. Чувствуя себя страшно несчастным, Алвин закрыл глаза и еще немножко поплакал.

Сколько это длилось? Несколько секунд? Или, может, Алвин задремал и не заметил, что прошло гораздо больше времени? Сколько бы времени ни прошло — свет вернулся опять. Опять он проник в него, не через глаза, но пронизывая его прямо до сердца, шепча и успокаивая. Алвин открыл глаза опять и взглянул в лицо Сияющему Человеку ожидая, что он заговорит. И когда он не сказал ничего, Алвин подумал, что теперь его очередь и начал, запинаясь, говорить слова, не шедшие ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал. «Простите меня, я больше никогда не буду делать так, я буду…» Он знал, что всего лишь мямлит что-то явно неподходящее, и на душе у него было так тяжело, что он даже не слышал того, что говорит. Но свет на мгновение вспыхнул ярче и он почувствовал, что ему был задан вопрос. Уверяю вас, ни слова не было произнесено, но он понял, что Сияющий Человек хотел бы знать, за что он просит прощения.

И задумавшись, Алвин перестал быть таким уж уверенным, что он был не прав. Наверное, все-таки это не убийство, ведь если ты не зарежешь свинью, то рискуешь умереть от голода, и к тому же, ведь если ласка убивает мышь, то это не убийство, правда?

Тут в него опять проник свет и он увидел еще одно видение. На этот раз речь шла не о тараканах. Теперь он увидел, как Краснокожий, стоя на коленях перед оленем, звал его придти и умереть; олень подошел, глаза его были открыты и он дрожал так, как всегда дрожат испуганные чем-то олени. Он знал, что идет на смерть. Краснокожий выпустил в него стрелу, и она осталась дрожать в оленьем боку. Ноги оленя подкосились. Он упал. И Алвин знал, что в этом видении греха не было, потому что смерть и убийство были частью жизни. Краснокожий поступил правильно, олень тоже, и оба они действовали согласно законам природы.

Значит, если он совершил зло, то это была не смерть тараканов, а что же тогда? Власть, которой он обладал? Его умение повелевать вещами, подчинять их собственной воле, заставлять их ломаться в нужном для него месте; понимать то, как они устроены и таким образом заставлять их работать? Он считал это очень полезным, когда делал и чинил те веши, которые обычно делают и чинят мальчики в доме, находящемся в необжитой стране. Он мог сложить два куска рукоятки сломанной мотыги, и сложить их при этом так плотно, что они срастались без клея и

гвоздей. Или два куска драной кожи, ему не надо было даже сшивать их; и когда он завязывал узел на веревке или канате, тот всегда был крепок. С тараканами он использовал тот же самый дар. Дай вещам знать, какими они должны быть, и они сами сделают все, что тебе надо. Так, значит, в этом даре и был его грех? Сияющий Человек услышал вопрос еще до того, как он подобрал нужные слова. Возникла новая вспышка света и пришло новое видение. На этот раз он увидел себя прижимающим руки к камню, который потек под его пальцами как масло и принял нужную форму, целый и невредимый упал с горы и покатился уже в виде идеальной сферы безупречной формы, увеличиваясь и увеличиваясь до тех пор, пока не стал целым миром, принимающим ту форму, которую придавали ему руки Алвина, с возникающими на его поверхности травой и деревьями, с животными бегающими, скачущими, летающими и плавающими на, над и внутри этого каменного шара, который сделал Алвин. Нет, это был не ужасный, а чудесный дар, если бы он только знал, как правильно воспользоваться им. Ну хорошо, если дело не в убийстве и не в моем даре, что тогда я сделал не так?

На этот раз Сияющий Человек ничего не по-

казал ему. Не было вспышки света и не было никакого видения. Вместо этого внезапно пришел ответ, не от Сияющего Человека, но из глубин его собственного сознания. На секунду он почувствовал себя страшно глупым и неспособным понять причины собственной испорченности, но в следующий момент все стало на свои места. Дело было не в смерти тараканов и не в том, что он послужил ей причиной. А в том, что сделал он это для собственного удовольствия. Он сказал им, что они должны сделать это для их собственной пользы, а это было не так, пользу это несло только Алвину. Навредить сестрам, более чем навредить тараканам и все для того, чтобы Алвин мог валяться в постели трясясь от смеха, потому что он все же смог… Да, да, Сияющий Человек услышал эти мысли, и Алвин увидел, как из его сверкающих глаз вылетело пламя и ударило мальчика прямо в сердце. Он догадался. Правильно.

И тогда, на этом самом месте, Алвин сделал самое серьезное обещание в своей жизни. Ему был дан дар, и он будет им пользоваться, но в подобных вещах существуют свои правила, и он будет следовать им, даже если ему станет грозить смертельная опасность. «Я больше никогда не использую свой дар для себя», сказал Алвин-млад-

ший. И когда он сказал эти слова, то его сердце так сильно запылало изнутри, будто оно в огне.

Сияющий Человек опять исчез.

Измотанный рыданиями до предела, Алвин снова лег, натянул на себя одеяло, на этот раз уже чувствуя облегчение. Он сделал плохое дело, это верно, но до тех пор пока он будет выполнять свою клятву, пока он будет использовать свой дар только для помощи другим людям и никогда для своей собственной пользы, что ж, тогда он будет хорошим мальчиком и ему нечего станет стыдиться. Он почувствовал, как голова его становится легкой и ясной, так бывает после долгой болезни, да так оно в общем-то и было, он излечился от зла, зревшего в нем как проклятие. Он вспомнил, как смеялся, используя чужую смерть для собственного удовольствия и ему стало стыдно, но этот стыд не был невыносимым и не терзал его, потому что он знал, что это никогда больше не повторится.

Так он и лежал, когда вдруг почувствовал, что комната опять наполняется светом. Но на этот раз он шел не из какого-то определенного места, и Сияющий Человек был не причем. Открыв глаза, он понял, что свет исходит из него самого. Его руки сияли, лицо его, наверное, мерцало так

же, как лицо Сияющего Человека. Он отбросил одеяло и увидел, что и тело его сияет таким ослепительным светом, что он с трудом мог смотреть на себя, хотя от этого зрелища оторваться было нелегко. Действительно ли это я? подумал он. Нет, не я. Я так сияю, потому что должен кое-что сделать. Я должен сделать то же, что сделал Сияющий Человек для меня самого. Но для кого я должен это сделать?

Тут он увидел Сияющего Человека, стоящего в футе от его кровати, но теперь сияние его погасло. Это был Лолла-Воссики, этот одноглазый Краснокожий пьяница, окрещенный несколько дней назад и все еще носивший одежду белого человека, которую ему дали, когда он стал христианином. Теперь, когда в нем был свет, Алвин видел гораздо яснее, чем прежде. Он видел, что беднягу Краснокожего довел до такого состояния не ликер, дело было даже не в потере глаза. Причина была в чем-то более страшном, растущем как опухоль в его голове.

Краснокожий подошел на три шага и встал на колени у кровати так, что его лицо оказалось очень близко от глаз Алвина. Что ты хочешь от меня? Что я должен сделать?

Первый раз за все это время он открыл глаза и

заговорил: «Сделай разделенное целым», сказал он. Через секунду Алвин-младший осознал, что это было сказано на языке индейцев — Шауни, — он помнил, как взрослые произносили это название во время крещения Краснокожего. Но Алвин прекрасно понимал его, как и родной язык самого Лорда-Протектора. Сделай разделенное целым.

Что ж, ведь в этом и заключался дар Ала. Чинить вещи, заставлять их быть тем, чем они должны быть. Сложность заключалась в том, что он и наполовину не понимал, как это у него получается и уж совсем не представлял себе как починить что-нибудь живое.

Впрочем, может ему и не надо было этого понимать. Может, ему и нужно было действовать не задумываясь. Он поднял свою руку и как мог осторожнее дотронулся до щеки Лолла-Воссики под незрячим глазом. Нет, не так. Он провел пальцем выше, пока не прикоснулся к запавшей глазнице. Да, подумал он. Будь целым.

Раздался треск. Свет заискрился. Ал онемел от изумления и убрал руку. В комнате больше не было света, кроме света луны из окна. Не осталось и намека на бушевавшее здесь световое буйство. Все было так, как если бы он только что очнулся

от сна, глубочайшего сна в его жизни. Прошла минута, прежде чем глаза Алвина свыклись с темнотой, и он смог видеть. Нет, это был не сон. Потому что индеец, бывший прежде Сияющим Человеком, был здесь. Какой же это сон, если у твоей постели стоит на коленях Краснокожий, слезы текут из здорового глаза, а другой глаз, до которого ты только что дотрагивался…

Глазная впадина была по-прежнему пуста. Глаз не появился. «Я не смог», прошептал Алвин. «Прости меня».

Ему был очень стыдно, ведь Сияющий Человек помог ему избавиться от постыднейшего порока, а он ничего так и не смог для него сделать. Но индеец не сказал ни слова упрека. Вместо этого он наклонился и взял большими сильными руками Алвина за голые плечи, притянул к себе и поцеловал в макушку, крепко, как отец сына, как брат брата, как настоящие друзья прощаются друг с другом перед лицом неминуемой смерти. Этот поцелуй, и все, что было в нем заключено — надежду, прощание, любовь — мне никогда не забыть, сказал себе Алвин.

Лолла-Воссики вскочил на ноги. Легко, как будто он был мальчиком, совсем не шатаясь от пьянства. Он был совсем совсем другой и тут

Алвину подумалось, что может быть он все-таки исцелил что-то, что-то такое, что невозможно было заметить внешне. Может быть, Краснокожий просто освободился от пристрастия к спиртному?

Но Алвин знал, что даже если это так, то совершил это исцеление не он, а тот свет, который проник в него. Тот огонь, который грел, не обжигая. Краснокожий подбежал к окну, перемахнул через подоконник, на мгновение повис на руках и исчез. Он проделал это так тихо, что Алвин даже не услышал как его ноги коснулись земли. Так же тихо, как кошка прыгает на копну сена. Сколько это длилось? Часы? Скоро уже рассветет? Или все это произошло за считанные секунды после того, как Энн прекратила шептать в его ухо и вся семья утихомирилась.

В конце концов это было не так уж важно. Все равно после всего происшедшего Алвин никак не смог бы спать. Почему этот Краснокожий пришел к нему? Что все это значит, свет, исходивший от Лолла-Воссики и затем перешедший в самого Алвина? Он был так переполнен восторгом и изумлением, что в постели ему было не улежать. Поэтому он вскочил, залез в свою ночную рубашку и вылетел за дверь.

И теперь, в прихожей он вдруг услышал разговор Мамы и Папы внизу. Они еще не ложились. Сперва он хотел сбежать вниз и рассказать им все, что произошло. Но затем он услышал какими голосами они говорили. Гнев, страх, печаль. Не самое лучшее время рассказывать о своих снах. Хотя Алвин знал, что это не сон, но они-то сочтут это сном. И теперь, хорошенько обдумав, он решил, что лучше ничего им не рассказывать. Что, рассказать, как он послал тараканов в комнату сестер? Колючки, щипки и угрозы? Несмотря на то, что все это казалось происшедшим месяцы и годы назад, обо всем придется сказать. Да, это, конечно, не имело значения по сравнению с клятвой, которую он дал и тем будущим, которое, как казалось Алвину, открывалось перед ним — но это имело значение для Мамы с Папой.

Поэтому он прокрался по прихожей и вниз по лестнице достаточно близко, чтобы все слышать, но достаточно далеко, чтобы не быть замеченным. Через несколько минут он забыл о маскировке. Он подкрался так близко, что мог видеть большую комнату. Папа сидел на полу среди дров. Алвина удивило, что Папа все еще был там после того, как поднимался бить тараканов. Он сидел ссутулившись, закрыв лицо руками. Мама

стояла на коленях напротив него так, что самые большие поленья были между ними. «Он жив, Алвин», сказала Мама. «Все остальное не имеет значения.» Папа поднял голову и посмотрел на нее. «Это проделала вода, просочившаяся в дерево задолго до того, как мы срубили его. Она замерзла там и потом растаяла. А мы срубили его так, что расщелина была не видна на срезе. Но оно было расщеплено в трех местах и для перелома ему был нужен только вес крестовины. Это сделала вода».

«Вода», с насмешкой в голосе сказала Мама.

«Четырнадцать раз вода пыталась убить его.»

«С детьми вечно что-нибудь случается.»

«Первый раз ты поскользнулась с ним на руках на мокром полу. Потом Дэвид опрокинул кипящий котел. Потом три раза он терялся и мы находили его на берегу реки. Прошлой зимой, когда на Типпи-Каноэ-ривер надломился лед…» «Ты думаешь, он первый ребенок, упавший в воду?» «Отравленная вода, из-за которой его рвало кровью. Вымазанный в глине буйвол, накинувшийся на него на этом лугу…» «Вымазанный в глине. Всем известно, что буйволы любят поваляться в грязи, как свиньи. Вода здесь ни при чем.»

Папа ударил рукой по полу с такой силой, таким грохотом, будто кто-то выстрелил из ружья.

Мама вздрогнула и, конечно, посмотрела вверх по лестнице туда, где спали дети. Алвин метнулся наверх и застыл вне пределов видимости, ожидая, что она отошлет его в кровать. Но должно быть, она его не видела, потому что никто не побежал к нему с криками. Когда он прошмыгнул назад, разговор продолжался, хотя и тише. Папа шептал, но в глазах его был огонь. «Если ты считаешь, что вода не имеет к этому никакого отношения, то тогда в твоей голове совсем не осталось мозгов».

Теперь Мама выглядела, как ледяная статуя. Алвин знал этот взгляд — самый страшный из всех маминых взглядов. Не будет ни пощечин, ни крика. Только холодность и молчание. Каждый из детей, познакомившийся с этим голосом, был готов к смерти в адских муках, которая уж наверняка не будет страшнее.

Имея дело с Папой, молчать она не стала, но голос ее был невероятно ледяным.

«Сам Спаситель пил воду из самаритянского колодца».

«Что-то я не припоминаю, чтобы Иисус докатился до такого», сказал Папа. Алвин-младший вспомнил, как он забрался в колодезное ведро и падал в темноту до тех пор, пока веревка не зацепилась за лебедку и ведро не остановилось

прямо над водой, в которой он бы наверняка утонул. Рассказывали, что ему не было и двух лет, когда это произошло, но ему до сих пор иногда снились камни, которыми был выложен колодец изнутри. Пока он летел вниз, они становились все темнее и темнее. В его снах колодец был в десять миль глубиной и он все летел и летел, пока не просыпался. «Тогда подумай вот о чем, Алвин Миллер, если уж считаешь себя таким знатоком Писания». Папа стал возражать, что уж кем-кем, а знатоком Писания он себя никогда не считал. «Сам Сатана сказал Господу в пустыне, что ангелы пронесут Его по воздуху, дабы не преткнулась нога Господня о камни». «Я не понимаю, причем тут вода…»

«Зато я знаю, что если бы выходя за тебя замуж, приняла тебя за умного человека, то сильно просчиталась бы».

Папино лицо покраснело. «Незачем называть меня простаком, Фэйт. То, что мне нужно знать, я знаю прекрасно…»

«У него есть свой Ангел-Хранитель, Алвин Миллер. Тот, кто охраняет его».

«Совсем ты сдурела со своими ангелами…»

«Тогда объясни мне, почему с ним произошло четырнадцать несчастных случаев и после не

осталось и царапины? Много ли мальчиков дожили до шести лет без ушибов?»

Папино лицо стало странным, оно искривилось так, будто ему трудно было об этом говорить. «Я не говорю тебе, что что-то хочет убить его. Я это знаю».

«Ерунда, ничего ты знать н можешь».

Папа заговорил еще медленнее, выдавливая из себя слова, как будто они причиняли ему боль.

"Я знаю ".

Он проговорил это с таким усилием, что Мама подошла к нему и сказала, стоя к нему вплотную. «Если и есть какой-то дьявольский замысел убить его — чего я не говорила, Алвин, — то есть и желание небес защитить его, которое явно сильнее».

Затем, внезапно, Папа перестал выдавливать из себя слова. Он просто оказался бессилен сказать эту важную, мучающую его вещь и Алвин почувствовал разочарование, как будто кто-то попросил пощады еще до того, как был положен на лопатки. Но даже подумав это, он знал, что его Папа не сдался бы просто так, если бы какая-то чудовищная сила не мешала ему говорить. Папа был сильным человеком и совсем не трусом. И, видя, как Папа был побежден, Алвин испугался. Маленький Алвин знал, что Мама с Папой говорят

о нем, и даже не поняв и половины сказанного, он знал, что Папа хочет сказать, что кто-то хочет смерти Алвина-младшего и когда Папа пытался рассказать о каком-то имевшемся у него доказательстве, о том, что он знал, то что-то остановило его и заставило замолчать.

И хотя Папа не смог этого сказать, Алвин-младший знал, что чем бы ни была заставившая Папу замолчать сила, она была полной противоположностью свету, наполнявшему Алвина и Сияющего Человека этой ночью. Есть что-то, желающее Алвину силы и добра. И есть что-то, желающее Алвину смерти. Чем бы ни была эта добрая сила, она могла вызывать в нем видения, могла показать ему его ужасный грех и научить, как его избежать. Но злая сила могла заставить Папу молчать, покорить самого сильного, самого лучшего в мире человека, о котором Алвин-младший когда либо слышал. И это заставляло Ала бояться.

Так что, когда Папа продолжил спор, его седьмой сын знал, что свой самый весомый аргумент он так и не использовал. «Дело не в дьяволах или ангелах», сказал он. «а в основах этого мира, разве ты не видишь, что сам он — живой вызов природе? Он обладает силой, о которой мы с то-

бой только можем догадываться. Такой силой, что одна часть природы не может смириться с этим, такой силой, что он, даже не понимая этого, способен защитить себя». «Если седьмой сын седьмого сына обладает такой силой, то где же твоя сила, Алвин Миллер? Ты ведь седьмой сын — возможно, это что-нибудь и значит, но что-то я не видела тебя снимающим заклятья, или…» «Ты не знаешь, что я делаю…»

«Я знаю, что ты не делаешь. Я знаю, что ты не веришь…»

«Я верю во все, что истинно…»

«Я знаю, что все мужчины работают вместе, чтобы построить эту прекрасную церковь, кроме тебя».

«Этот придурковатый пастор…»

«А тебе не приходило в голову, что Бог использует твоего драгоценного седьмого сына, стараясь пробудить тебя и привести к покаянию?» «А, так вот каков этот Бог, в которого веришь ты? Бог, который пытается убивать маленьких мальчиков для того, чтобы их отцы ходили в церковь?» «Господь спас твоего мальчика, чтобы показать тебе, что Он полон любви и сострадания…»

"Любви и сострадания, позволившей погибнуть моему Вигору…

«Но однажды терпение Его иссякнет…»

«И тогда он убьет еще одного моего сына».

Она ударила его по лицу. Алвин-младший видел это своими собственными глазами. Это был не небрежный шлепок, которым она награждала сыновей, когда они дерзили или бездельничали. Это был удар, способный снести ему полголовы, и Папа споткнулся и растянулся на полу.

«Я говорю тебе, Алвин Миллер, — если церковь будет окончена без твоего участия, в этот же момент ты перестанешь быть моим мужем, а я — твоей женой».

Если после этого и было что-то сказано, то Алвин этого не услышал. Он был уже в своей кровати, дрожа от ужаса, что такая немыслимая вещь может кому-нибудь придти в голову, не говоря уже о том, чтобы быть сказанной вслух. За эту ночь ему пришлось бояться уже стольких вашей, всех этих нашептанных Энн в его ухо угроз и особенно того, на что указал ему Сияющий Человек. Но тут было нечто другое. Своими ушами услышать о том, как Мама говорит о том, что она не будет Папиной женой! Это был конец всего мироздания, конец той единственной веши, что была незыблема всегда, что бы не происходило. Он лежал в своей кровати и мысли плясали в

его голове так, что он не мог задержаться ни на одной из них, и из-за всей этой неразберихи ему не оставалось ничего другого, как заснуть. Наверное это был сон, подумал он утром, это не могло быть ни чем иным. Но у кровати, там, куда падали капли крови Сияющего Человека, остались пятна, значит, это не было сном. Так же не была сном и ссора родителей. Папа остановил его после завтрака и сказал: «Ты останешься сегодня со мной, Ал.» Одного взгляда на Мамино лицо было достаточно, чтобы понять, что все сказанное ночью остается в силе и днем.

«Я хотел бы помочь в церкви», сказал Алвин-младший. «Я не боюсь никаких шпилей.»

«Сегодня ты останешься со мной. Ты должен мне помочь кое-что смастерить», пробормотал Папа, стараясь не смотреть на Маму. «Церкви понадобится алтарь и мы сделаем его, чтобы когда стены и крыша будут закончены, его можно было поставить внутрь». Папа посмотрел на Маму и улыбнулся так, что у Алвина мурашки побежали по спине. «Как, понравится это проповеднику?»

Теперь было ясно, что Мама обезоружена. Но она была не тем бойцом, что прекращает борьбу, однажды сбив противника с ног. Алвин-младший имел возможность убедиться в этом.

«Что может сделать этот мальчик?» спросила она. «Он не плотник.» «У него хороший глаз», сказал Папа. «Если он может клеить и отделывать кожу, он сможет приделать и несколько крестов к алтарю. Так, чтобы они выглядели красиво.»

«Мишур смог бы обстругать его лучше», сказала Мама. «Тогда я заставлю его их выжечь», Папа положил руку на голову Алвина-младшего. «Пусть он даже просидит здесь целый день, читая Библию, парень не должен входить в эту церковь, пока в нее не будет внесена последняя скамейка.»

Папин голос прозвучал так жестко, как если бы его слова были высечены в камне. Мама посмотрела на Алвина-младшего, потом не Алвина-старшего. В конце концов она отвернулась и стала накладывать в корзину еду для идущих в церковь.

«Ты опять собираешься болтаться в церкви?» спросил Вонтот. «Мы могли бы подкинуть тебе пару бревен, чтобы ты мог расколоть их головой», добавил Вэйстнот.

«Я не иду», сказал Алвин-младший.

Вэйстнот с Вонтнотом обменялись понимающими взглядами. «Ну что ж, тем хуже», сказал Мишур. «Но когда Мама с Папой обмениваются

такими ледяными взглядами, по всей Долине Уоббиш начинается пурга». Он подмигнул Алвину-младшему, как и прошлой ночью, когда тот ввязался в большие неприятности.

Алвин решил, что он мог бы сейчас задать Мишуру вопрос, на который не решился бы в обычных обстоятельствах. Он подобрался поближе, чтобы никто не мог их услышать. Мишур догадался, что нужно Алвину и присел за передней частью фургона, чтобы поговорить с ним.

«Мишур, если Мама верит в Бога, а Папа нет, как узнать, кто из них прав?»

«Я думаю, Папа верит в Бога», сказал Мишур.

«Ну, если он не верит. Вот о чем я спрашиваю. Как я могу разобраться в этом, если Мама говорит одно, а Папа другое?» Вначале Мишур хотел отшутиться, а потом передумал — по его лицу Алвин понял, что он сейчас скажет серьезную вещь. Скажет то, что думает, а не просто какую-то ерунду. «Знаешь, Ал, что я должен тебе сказать, я сам бы хотел это знать. Иногда мне кажется, что этого не знает никто». "Папа говорит, что нужно верить тому, что видишь собственными глазами.

А Мама говорит, что тому, что чувствуешь в своем сердце".

«А что сказал бы ты?»

«Откуда мне знать, Мишур? Мне ведь только шесть лет». «Мне двадцать два, Алвин, я взрослый человек и до сих пор этого не знаю. Я думаю, Ма и Па тоже не знают».

«Хорошо, если они не знают, то почему же так ругаются из-за этого?» «А, ну так это и означает быть женатым. Ты все время споришь из-за чего-то, хотя на самом деле вовсе не из-за того, о чем думаешь». «А из-за чего они спорят на самом деле?»

На этот раз, глядя в лицо Мишуру, Алвин увидел совсем другое. Вначале Мишур хотел сказать правду, а потом передумал. Он встал, и взъерошил Алу волосы. Верный признак того, что взрослый собирается солгать так, как взрослые всегда лгут детям, не доросшим еще до понимания правды. «Ну, я думаю, им просто доставляет удовольствие почесать языком». Обычно Алвин просто выслушивал от взрослых их ложь и ничего не говорил, но на этот раз солгал ему Мишур, а ему очень хотелось, чтобы именно Мишур этого не делал никогда.

«Сколько мне еще надо расти, чтобы ты мне отвечал правду?», спросил Алвин.

На мгновение глаза Мишура вспыхнули гневом, — никому ведь не придется по вкусу, когда

тебя называют лжецом, — но затем он ухмыльнулся и в его глазах отразилось понимание. «Столько, чтобы ты мог сам найти ответ», сказал он. «Но при этом ты должен быть достаточно молод, чтобы он мог принести тебе пользу».

«И когда это будет?», спросил Алвин. «Я хочу, чтобы ты говорил мне правду сейчас и всегда».

Мишур опять присел. «Я не могу делать это всегда, Ал, потому что иногда это очень трудно. Иногда я должен объяснять такие веши, которые я не могу объяснить. Дело в том, что для того, чтобы некоторые веши понять, тебе надо прожить достаточно долго».

Алвин страшно разозлился и знал, что по его лицу это заметно. «Не серчай так на меня, братишка. Я не могу тебе рассказать о некоторых вещах, потому что я сам их не понимаю, и я не обманываю тебя. Но ты можешь верить мне, я буду объяснять тебе все, что смогу, а если не смогу, то скажу тебе об этом и не стану валять дурака».

Это было самые прекрасные слова, которые когда-либо говорил взрослый и они заставили глаза Алвина заблестеть слезами. «Сдержи свое обещание, Мишур.»

«Пусть я умру, если не сдержу его, верь мне.» «Знаешь, я не забуду», Алвин вспомнил клятву,

данную Сияющему Человеку прошлой ночью. «Я тоже умею держать обещания.» Мишур рассмеялся, притянул Алвина и крепко обнял за плечи. «Ты невыносим, прямо как Мама. Не можешь остановиться». «Тут я ничего не могу поделать», сказал Алвин. «Если уж я начал тебе верить, то откуда мне знать, когда пора с этим завязывать.» «Никогда», ответил Мишур.

Примерно в это время Калли выехал на своей старой кобыле, Мама вынесла обеденную корзину и все пошло как обычно. Папа взял Алвина-младшего на конюшню и вскорости Алвин помогал там обстругивать доски. И получалось у него совсем не хуже, чем у Папы. По правде говоря, доски прилегали друг к другу даже лучше, ведь Алвин мог использовать свой дар. Верно? Ведь этот алтарь должен служить для всех, поэтому он и заставил дерево смыкаться так плотно, что его невозможно стало разделить даже на стыках. Алвин хотел подогнать и папины стыки, но когда попытался сделать это, обнаружил в папиной работе что-то вроде похожего дара. Дерево не сливалось у него в сплошной кусок как у Алвина, но было хорошо подогнано, так что особой нужды что-то доделывать не было.

Папа ни о чем не говорил. Это было ни к чему.

Оба они знали, что у Алвина-младшего есть дар заставлять веши вести себя нужным образом, этим же занимался и Папа. К закату алтарь был собран и окрашен. Они оставили его сохнуть и, когда возвращались домой, Папина рука лежала на плече Алвина. Они шли вместе так легко и ровно, как будто были одним телом и Папина рука всегда росла из шеи Алвина. Алвин мог чувствовать биение пульса в Папиных пальцах и ритм его был тем же, что и у крови, пульсирующей в его гортани. Когда они вошли, Мама хлопотала у очага. Она обернулась и посмотрела на них, «Ну как?»

«Это лучшая из всех деревяшек, которые я видел», сказал Алвин-младший.

«Сегодня в церкви не было никаких несчастных случаев», сказала Мама.

«У нас тоже все было отлично», ответил Папа.

За всю жизнь Алвин так и не смог догадаться, почему Мамины слова прозвучали как: «Я никуда не ухожу», а Папины: «Оставайся со мной всегда». И было ясно, что так показалось не только ему, потому что в этот момент растянувшийся у огня Мишур посмотрел на него и подмигнул так, что кроме Алвина-младшего этого не было видно никому.

Глава 8
ГОСТЬ

Преподобный Троуэр редко позволял себе потворствовать слабостям, но перед ужинами у Виверов по пятницам он устоять не мог. Вернее было бы сказать, обедами, потому что держащие лавку с мастерской Виверы прекращали днем работу только на несколько минут, чтобы перекусить в полдень. И отнюдь не количество еды, а качество ее заставляли Троуэра приходить сюда каждую пятницу. Говорили, что у Элеонор Вивер и старая деревяшка будет иметь вкус тушеного кролика. К тому же Армор-оф-Год Вивер «Армор-оф-Год (ARMOR-OF-GOD) — Доспех Господа» был примерным прихожанином и с ним было можно отвести душу в достойной беседе. Не столь изощренной, конечно, как с высокообразованным прихожанином, но это было лучшее, что было доступно ему в этой варварской глуши.

Обычно они обедали в задней комнате виверовской лавки, которая была одновременно кухней, мастерской и библиотекой. Время от времени Элеонор помешивала что-то в кастрюлях и тогда

ароматы дневной выпечки и варящейся оленины смешивались с запахами варящегося мыла и жира, используемого в этих местах для изготовления свечей. «О, у нас тут всего понемножку», сказал Армор, когда преподобный Троуэр посетил его впервые. «Мы делаем веши, которые каждый фермер в округе может сделать сам, — но мы делаем их лучше и поэтому, покупая их у нас, они экономят время, нужное им для того, чтобы расчистить, вспахать и засеять больше земли». Сама лавка была уставлена до потолка полками, которые были полны товарами, привезенными фургонами с востока. Хлопковые ткани, спряденные прялками и паровыми ткацкими станками Ирраквы, оловянные тарелки, железные кастрюли и кухонные плиты из литейных цехов Пенсильвании, тонкая керамика, шкафчики и сундучки от мастеров Новой Англии, и даже несколько драгоценных мешков со специями, привезенными в Новый Амстердам из Азии. Армор Вивер признался однажды, что закупить все эти товары стоило ему всех его сбережений, и нет никакой уверенности, что он сможет преуспеть здесь, на этих малозаселенных землях. Но преподобный Троуэр заметил, что у его лавки неизменно скапливается множество фургонов,

съезжающихся сюда с низин Уоббиш, и даже несколько с запада, с далекой Нойзи-ривер. И теперь, пока они ждали когда Элеонор объявит, что тушеная оленина готова, преподобный Троуэр задал беспокоивший его уже долгое время вопрос. «Я видел, как они увозят товар», сказал он. «Но я никак не пойму, чем же они расплачиваются. Никто в этих краях не зарабатывает денег, и на восток тут тоже много не наторгуешь».

«Они платят салом и углем, древесиной и, конечно же, провизией для Элеонор, меня и… еще для кое-кого, кто скоро может появиться». И дураку стало бы понятно, что Элеонор уже так располнела, что прошло уже не менее половины срока беременности. «Но в основном», сказал Армор. «Они берут в кредит».

«В кредит! И это фермеры, чьи скальпы, может так случится, уже следующей зимой будут проданы в Форт-Детройте за мушкеты или выпивку?» «Тут у нас больше разговоров о Краснокожих, чем настоящей опасности», сказал Армор. «Здешние Краснокожие вовсе не дураки. Они слышали про Ирракву, и что там у них есть места в Конгрессе, как и у Белых, и что они имеют такие же мушкеты, лошадей, фермы, поля и города, как и в Пенсильвании, Саскуахэнни или Нью-Орэндж.

Они знают и об индейцах-чероки в Аппалачах, обрабатывающих там землю и сражающихся рука об руку с Белыми повстанцами Тома Джефферсона за то, чтобы их страна была независима от Короля и французов». «Я думаю, они могли бы также заметить постоянный поток лодок, плывущих вниз по Хио, движущихся на Запад фургонов, срубленные деревья и растущие бревенчатые дома».

«Я думаю, вы отчасти правы, Ваше Преподобие», сказал Армор. «Я думаю, Краснокожие могут выбрать любой из двух путей. Могут постараться поубивать нас всех или поселиться и жить среди нас. Жить с нами будет для них нелегко — они не привыкли к жизни в городах, а это самый привычный Белым образ жизни. Но бороться с нами еще хуже, потому что тогда они все погибнут. Им может показаться, что убивая одних Белых, они испугают остальных и заставят их уйти. Ведь они не знают, как обстоят дела в Европе, как мечта о собственной земле гонит людей за 5000 миль, где им предстоит работать тяжелее, чем когда-либо приходилось в их жизни, хоронить детей, которые могли бы выжить на родине, и рисковать получить томагавком по голове, потому что лучше быть самому себе хозяином, чем служить

любому господину. Кроме Господа Бога».

«И с вами тоже было так?», спросил Троуэр. «Вы рискнули всем из-за земли?»

Армор посмотрел на свою жену Элеонор и улыбнулся. Троуэр заметил, что она не улыбнулась в ответ, но также заметил и ее прекрасные и глубокие глаза, как будто она знала секрет, как оставаться серьезной, даже если сердце полно радостью."

«Нет, не из-за земли, как это понимает фермер. Я ведь, знаете ли, не фермер», ответил Армор. «Есть и другие способы быть хозяином. Знаете, преподобный Троуэр, я даю им кредит, потому что я верю в эту страну. Когда они приходят ко мне что-нибудь выменять, я прошу их назвать имена всех своих соседей и нарисовать приблизительные карты ферм и рек, на которых они живут. Я прошу их отвезти письма, которые пишут другие люди или пишу эти письма для них, отправляю их с кораблями на Восток к тем людям, которых они там оставили. Я знаю все, всех, и как найти дорогу в любое место Нойзи-ривер и верхней Уоббиш».

Преподобный Троуэр прищурился и улыбнулся. «Иными словами, брат Армор, вы здесь правительство».

«Скажем так, когда придет такое время, что правительство здесь понадобится, я буду готов послужить», сказал Армор. «Пройдет еще два-три года, все больше и больше людей будет приезжать и многие из них станут делать разные веши вроде кирпичей и кастрюль, кузнечных изделий, шкафов и бочек, пива, сыра и фуража, так где же вы думаете они будут продавать и покупать все это? Да в той самой лавке, что предоставляла им кредит, когда женам их были нужны ткани для шитья ярких платьев, котлы и печи, чтобы не замерзнуть зимой».

Филадельфия Троуэр счел лучшим оставить при себе свои соображения о том, что благодарность фермеров вещь не особо надежная. Кроме того, подумал Троуэр, может я и не прав. Ведь говорил же Спаситель, что мы должны разбрасывать хлеб наш над водами. И даже если Армор не достигнет всего, о чем мечтает, все равно он делает благое дело и помогает открыть эти земли цивилизации.

Еда была готова. Элеонор разложила оленину по тарелкам. И когда она поставила красивую белую тарелку перед ним, преподобный Троуэр улыбнулся. "Вы должны гордиться своим мужем, всем тем, что он создал. Вместо того, чтобы за-

стенчиво улыбнуться, как ожидал того Троуэр, Элеонор чуть громко не рассмеялась. А Армор-оф-год даже не был столь деликатен. Он просто громко расхохотался. «Преподобный Троуэр, вы заблуждаетесь. Когда я по локоть в свечном жире, Элеонор вся вымазана в мыле. Пока я пишу письма для фермеров и отправляю их, Элеонор вырисовывает карты или записывает новые имена в нашу книгу переписи населения. Что бы я ни делал, она всегда рядом со мной, и что бы ни делала она, я рядом с ней. Кроме, может, ее цветника, который заботит ее куда больше, чем меня. И чтения Библии, которое интересует меня больше, чем ее.» «Что ж, хорошо, что она такая добрая помощница своему мужу», сказал преподобный Троуэр.

«Мы добрые помощники друг для друга», сказал Армор-оф-Год. «Не забывайте об этом».

Он произнес это с улыбкой, и Троуэр улыбнулся в ответ, хотя и был несколько обескуражен тем, насколько Армор попал под башмак своей жены, ведь он даже не постыдился открыто заявить, что не полновластный хозяин своему делу и в своем доме. Но чего еще можно было ждать, учитывая, что Элеонор выросла в этой странной семье Миллеров? От старшей дочери Алвина и Фэйт Миллер

вряд ли можно ожидать, что она будет почитать мужа своего, как предназначено Господом.

Как бы то ни было, оленина была невероятно вкусной. «Нет никакого привкуса, характерного для дичи», сказал он. «Никогда бы не подумал, что у оленя может быть такой вкус.»

«Она отрезает жир и добавляет немного куриного», сказал Армор. «Теперь, когда вы это объяснили», сказал Троуэр «Я чувствую его вкус в подливке.»

«А олений жир идет на мыло», сказал Армор. «Мы никогда ничего не выбрасываем, если можем придумать хоть какое-нибудь применение отходам.» «Как завещано нам Господом», сказал Троуэр. И принялся за еду. Он уже приступил к второй миске оленины и третьему ломтю хлеба, когда отпустил замечание, которое по его мнению было шутливым комплиментом. «Миссис Вивер, ваша стряпня так хороша, что я почти готов поверить в колдовство.» Самое большее, чего ожидал Троуэр, это смешок. Вместо этого Элеонор уставилась в стол, как будто он обвинил ее не менее чем в супружеской измене. А Армор-оф-Год застыл чопорно и неподвижно на своем стуле. «Я буду благодарен вам, если вы никогда не будете упоминать эту тему в моем доме», сказал он.

Преподобный Троуэр попытался извиниться. «Я ведь это не серьезно», сказал он. "Среди разумных христиан подобные веши не более чем шутка, не так ли? Это же обычные суеверия и я...

Элеонор встала из-за стола и покинула комнату.

«Что я сказал?» — спросил Троуэр.

Армор кивнул. «О, вы можете не знать», сказал он. «Эта ссора восходит еще к тем временам, когда мы не были женаты, а я впервые приехал на эту землю. Я встретил Элеонор, когда она вместе со своими братьями пришла помочь построить мою первую хижину — сейчас это мыловарня. Она принялась разбрасывать мяту и произносить какие-то заклинания, а я закричал на нее, чтобы она это прекратила и убиралась из моего дома. Я стал цитировать Библию, где говорится, что ведьме нельзя позволить жить среди честных христиан. И занимался этим добрых полчаса, можете быть уверены.» «Вы назвали ее ведьмой, а она вышла замуж за вас?»

«Мы несколько раз обсуждали это.»

«Она больше не верит в подобные веши, не так ли?»

Армор нахмурил брови. «Тут вопрос не в вере, а в делании, Преподобный. Она больше этого

не делает. Ни здесь и нигде больше. И когда получилось так, что вы почти что обвинили ее в колдовстве, это ее огорчило. Потому что, понимаете, она обещала мне.»

«Но когда я извинился, почему она…»

«Опять вы об этом… У вас свои воззрения, но вряд ли вы сможете объяснить ей, что приворотные зелья, травы и заклинания не имеют силы, потому что она сама видела многие веши, которые вы не способны просто так объяснить.»

«Я уверен в том, что человек вроде вас, начитанный в Писании и повидавший мир, может убедить свою жену расстаться с детскими суевериями.» Армор осторожно положил руку на запястье преподобного Троуэра. «Преподобный, я должен сказать вам вещь, которую до этого мне никогда не пришло бы в голову говорить взрослому человеку. Хороший христианин отказывается от подобных вашей в своей жизни, потому что единственно истинный путь пробудить в себе скрытые силы лежит через молитву и милость Господа Иисуса. А не потому, что они не действуют.» «Но они не действуют», сказал Троуэр. «Силы небесные реальны, так же как и видения и явления ангелов и все чудеса, о которых рассказывается в Писании. Но силы небесные не имеют

никакого отношения к молодым парочкам, занимающимся приворотными чарами, к лечению крупа, усыплению кур и всем этим маленьким глупостям, которые невежественные простаки называют своим скрытым знанием. Чем бы ни занимались все эти ведьмы и колдуны, в этом нет ничего, что не объяснялось бы при обычном научном исследовании». Довольно долго Армор просидел молча и неподвижно. Тишина заставила Троуэра почувствовать себя неуютно, но он не знал, что еще сказать. До сих пор ему не приходило в голову, что Армор мог верить во всю эту ерунду. Это было бы пугающей перспективой. Одно дело избегать колдовства, считая его выдумкой, и совсем другое верить в него и сторониться его, потому что оно греховно. Троуэр подумал, что если они придерживаются последней точки зрения, то с их стороны это даже более благородно: для Троуэра пренебрежение, испытываемое им по отношению к колдовству, было не более чем проявлением здравого смысла, а для Армора и Элеонор это было самой настоящей жертвой.

Как бы то ни было, пока он пытался подобрать слова, чтобы высказать эту свою идею, Армор откинулся на стул и повел беседу совершенно в другом ключе. «Мне кажется, ваша церковь

уже почти окончена», сказал он. Преподобный Троуэр с облегчением подхватил эту безопасную тему. «Вчера крыша была закончена и сегодня они даже успели обшить досками стены. Так что завтра вода уже не будет заливать полы при закрытых ставнях, и когда мы застеклим окна и навесим двери, церковь будет в полном порядке». «Я раздобыл стекло, оно скоро будет доставлено по воде», сказал Армор.

Тут он подмигнул «Я решил проблему судоходства по озеру Эри». «Но как вам удалось это? Ведь французы топят каждый третий корабль, даже если он из Ирраквы!»

«Очень просто. Я заказал стекло в Монреале».

«Французское стекло в окнах британской церкви!» «Американской церкви», сказал Армор. «И Монреаль тоже находится в Америке. Как бы то ни было, французы конечно стараются от нас избавиться, и в то же время мы для них — неплохой рынок для сбыта их промышленных товаров, поэтому их Губернатор, маркиз Де Ла Фойетт, не против того, чтобы его люди извлекали выгоду от торговли с нами. Они собираются сплавить стекло в озеро Мичиган, затем баржей вверх по реке святого Джозефа и вниз по Типпи-Каноэ.» «А они успеют до того, как погода испортится?»

«Я думаю, да», сказал Армор. «Иначе они не получат ни гроша». «Вы удивительный человек», сказал Троуэр. «Но мне странно, что у вас так мало лояльности к Британскому Протекторату». «Ну, знаете ли, так у нас настроены все», сказал Армор. «Вы выросли под Протекторатом и до сих пор рассуждаете как англичанин». «Я шотландец, сэр».

«Неважно, главное, что британец. У вас любой, кто хотя бы подозревается во владении скрытыми силами, изгоняется из страны, дело даже до суда не доходит, верно?»

«Мы пытаемся быть справедливыми, но церковные суды работают быстро и их приговоры обжалованию не подлежат».

«Хорошо, теперь задумайтесь вот о чем. Если годами все, имеющие хоть какой-то дар в тайных искусствах, высылались в американские колонии, откуда вам в молодости быть знакомым хоть с малейшим проявлением „колдовства“?» «Я не видел этого, потому что этого не существует». "Не существует в Британии. Но это проклятие для добрых христиан в Америке, потому что все мы здесь по горло завязли в ведьмах, колдунах, заклинателях духов, чародеях и ни один ребенок не дорастает и до четырех футов без того, чтобы набить шишку о чье-нибудь заклятие «убирай-

ся-прочь!» или чтобы пойматься на заклятие «говори-что-хочешь!» и тогда он начинает нести что взбредет в голову и обзывать всех в десятимильной округе. «Заклятие „говори-что-хочешь!“! Брат Армор, я уверен, что вы наблюдали примеры того, как немного спиртного производит тот же эффект». «Только не на двенадцатилетнего мальчика, который и в жизни своей не взял в рот и капли спиртного».

Было очевидно, что Армор говорит о своем собственном опыте, но это не меняло сути дела. «Всегда есть какое-нибудь еще объяснение». «Есть куча объяснений, которые всегда можно придумать для всего происходящего. Но вот что я вам скажу. Вы можете проклинать чародейство в молитвах и ваш приход будет с вами. Но если вы будете продолжать утверждать, что чародейства не существует, ну что ж, я думаю тогда большинство здешнего народа задумается, стоит ли им проходить всю эту дорогу до церкви, чтобы выслушивать молитвы полного идиота».

«Я должен говорить правду, как я вижу ее», сказал Троуэр. «Вы можете видеть, как кто-то ведет себя нечестно, но вы ведь не упоминаете его имя с кафедры, верно? Нет, сэр, вы продолжаете читать проповеди о честности и надеетесь, что они

окажут свое влияние». «Вы говорите о том, что я должен использовать окольные пути». «У нас будет прекрасная церковь, преподобный Троуэр, и она не была бы и наполовину так прекрасна, если бы не ваши мечты о том, какой она должна быть. Но местный народ считает, что это их церковь. Они срубили деревья, они ее строили и стоит она на общей земле. И будет просто ужасно, если вы станете упорствовать и они возмутятся и отдадут вашу кафедру другому проповеднику».

Преподобный Троуэр долго смотрел на остатки обеда. Он думал о церкви, не о той неокрашенной и неотделанной деревянной церкви, какой она была сейчас, а о законченной, с установленными скамьями и высоко вздымающейся кафедрой, залитой солнечным светом из чисто вымытых окон. Само по себе это место ничего не значит, сказал он про себя, важно то, чего я смогу достигнуть здесь. Я изменю своему христианскому долгу, если позволю, чтобы это место оказалось в руках суеверных дураков, вроде Алвина Миллера, и, вероятно, всей его семьи. Если моя миссия здесь состоит в том, чтобы уничтожить зло и суеверие, я должен ужиться с невежественными и суеверными. Постепенно я подведу их к постижению истины. И если я не смогу переубедить

родителей, то придет время и я смогу обратить детей. Это работа целой жизни, цель пасторского служения, почему же я должен отбросить ее ради того только, чтобы на несколько коротких мгновений сказать им правду? «Вы мудрый человек, брат Армор».

«Вы тоже, преподобный Троуэр. В конце концов, даже если мы несогласны по многим вопросам, мне кажется, что оба мы стремимся к одной цели. Мы хотим, чтобы вся эта страна стала цивилизованной и христианской. и ни один из нас не будет против, если Вигор-черч „Вигор-черч (VIGOR-CHURCH) — церковь Вигора“ станет Вигор-Сити, а Вигор-Сити станет столицей всей территории Уоббиш. Ведь в Филадельфии были даже разговоры о том, чтобы предложить Хио стать полноправным штатом и я уверен, что такое же предложение будет сделано для территории Аппалачи. Так почему бы когда-нибудь им не сделать того же и для Уоббиш? Почему бы не создать страну, которая будет лежать от моря и до моря, которую будут населять и Белые, и Краснокожие, и каждый из них сможет голосовать за то правительство, которого хотим мы и которое примет законы, которым мы будем подчиняться?» Это была хорошая мечта. И в ней Троуэр

видел место и для себя. Человек, обладающий кафедрой в величайшей церкви величайшего города территории, станет духовным лидером целого народа. На несколько минут он уверился в реальности этой мечты так сильно, что когда он вежливо поблагодарил Армора за угощение и вышел вон, его изумило что сейчас поселок Вигор целиком состоит из большой лавки Армора с ее хозяйственными строениями, огороженного пастбища, на котором паслась дюжина овец, и неотделанного деревянного корпуса большой новой церкви.

Тем не менее, церковь была вполне реальна. Она была почти готова, стены уже стояли и крыша была настелена. Преподобный Троуэр был человеком рациональным. Прежде чем поверить в любую мечту, он должен был иметь нечто осязаемое и церковь была вполне осязаемой, а это значило что вместе с Армором они смогут добиться осуществления своей мечты. Надо было лишь привлечь сюда людей и сделать этот город центром территории. Его церковь была достаточно большой, не только для церковных собраний, но и для городских. А чем он будет заниматься по будням? Если он не сможет организовать в этих местах школу для детей, это значит что все его

образование было дано ему впустую. Учить их читать, писать, считать и, прежде всего, думать, изгнать из их голов все суеверия, не оставляя в них ничего, кроме чистого знания и веры в Спасителя. Он был так поглощен этими мыслями, что даже не заметил, что направляется вовсе не на ферму Питера Мак-Коя, где его ждала кровать в старой бревенчатой хижине. Он шел опять назад, вверх по холму, по направлению к церкви. И только запалив несколько свечей, он понял, что, наверное, проведет ночь здесь. Это был его дом, эти голые деревянные стены, и не было в мире другого места, которое могло бы стать для него домом. Густой запах заставил его почти обезуметь, ему захотелось петь никогда прежде не слышанные им гимны и он сидел, напевая сквозь зубы, переворачивая пальцем страницы Ветхого Завета, даже не замечая написанных на них слов. Он не услышал их, пока они не зашагали по деревянному полу. Только тогда он поднял глаза и увидел, к своему изумлению, несущую светильник миссис Фэйт, за которой следовали восемнадцатилетние близнецы, Вэйстнот и Вонтнот. Они несли большую деревянную коробку. Прошло некоторое время, прежде чем он догадался, что эта коробка должна служить алтарем.

И надо признать, что это был очень хороший алтарь, дерево было обработано так тщательно, как смог бы сделать только настоящий мастер-плотник, и отлично окрашено. И на досках, закрывающих верх алтаря, были выжжены два ряда крестов.

«Где вы хотите, чтобы он стоял?», спросил Вэйстнот. «Отец сказал, что мы должны принести его вечером, когда стены и крыша будут закончены».

«Отец?» спросил Троуэр.

«Он сделал это специально для вас», сказал Вэйстнот. «И маленький Ал сам выжег эти кресты, раз уж ему больше не разрешается приходить сюда». Теперь Троуэр стоял вместе с ними и мог убедиться, что алтарь был любовно отделан. Менее всего он мог ожидать этого от Алвина Миллера. Даже присмотревшись к крестам, трудно было поверить, что это работа шестилетнего мальчика.

«Сюда», сказал он, ведя их на место, предназначенное им для алтаря. Алтарь этот стал единственным предметом обстановки в пустой церкви и, будучи свежеокрашенным, он был темнее стен и пола из свежеспиленного дерева. Все это было так замечательно, что слезы под-

ступили к глазам Троуэра. «Скажите им, что он великолепен». Фэйт с мальчиками заулыбались так широко, как только могли. «Вы видите, он не враг вам», сказала Фэйт, и Троуэру оставалось только согласиться.

«Я тоже не враг ему», сказал он. Но при этом он не сказал того, что подумал в этот момент: я одолею его любовью и терпением, рано или поздно, но я одолею его, и этот алтарь явное знамение того, что в глубине своего сердца он тайно взывает ко мне, чтобы я освободил его из тьмы невежества. Не задерживаясь, они поспешили в ночь, домой. Троуэр поставил подсвечник на пол у алтаря, — не на алтарь, потому что это была бы папистская ересь, — и встал на колени для молитвы. Церковь почти готова, в ней есть уже прекрасный алтарь, построенный человеком, которого он боялся больше всего, и на алтаре кресты выжжены руками странного ребенка, символизировавшего непреодолимые суеверия этих невежественных людей. «Значит, ты полон гордости», произнес голос за его спиной.

Он повернулся, заранее улыбаясь, потому что был рад появлению Гостя.

Но Гость не улыбался. «Столь полон гордости». «Прости меня», сказал Троуэр. «Я уже раскаива-

юсь в этом. И все же, что я могу поделать с собой, если я так рад великому труду, начинающемуся в этих местах?»

Гость осторожно дотронулся до алтаря, его пальцы ощупали кресты. «Он сделал это, верно?»

«Алвин Миллер».

«И мальчик».

«Да, кресты. Я так боялся того, что они служат дьяволу…» Гость раздраженно посмотрел на него. «И ты думаешь, что, построив алтарь, они доказали, что это не так?»

Пронзенный дрожью ужаса, Троуэр прошептал: «Я не думал, что дьявол способен использовать символ креста».

«Ты также суеверен, как и все они», сказал холодно Гость. «Паписты все время крестятся. Ты что, думаешь, это заклятие против дьявола?» «Но как я смогу отличить дьявола», спросил Троуэр. «Если он способен изготовить алтарь и нарисовать крест…»

«Нет, нет, Троуэр, возлюбленный сын мой, они вовсе не бесы, ни один из них. Ты узнаешь дьявола, когда увидишь его. Там, где у всех людей на голове волосы, у дьявола бычьи рога. Где у людей ноги, у дьявола козлиные копыта. Там, где у людей руки, у дьявола огромные медвежьи

когти. И можете не сомневаться: когда придет дьявол, он не станет делать для тебя алтарей.» Тут Гость возложил руки на алтарь. « Теперь это мой алтарь», сказал он. «Кто бы ни сделал его, я использую его для своей пользы.» Троуэр вздохнул с облегчением. «Освятив, ты очистил его.» И он протянул руку, чтобы дотронуться до алтаря.

«Стой!» прошептал Гость. Даже шепотом своим он заставлял стены дрожать.

«Выслушай меня вначале», сказал он.

«Я всегда слушаю тебя», сказал Троуэр. «Хотя я не могу понять, почему ты выбрал столь недостойного червя, каким являюсь я». «Даже червь может обрести величие от одного прикосновения пальца Господня», сказал Гость. «Нет, ты неправильно понял меня — я не сам Господь. Не поклоняйся мне.»

Но Троуэр не смог совладать с собой, он зарыдал в экстазе, встав на колени перед этим мудрым и могучим ангелом. Да, ангелом. У Троуэра не было никакого сомнения в этом, хотя у Гостя не было крыльев и он носил костюм, вполне уместный и в парламенте.

«Человек, построивший это, находится в смятении, но в душе его зреет убийство, и если его подтолкнуть, он совершит его. И ребенок, сде-

лавший эти кресты — он действительно, как ты и предполагал, достоин внимания. Но еще не определено, какую жизнь проживет он, жизнь в добре или зле. Обе дороги лежат перед ним, и он открыт влиянию. Ты понял меня?» «Эта работа предстоит мне?» спросил Троуэр. «Должен ли я забыть остальное и посвятить себя обращению этого ребенка на путь истинный?» «Если ты будешь проявишь излишнюю заинтересованность в этом, то его родители заподозрят тебя. Ты будешь продолжать заниматься пастырской службой, как и собирался. Но в сердце своем ты должен направлять все свои усилия на этого необычайного ребенка, чтобы привлечь его на мою сторону. Потому что если, достигнув четырнадцатилетнего возраста, он не будет служить мне, я уничтожу его.»

Сама мысль о том, что Алвин-младший будет ранен или убит была невыносима для Троуэра. Она наполняла его таким чувством потери, которое, как представлялось ему, не могли ощущать даже отец с матерью. « Я сделаю для спасения этого ребенка все, на что способен слабый человек», воскликнул он и его голос был столь полон муки, что прозвучал почти как рыдание. Гость кивнул, улыбнулся своей прекрасной любящей улыбкой

и протянул руку Троуэру.

«Я верю тебе», сказал он мягко. Его голос был подобен живительной влаге, смачивающей болящую рану. «Я знаю, ты сделаешь все как надо. А что касается дьявола, тебе нет нужды бояться его.» Троуэр потянулся к протянутой руке, намереваясь покрыть ее поцелуями; но в тот момент когда он должен был коснуться плоти, там не оказалось ничего. Гость удалился.

Глава 9
СКАЗИТЕЛЬ

Сказитель еще хорошо помнил те времена когда в здешних местах можно было забравшись на дерево увидеть девственные леса, раскинувшиеся более чем на сто квадратных миль вокруг. Времена, когда дубы жили более века и их разросшиеся стволы образовывали настоящие древесные горы. Времена, когда листья над головой были так густы, что в некоторых местах земля была голой из-за отсутствия света.

Этот мир вечных сумерек теперь ушел в прошлое. До сих пор еще оставались области первозданного леса, где неслышно как олени бродили Краснокожие и у Сказителя было ощущение, что он находится в соборе самого почитаемого Бога. Но подобные места были так редки, что за весь последний год странствий Сказителю так и не удалось найти такого места, где можно было бы залезть на дерево и увидеть лес без конца и края. Вся страна, лежащая между Хио и Уоббиш была заселена, хотя и не так сильно как в Европе, и даже сейчас, со своего насеста, расположенного

на самой верхушке ивы, Сказитель видел как несколько дюжин очагов выбрасывали столбы дыма в холодный осенний воздух. И во всех направлениях гигантские участки леса были выкорчеваны, земля распахана и засеяна, урожай выращен и собран. Так что земля, которую когда-то гигантские деревья скрывали от небесного ока, лежала теперь ощетинившись стерней и ждала, когда зима укроет ее от позора. Сказитель вспомнил привидевшегося ему хмельного Ноя, которого он некогда вырезал как иллюстрацию к изданию Книги Бытия для воскресных школ шотландской церкви. Ной был наг, с безвольно открытым ртом и все еще зажатой в пальцах полупустой чашей, неподалеку издевательски хохотал Хам; и еще кто-то неизвестный с Шемом, спешившие одеть своего отца. С внезапным волнением Сказитель вдруг понял, что именно сейчас сбывается это предсказанное в Писании пророчество. Это он, Сказитель, усевшись на верхушке дерева, видит обнаженную землю, оцепеневшую в ожидании целомудренного покрова зимы. Он мог только надеяться на исполнение этого пророчества, но никак не предполагал увидеть что-либо подобное собственными глазами. Или, может так статься, что притча эта все же не

являлась символом нынешнего времени. Почему бы и не наоборот. Может, вспаханная земля — это символ пьяного Ноя?

Когда Сказитель добрался до земли, то уже полностью пришел в себя. Он размышлял и размышлял, пытаясь раскрыть видениям свое сознание, что необходимо, чтобы стать хорошим прорицателем. И каждый раз, когда ему казалось, что он крепко и надежно ухватил что-то, оно уплывало и изменялось. Он слишком цеплялся за каждую мысль, в результате все дело тормозилось и он оставался как и прежде в полной неуверенности. У подножья дерева он раскрыл свою сумку и достал оттуда Книгу Притч, впервые открытую им в восемьдесят пятом году для Старого Бена. Осторожно расстегнул застежку переплета, закрыл глаза и провел руками по страницам. Открыв глаза, он обнаружил, что его пальцы лежат на Адских Притчах. Конечно, очень подходяще. Его палец коснулся двух притч, обе написаны его собственной рукой. Первая не имела значения, другая же казалась подходящей. «Глупец видит не то дерево, что видно мудрецу.»

Тем не менее, чем больше он старался понять смысл этой притчи применительно к его размышлениям, тем меньше видел связи с ними,

разве что упоминание о деревьях имело какое-то отношение к нему. В конце концов он вернулся к первой поговорке: «Если глупец начнет бороться со своей глупостью, то станет мудрецом.»

Ага. Это уже кое-что. Это был глас пророчества, записанный им еще до начала своих странствий, во времена прежней жизни в Филадельфии. В ту ночь, когда Книга Притчей впервые ожила для него и он увидел, как горящие буквы слагаются в слова, которые должны быть записаны. Ночь эту он провел без сна, пока свет восходящего солнца не залил пылающую страницу. Старый Бен, как всегда по утрам ворчливый, с грохотом спустился вниз по лестнице, понюхал воздух и сказал: «Я надеюсь, ты не пытался спалить дом, Билл?» «Нет, сэр», отвечал Сказитель. «Но мне было видение о том, что Господь хотел сказать в Книге Притчей и я записал его.» «Ты совсем одурел с этими своими видениями», сказал Старый Бен. «Истинные видения исходят не от Бога, а из сокровенных уголков человеческого сознания. Если тебе захочется, можешь записать это как притчу. Мысль слишком агностическая, чтобы я мог использовать ее для Альманаха Бедного Ричарда». «Взгляните сюда», сказал Сказитель.

Старый Бен посмотрел и увидел, как гаснут

последние язычки пламени. «Что ж, это действительно отличный фокус с буквами. И ты еще утверждал, что не имеешь никакого отношения к магическому искусству». «Но я действительно не колдун. Просто Бог даровал мне это видение». «Бог или дьявол? Если тебя окружает свет, Билл, откуда тебе знать, слава ли это Господня или адский пламень?»

«Я не знаю», сказал Сказитель, все больше и больше сомневаясь в себе. Ведь он был очень молод, не достиг даже тридцати лет, и легко приходил в смущение перед лицом великого человека."

«Или, может, правда действительно открылась тебе, раз ты жаждешь ее так сильно?», Старый Бен покачивал головой, пытаясь разглядеть страницы Книги Притчей через малые стекла своих бифокальных очков. «Буквы прямо-таки выжжены. Забавно, не правда ли, меня называют волшебником, хотя я им не являюсь, а ты, настоящий волшебник, отказываешься признавать это». «Я прорицатель. Ну… хотел бы им стать».

«Я поверю в это, Билл Блэйк, не ранее чем исполниться хотя бы одно из твоих пророчеств».

Все последующие годы Сказитель ждал полного исполнения какого-нибудь из своих пророчеств.

Но когда, казалось, это происходило, из глубин его памяти звучал голос Старого Бена, предлагающий иные объяснения, насмехающийся над ним за то, что он так страстно желает обнаружить связь между пророчеством и реальностью.

«Пророчества не сбываются», сказал бы Старый Бен. «Они могут быть полезными — это верно. Твой разум может находить зависимости между различными вещами и это может приносить пользу. Но сбывшееся пророчество — это совсем другое дело. Это означает, что ты отыскал закономерность, существующую независимо от того, понимаешь ли, замечаешь ли ты ее. И я должен сказать, что в моей жизни я не встречал такой закономерности. Были времена, когда я подозревал, что таких закономерностей вообще не существует и все связи, соединения, зависимости и подобия лишь порождения разума и не имеют смысла».

«Так почему же земля не растает у нас под ногами?», спросил Сказитель. «Потому что мы ухитряемся убедить ее удержать наши тела на себе. И еще из-за сэра Исаака Ньютона. Он был таким чертовски убедительным малым. И даже если люди сомневались в том, что он говорит, земля-то верила и продолжала держаться на ме-

сте». Старый Бен рассмеялся. Он никогда не мог заставить себя поверить хотя бы собственному скептицизму.

И теперь, сидя с закрытыми глазами у подножия дерева, Сказитель пытался связать притчу о Ное со Старым Беном. Очевидно, Старый Бен был Хамом, видевшим обнаженную истину, ничтожную и постыдную, и высмеивавшим ее, в то время как все почтительные сыны Церкви и Университета спешили истину вновь прикрыть, чтобы не было видно сколь она жалка. Так, чтобы мир продолжал считать истину цельной и величественной, не видя ее в момент обнажения скрытой слабости.

Вот в чем состоит толкование притчи. И исполнение пророчества. Когда мы видим истину, она смешна, и желающий служить истине не должен пытаться увидеть ее воочию.

В то мгновение, когда ему наконец открылось это, Сказитель вскочил на ноги. Он должен найти кого-нибудь, чтобы рассказать о своем великом открытии, пока он сам еще в него верит. Ведь в притче из его Книги сказано:

«Сосуд удерживает, фонтан отдает». Если он не сможет поделиться с кем-нибудь своей историей, она станет затхлой и лежалой, она засохнет

внутри него, в то время как если ее пересказать, она останется свежей и значимой. Как это сделать? Лесная дорога, лежавшая неподалеку, вела к большой белой церкви с высокой как дуб колокольней — он видел ее не далее чем в миле от дерева, на котором сидел. Она была первым таким большим зданием, которое он видел после Филадельфии. Большое здание, построенное только для того, чтобы в нем могло собираться множество людей, означало, что здешний народ считает, что у них найдется достаточно места для вновь прибывших. Добрая примета для странствующего рассказчика историй, который живет, полагаясь на щедрость незнакомых людей, могших пустить его к себе и накормить, хотя ему нечем заплатить кроме того, что содержалось в его Книге и его голове, пары сильных рук и выносливых ног, которые прошагали уже десять тысяч миль и послужат ему как минимум еще на пять тысяч.

Дорога была разбита фургонами, а значит, использовалась часто, и в выбоинах была укреплена досками, образующими покрытие достаточно крепкое для того, чтобы фургоны не завязали в размокшей от дождя почве. Так что, похоже, это место скоро станет городом, не так

ли? Но большая церковь не обязательно означала открытость, она могла свидетельствовать и о непомерных претензиях. Во всех рассуждениях всегда таится опасность, подумал Сказитель: существуют сотни возможных следствий каждой причины и сотни возможных причин каждого следствия. Он подумал, не записать ли ему эту мысль в Книгу и решил, что не стоит. В ней не было ничего, несущего отпечаток его души, и никаких божественных или дьявольских отметин. Она не являлась откровением, он дошел до нее сам. А значит, не могла быть ни пророчеством, ни истиной. Дорога упиралась в обширное пастбище у реки. Сказитель догадался о реке заранее по запаху текущей воды — у него было хорошее обоняние. Вокруг пастбища были разбросаны несколько домов, но самым большим из них был окрашенный в белое дощатый двухэтажный дом с вывеской «Вивер». Теперь, увидев дом с вывеской, Сказитель понял, что живущие в нем люди хотят, чтобы никогда не бывавшие здесь ранее проезжие узнавали это место, а это было все равно, что прямо сказать, что дом открыт для всех. Поэтому Сказитель подошел прямо к дому и постучал.

«Минуту!», крикнул кто-то изнутри. Сказитель

подождал на крыльце. Над ним висело несколько корзинок со свисающими пучками различных трав. Сказитель узнал некоторые из них, пригодные для различных магических умений, таких как исцеление, обнаружение, завораживание и напоминание. Он также увидел, что если на них посмотреть со стороны двери, то они образуют тщательно выделанный оберег. Он был так старательно сплетен, что Сказитель вначале присел на крыльцо, а потом даже и прилег на него, чтобы разглядеть узор получше. Разноцветные линии были нанесены на корзинки точно в нужных местах, так что это не было случайностью. Над дверью действительно висел прекрасно сплетенный оберег, направленный прямо на дверной проем. Сказитель попытался понять, почему кто-то изготовил такой мощный охранный амулет и в то же время попытался его укрыть. Что ж, возможно в этих местах Сказитель был единственным, кто был способен заметить подобную вещь. Он все еще лежал на полу, ломая себе голову над этой загадкой, когда дверь открылась и появившийся в ней мужчина сказал: «Похоже, ты сильно утомился, незнакомец?».

Сказитель вскочил на ноги. "Я любовался вашим узором из трав, сэр.

Настоящий воздушный сад".

«Это все моя жена», сказал мужчина. "Все время хлопочет вокруг них.

Пустая трата времени."

Врет он или нет? Сказитель решил, что нет. Ведь хозяин не пытался скрыть, что корзины образуют оберег и стелющиеся стебли закреплены так, чтобы сохранять его форму. Он просто не знал этого. Кто-то — возможно, жена, если это был ее сад, — возвел защиту вокруг дома и хозяин дома ничего об этом не знал.

«Мне кажется, они выглядят неплохо», заметил Сказитель. «Я удивлялся, как мог кто-то попасть сюда, хотя я не услышал шума от фургона или лошади. Но глядя на вас, я догадываюсь, что вы пришли пешком». «Так оно и было, сэр», подтвердил Сказитель.

«И ваш мешок не выглядит очень увесистым, так что похоже на то, что продать вам нечего».

«Я не торгую вещами, сэр», ответил Сказитель.

«Чем же тогда? Чем же еще можно торговать, кроме вашей?» «Работой, например», сказал Сказитель. «Еду и ночлег я могу отработать» «Вы слишком стары, чтобы быть бродягой» «Я родился в пятьдесят седьмом, так что до семидесяти* мне осталось еще добрых семнадцать лет. Кроме

того, я обладаю еще несколькими различными дарами».

Тут ему показалось, что его собеседник содрогнулся. И произошло это не с его телом. Просто его глаза похолодели, когда он произнес:

«Пока наши сыновья еще слишком малы, мы с женой делаем здесь всю работу. И не нуждаемся ни в чьей помощи».

Теперь за ним появилась женщина, еще достаточно молодая, чтобы лицо ее, хотя и выглядевшее серьезным, не было обветренным и загрубевшим. В руках она держала ребенка. Она сказала мужу: «Армор, сегодня за ужином у нас найдется место еще на одного человека».

Но лицо ее мужа застыло в упрямой гримасе. "Моя жена великодушнее меня, незнакомец. Я скажутебе прямо.Тыговорил о том, что семьдесят лет — нормальная длительность человеческой жизни в Библии. своих особых дарах, и я знаю, что ты имеешь в виду владение скрытыми силами. У нас христианский дом, и такой работы ты здесь не найдешь.

" Сказитель посмотрел тяжелым взглядом вначале на него, а потом, немного мягче, на его жену. Значит, вот как обстоят тут дела. Она делает такие обереги и заклятья, и в то же время должна

прятать их от собственного мужа, который и слышать не хочет о таких вещах. Интересно, что станет с женой, если муж когда-нибудь узнает правду. Этот человек — кажется, Армор? — не похож на убийцу, но трудно сказать, на какое насилие способен человек при внезапном приступе ярости.

«Я понимаю вашу осторожность, сэр», сказал он. «Я знаю, что у вас сильные защитные заклятия. Одинокие путники в наших местах не ходят пешком. Один тот факт, что вы еще носите свой скальп, указывает на то, что у вас есть надежная зашита от Краснокожих». Сказитель ухмыльнулся и стащил шляпу с головы, обнажив сверкающую лысину. «У меня есть свой способ обороняться от Краснокожих: я всегда могу ослепить их сверканием солнца на моей голове. Они не смогут получить хорошей награды за мой скальп».

«По правде говоря», сказал Армор, «Краснокожие в этих местах куда более миролюбивы, чем обычно. Их одноглазый Пророк построил себе город на другой стороне Уоббиш, где учит Краснокожих не пить спиртного».

«Это хороший совет для любого человека», сказал Сказитель. И подумал: интересно, Крас-

нокожий, называющий себя пророком. «Пока я не покинул этих мест, я должен перекинуться парой слов с ним». «Он не станет говорить с вами», сказал Армор. «По крайней мере, пока вы не измените цвет своей кожи. Он не разговаривает с Белыми с тех пор, как у него было видение несколько лет назад».

«И что, он убьет меня, если я попробую?»

«Не думаю. Он учит своих не убивать Белых людей».

«Тоже неплохой совет», заметил Сказитель.

«Неплохой для Белых, но для Краснокожих он может оказаться не таким уж полезным. Есть люди вроде так называемого Губернатора в Картхэдж-Сити, желающие всем Краснокожим вне зависимости от того, мирные они или нет, только самого наихудшего». Неприязнь не покинула лица Армора, но все же он говорил, и говорил чистосердечно. Сказитель уважал людей, разговаривающих прямо и не лукавя даже с теми, кого считают врагами. «И все же, не все Краснокожие прислушиваются к миролюбивым словам Пророка. Те, кто идут за Та-Кумсавом, приносят много хлопот людям в низовьях Хио, из-за чего многие уходят на север в верхнюю Уоббиш. Так что у вас не будет недостатка в домах, где примут нищего

бродягу, — можете поблагодарить за это Краснокожих». «Я не нищий, сэр», сказал Сказитель. «Как я уже говорил вам, я готов работать».

«При помощи этих ваших даров и тайных уловок, не сомневаюсь». Враждебность хозяина была полной противоположностью вежливому гостеприимству его жены. «А в чем ваш дар, сэр?», спросила она. «По вашей речи понятно, что вы образованный человек. Вы случайно не учитель?» «О моем даре можно догадаться по моему имени», сказал он. «Сказитель. У меня дар к рассказыванию историй».

«К выдумыванию их? В этих местах мы зовем это ложью» — чем более жена старалась быть дружелюбной к Сказителю, тем враждебнее становился муж. «У меня дар к запоминанию историй. Но я рассказываю только те, в которые сам верю, сэр. И меня трудно убедить. Если вы расскажите мне свои истории, я расскажу вам свои, и в результате мы оба станем богаче, хотя ни один из нас не потеряет того, с чем начал».

«Нет у меня никаких историй», сказал Армор, хотя уже успел рассказать одну историю о Пророке, и еще одну о Та-Кумсаве. «Печально слышать, если это так. Возможно, я пришел не в тот дом», — Сказитель видел, что этот дом и впрямь

неподходящее место для него. Даже если Армор смягчится и впустит его, он все равно будет постоянно окружен подозрительностью, а Сказитель не мог жить в месте, где люди все время смотрят на тебя недоверчиво. «Доброго дня вам». Но Армор не собирался позволить ему так просто уйти. Он принял слова Сказителя за вызов. «Почему же это печально? Я живу обычной тихой жизнью». «Ничья жизнь не может быть обычной», ответил Сказитель. «И если кто-нибудь говорит это мне, то это история такого рода, каких я никогда не рассказываю».

«Так ты назвал меня *лжецом*?», вызывающе спросил Армор. «Я просто спросил, не знаете ли вы такого места, где мой дар мог бы быть уважаем?»

Сказитель увидел, как, незаметно от Армора, жена скрестила пальцы правой руки в знаке умиротворяющего заклятья, а левой рукой взяла его за запястье. Это было проделано мастерски и, видимо, сразу подействовало на мужа, потому что он заметно расслабился, когда она сделала шаг вперед и ответила «Друг», сказала она. «Если ты пойдешь по тропинке за вон тем холмом и пройдешь по ней до конца, через два ручья с мостками, то попадешь к дому Алвина Миллера и

я знаю, что он примет тебя». «Ха», сказал Армор.

«Благодарю вас», сказал Сказитель. «Но откуда вы можете это знать?» «Они позволят вам оставаться столько, сколько захотите и никогда не прогонят если вы будете готовы помогать в работе». «Я всегда готов помочь, миледи», сказал Сказитель.

«Всегда готов?» сказал Армор. "Никто не может быть готов помочь всегда.

Я думал ты всегда говоришь правду."

«Я всегда говорю то, во что верю. Правда ли это, я могу судить не более чем любой другой человек.»

«Тогда почему ты зовешь меня „сэр“, хотя я не рыцарь, и зовешь ее „миледи“, хотя она такой же простой человек, как и я?» «Просто я не верю во все эти королевские рыцарские штучки, вот почему. Король называет человека рыцарем, потому что жалует ему эту честь, при этом не важно настоящий он рыцарь или нет. И все эти дамочки зовутся „леди“ за то, чем они занимаются между королевскими простынями. Так дворяне используют слова — в них нет и половины правды. Но ваша жена, сэр, поступает как настоящая леди, милосердная и гостеприимная. И вы, сэр, ведете себя как настоящий рыцарь, защищающий свои

владения от самой страшной для вас опасности».

Армор громко рассмеялся: «Ты говоришь так сладко, что я готов побиться о заклад: тебе придется сосать соль не менее получаса, чтобы избавиться от сладости во рту».

«В этом и состоит мой дар», сказал Сказитель. «Но когда наступает для этого время, я могу говорить и иначе, причем совсем не сладко. Доброго дня вам, вашей жене, вашим детям и вашему христианскому дому». Сказитель вышел на зелень пастбища. Коровы не обратили на него внимания, потому что он сделал знак защитного заклятия, постаравшись, чтобы Армор его при этом не увидел. Потом Сказитель решил немного посидеть на солнышке, чтобы дать мозгам прогреться и додуматься до чего-нибудь дельного. Но ничего не получалось. В полдень ему никогда не удавалось придумать что-нибудь достойное. Как говорится в пословице: «Думай утром, действуй в полдень, ешь вечером, спи ночью». Слишком поздно, чтобы думать. И слишком рано, чтобы есть.

Он отправился по дорожке к церкви, стоящей на верхушке изрядных размеров холма. Если б я был настоящим пророком, подумал он, я бы знал, что делать. Я знал бы, оставаться ли мне

здесь на день, на неделю или на месяц. Я знал бы, станет Армор моим другом, как я надеюсь, или врагом, чего я опасаюсь. Я знал бы, добьется ли его жена когда-нибудь права использовать свои способности в открытую. Я знал бы, доведется ли мне встретиться с этим индейским пророком лицом к лицу.

Но он понимал, что все это не имеет значения. Это был род видения, используемый ведунами — он не единожды видел, как они проделывают это, и каждый раз это наполняло его ужасом, потому что он понимал, как плохо для человека знать слишком много о своем жизненном пути. Нет, желанным даром для него было пророчество, способность видеть не маленькие дела мужчин и женщин в их закутках мира, а великое развитие событий по пути, указанному Господом. Или Сатаной — Сказитель не делал различий, так как оба они хорошо знали, что собираются делать с этим миром, и поэтому каждый из них должен был знать кое-что и о будущем. Конечно, приятнее было бы слышать голос Господа. Все дела дьявола, которых ему довелось коснуться в своей жизни, причиняли ему боль тем или иным путем.

Дверь церкви была распахнута в этот теплый осенний день и Сказитель проник внутрь вместе

с целым сонмом мух. Внутри церковь была так же красива, как и снаружи — определенно церковь шотландского обряда, это чувствовалось — но слишком светло-радостная при этом, сверкающее, воздушное место, с побеленными стенами и застекленными окнами. Даже скамьи и кафедра были из светлого дерева. Единственным темным предметом в церкви был алтарь. Поэтому он сразу бросался в глаза. И, поскольку Сказитель обладал даром видеть подобные веши, он заметил следы от прикосновения чего-то жидкого к поверхности алтаря.

Медленно он направился к алтарю. К алтарю, потому что ему было необходимо знать наверняка; и медленно, потому что вещам подобного рода было не место в христианской церкви. Еще ближе, да, он не ошибся. Те же самые отметины он видел в Де-Кэйне на лице человека, замучившего собственных детей до смерти и обвинившего в этом Краснокожих. Те же следы он приметил и на мече, обезглавившем Джорджа Вашингтона. Они были похожи на тонкую пленку мерзкой воды, невидимой до тех пор, пока не посмотришь на нее под особым углом и при особом освещении. Но Сказитель всегда мог видеть ее — его глаз тоже был особым.

Он протянул руку и осторожно дотронулся пальцем до самой заметной отметины. И ему пришлось приложить все свои силы, чтобы не отдернуть руку сразу же, так сильно она обожгла, заставив его руку содрогнуться до самого плеча.

«Добро пожаловать в дом Господа», произнес голос. Сказитель, посасывая свой сожженный палец, обернулся, чтобы увидеть говорившего. Он был одет, как священник шотландской церкви, — пресвитерианин, как говорят они здесь, в Америке. «Вам попала заноза?», спросил священник.

Было бы легче всего просто сказать, да, это заноза. Но Сказитель рассказывал только те истории, в которые верил. «Отец мой», сказал он. «Дьявол прикасался к вашему алтарю.» Угрюмая улыбка пастора тотчас же исчезла. «Как можете вы узнать отпечаток рук дьявола?»

«Это дар Божий», сказал Сказитель. «Видеть».

Священник посмотрел на него пристально, как бы раздумывая, верить ему или нет. «Тогда можете ли вы узнать место, которого касался Ангел?» «Я думаю, что смогу увидеть следы там, где действовали силы добра. Я видел такие следы прежде».

Священник замолк с таким видом, будто ему

хочется задать один очень важный вопрос, но он боится ответа. Затем он вздрогнул, явно отказавшись от желания узнать истину, и проговорил презрительно. «Чепуха. Вы можете дурачить простых людей, но я получил образование в Англии и меня невозможно ввести в заблуждение болтовней о скрытых силах». "О", сказал Сказитель. «Вы образованный человек». «Как и вы, судя по вашей речи», сказал священник. «Я полагаю, юг Англии».

«Королевская Академия Искусств», сказал Сказитель. «Я обучался гравировке. И поскольку вы принадлежите к церкви шотландского обряда, я бы осмелился предположить, что вы видели мою работу в книге для воскресных школ».

«Я никогда не замечаю подобных вашей», сказал священник. «Гравюры — это просто трата бумаги, которую следовало бы отвести словам, несущим Истину. Если, конечно, на них не изображено то, что художник видел собственными глазами, например, человеческая анатомия. Но то, что возникло в воображении художника, имеет не более ценности в моих глазах, чем то, что я вообразил себе сам».

Сказитель попытался продолжить эту мысль: «А что если художник является пророком?»

Священник полуприкрыл глаза. «Дни пророков окончены. Все, называющие себя пророками, шарлатаны, вроде этого языческого отступника — одноглазого пьяницы-Краснокожего. И я не сомневаюсь, что если бы Бог наделил даром пророчества хотя бы одного художника, мы вскоре получили бы кучу художников и маляров, желающих слыть пророками, особенно если это дает им неплохую оплату».

Хотя Сказитель и старался быть вежливым в разговоре, он не хотел уклониться от скрытого обвинения, выдвинутого священником. «Человеку, который проповедует Слово Божие, получая за это оплату, не стоит упрекать других, пытающихся заработать на жизнь, неся правду людям». «Я был рукоположен», сказал священник. «А художников никто не посвящает в сан. они посвящают себя сами».

Этого ответа Сказитель и ожидал. Священник спрятался за формальным обрядом, когда почувствовал, что без этого прикрытия его идеи не способны устоять. И раз уж разговор зашел об обрядах, то разумные доводы ничего не значили; Сказитель вернулся к более насущной теме. «Дьявол касался этого алтаря», сказал он. «И когда я прикоснулся к алтарю в том же месте, оно обо-

жгло мой палец».

«Но почему-то никогда и ничто здесь не обжигало моих пальцев».

«Я так и подумал», сказал Сказитель. «Ведь это вы были рукоположены». Сказитель не пытался скрыть насмешку в своем голосе, и это заметно разозлило священника, вздрогнувшего от гнева. Когда люди злились на Сказителя, это не беспокоило его. Ведь это значило, что к его словам прислушивались и наполовину верили. «Ну что ж, если у тебя такие зоркие глаза, скажи мне, касался ли этого Алтаря посланник Господа». Священник явно считал этот вопрос испытанием. И Сказитель понятия не имел, какой ответ с его точки зрения является правильным. И это не имело значения, в любом случае Сказитель не стал бы лгать. «Нет», сказал он. Это был неверный ответ. Священник ухмыльнулся. «Вот значит как? Ты уверен, что этого не происходило?»

Тут Сказителю пришло в голову что, возможно, священник считает, что его собственные руки, руки посвященного, оставляют след Божьей благодати. Он решил проверить свою догадку. «Большинство священников не оставляют следов благодати на предметах, которых касаются. Лишь немногие сподобились достаточной святости».

Но священник имел в виду не себя. «Теперь ты сказал достаточно. Я знаю, что ты мошенник. Убирайся из моей церкви».

«Я не мошенник», сказал Сказитель. «Я могу ошибаться, но я никогда не лгу».

«Человеку, говорящему, что он никогда не врет, я не поверю никогда». «Человеку свойственно подозревать в других собственные пороки», сказал Сказитель.

Лицо священника вспыхнуло от гнева. «Убирайся отсюда, или я вышвырну тебя».

«Я охотно уйду», сказал Сказитель. Он проворно зашагал к двери. «И надеюсь, мне больше никогда не придется войти в церковь, священника которой не волнует то, что алтаря касался Сатана».

«Меня не волнует это, потому что я не верю тебе». «Ты веришь мне», сказал Сказитель. «И еще ты веришь, что его касался Ангел. Это то, что ты считаешь истиной. Но я сказал тебе, что ангел не мог коснуться его, не оставив видимого мною следа. И другого следа, кроме оставленного дьяволом, я здесь не вижу».

«Лжец! Ты сам послан дьяволом, чтобы творить свою черную магию здесь, в доме Господа. Изыди! Вон! Я изгоняю тебя!»

«Я думал, церковники вроде тебя не верят в

изгнание бесов».

«Вон!», последнее слово священник прокричал, вены на его шее набухли. Сказитель надел свою шляпу и перешагнул через порог наружу. И услышал, как дверь была громко захлопнута за ним. Он пересек холмистое пастбище, покрытое пожухлой осенней травой и пошел по тропе, ведущей к дому, о котором говорила ему женщина. Где, как она уверяла, его с радостью примут. Сказитель не был так уж в этом уверен. Обычно он пытал счастья три раза и если на третий раз не находил гостеприимного дома, то считал лучшим продолжить свой путь. На этот раз первая попытка была неожиданно неудачной, а вторая еще хуже.

Но он чувствовал себя не в своей тарелке не только потому, что дела шли плохо. Даже если в этом последнем месте они падут ниц и примутся лобызать ему ноги, Сказитель чувствовал, что все не так уж просто в этих местах. Такой уж здесь расхристианский город, что его богатейший горожанин не позволяет скрытым силам действовать в своем доме — и при этом на церковном алтаре отпечатки лап дьявола. Еще хуже была здешняя склонность людей к лжи. Скрытые силы использовались прямо под носом Армора,

притом человеком, которому он доверял и которого любил более всего на свете; и в церкви священник также был убежден, что его алтарь посвящен не дьяволу, а Богу. Чего же еще было Сказителю ждать от этого последнего дома на холме, как ни еще большего безумия, большей лжи? Лживые люди всегда селятся около себе подобных, Сказитель прекрасно знал это из своего прошлого опыта. Женщина была права — через ручей был построен мост. Впрочем, даже это не было добрым знаком. Постройка моста через реку была важным делом, проявлением внимания к путешественникам. Но зачем, скажите же, понадобилось им строить такой большой мост через узкий ручей, когда даже такой немолодой человек как Сказитель мог перешагнуть через него, не замочив ног. Мост был крепким, начинался и заканчивался на твердой сухой земле вдали от воды и был крыт соломенным навесом. Он был куда крепче и суше, чем многие гостиницы, за ночлег в которых люди платят деньги.

Это означало, что люди, которых ему предстоит увидеть в конце этой тропинки, по меньшей мере такие же чудные, как и те, кого он уже встретил. Наверное, разумнее всего будет уйти из этих мест. Так говорило ему его благоразумие.

Но благоразумие всегда было не очень-то свойственно Сказителю. Старый Бен говорил ему много лет тому назад: «Когда-нибудь ты угодишь в дьявольскую пасть, Билл, просто для того, чтобы разузнать, почему у дьявола такие плохие зубы». Существованию этого моста должно быть какое-то объяснение и Сказитель чувствовал, что здесь его может ждать история, достойная помещения в Книгу. Идти пришлось около мили. И когда, казалось, тропинка была готова раствориться в чащобе, внезапный поворот на север открыл взгляду красивейшую ферму из всех, которые довелось увидеть Сказителю, включая даже фермы мирных давно освоенных земель Нью-Орэнджа и Пенсильвании. Большой добротный дом был отделан досками, при нем находились амбары, сараи, загоны для скота и курятники, из-за которых он выглядел похожим на целую деревню. В полумиле дальше по тропе курился печной дымок, что навело Сказителя на мысль о еще одном хозяйстве неподалеку, скорее всего принадлежащем родне хозяев ближней фермы. Наверное, это обзаведшиеся собственными семьями дети, которые обрабатывают землю вместе, потому что им так легче. Сказитель знал, что это очень хороший признак, потому что выросшим вме-

сте братьям иногда бывает нелегко сохранить достаточно хорошие отношения для того, чтобы пахать общую землю.

Сказитель всегда отправлялся прямиком в дом — лучше было сразу объявить о своем приходе хозяевам, чем красться по окрестностям и быть принятым за вора. Но на этот раз, когда он хотел подойти к дому, его охватила странная растерянность — он почувствовал себя совершенно неспособным сообразить, что именно ему нужно сделать. Это было такое сильное заклятие, что он очнулся только пройдя уже добрых полпути вниз с холма по направлению к каменному зданию у ручья. Испуганный, он внезапно остановился. раньше он полагал, что ни одно заклятье не способно отвести его с пути так, чтобы он этого не заметил. Значит, это место было не менее странным, чем два предыдущих, и он не хотел иметь с ним ничего общего.

Но когда он попытался свернуть в обратную сторону, с ним опять произошло то же самое. Он обнаружил, что вновь направляется с холма в сторону каменного строения.

Сказитель опять остановился и пробормотал: «Кем бы ты ни был и чего бы ты ни хотел, я либо пойду по собственной воле, либо не пойду

совсем». И вновь он ощутил что-то вроде ветра, подталкивающего его в спину по направлению к домику. Но он знал, что если захочет, то сможет повернуть назад. Да, идти придется против «ветра», но ему удастся это. Это несколько успокоило его. Какое бы давление ни оказывалось на него, его никто не пытался поработить. Что было, как он знал, первым признаком доброго заклятия, а не попытки навязать ему тяжелые обезволивающие оковы. Дорожка сворачивала чуть влево, вдоль ручья, и теперь ему было видно, что это строение — мельница, потому что оно было окружено мельничной канавкой, над которой высился каркас мельничного колеса. Но воды в канавке не было, и когда он подошел достаточно близко, чтобы заглянуть в широкую дверь, то понял почему. Она не была просто закрыта на зиму, как он подумал в первый момент. Эта мельница никогда еще не работала. Механизм был на месте, но не хватало большого круглого камня — мельничного жернова. На его месте была лишь пустая площадка, вымощенная булыжником и выровненная, в общем, полностью готовая к установке жернова.

И стоявшая пустой уже долгое время. Этой конструкции было не менее пяти лет, судя по тому,

что здание все поросло мхом и виноградными лозами. Построить эту мельницу стоило больших трудов, но использовалась она как обыкновенный сарай для сена.

Сразу за большой дверью стоял полугруженый сеном фургон, который раскачивался взад-вперед из-за того, что два мальчика пытались столкнуть друг друга с его крыши. Это была дружеская толкотня: похоже, что мальчики были братьями, одному было около двенадцати лет, а другому что-то около девяти, и единственной причиной того, что младший не был сброшен с фургона и вышвырнут за дверь состояла в том, что старший не мог удержаться от смеха. Конечно, Сказителя они не замечали.

И еще они не замечали мужчину, стоящего у чердачной лестницы с вилами в руке и смотрящего на них сверху. Сначала Сказитель решил, что он, полный отцовской гордости, любуется ими. Но, подойдя достаточно близко он увидел то, как он держит вилы. Как копье, готовое для броска. На какое-то мгновение Сказитель увидел своим внутренним взором, как все это произойдет — брошенные вилы втыкаются в тело одного из мальчиков и убивают его, если и не мгновенно, то достаточно быстро из-за гангрены или

внутреннего кровоизлияния. Сказитель увидел убийство.

«Нет!» Закричал он. Рванулся вперед, в дверной проем, и остановился у фургона, глядя на стоящего наверху мужчину.

Мужчина воткнул вилы в ближайший стог и свалил копну сена на фургон, полузасыпав мальчиков. «Я привел вас сюда для того, чтобы вы работали, медвежата, а не затем, чтобы вы завязались узлом.» Он улыбался, поддразнивая детей. И подмигнул Сказителю, как будто еще минуту назад глаза его не были полны смерти.

«Как дела, молодой человек?» спросил он.

«Не такой уж молодой», отозвался Сказитель. Он снял шляпу, обнажая выдающую возраст лысину.

Мальчики выбрались из сена. «На кого вы кричали, мистер?» спросил младший.

«Я боялся, что кто-нибудь может пораниться», сказал Сказитель. «А, ерунда, мы всегда так боремся», сказал старший. «Положи ее здесь, друг. Меня зовут Алвин, как и Папу.» Улыбка мальчика была заразительной. Как бы не был напуган Сказитель всей сегодняшней чертовщиной, у него не было другого выбора, кроме как улыбнуться в ответ и пожать протянутую руку. Рукопожатие

Алвина-младшего по силе не уступало руке взрослого. Сказитель отметил это для себя.

«Э, да он подал вам свою рыбью руку. Когда он здоровается с кем-нибудь, то начинает так трясти рукой, будто хочет оторвать себе лишнюю ладонь», младший также пожал ему руку. «Мне семь лет, а Алвину-младшему десять.» Оба выглядели старше. Они издавали тот неприятный запах, которым пахнут дети, разгоряченные долгой игрой. Но Сказителю это не причинило неудобства. Беспокоили его не дети, а их отец. Почудилось ли ему, что этот человек собирался убить своих детей или нет? Кто бы мог задумать убийство таких милых прекрасных детей как эти?

Отец оставил свои вилы на чердаке, спустился по лестнице вниз и подошел к Сказителю, расставив руки, как будто хотел обнять его. «Добро пожаловать, странник», сказал он. "Я — Алвин Миллер, а это мои младшие сыновья:

Алвин-младший и Калвин."

«Калли», поправил младший.

«Ему не нравится, как рифмуются наши имена», объяснил Алвин-младший. «Алвин и Калвин. Видите, они назвали его почти как меня, надеясь что из него вырастет такой же прекрасный образец мужчины, как я. Жаль, что ничего не

получилось.»

Калвин толкнул его с шутливой яростью. «Я бы сказал так: он был первой попыткой, и когда получился я, у них наконец все вышло как надо!» «Обычно мы зовем их Ал и Калли», сказал отец.

«Обычно ты зовешь нас Заткнись и Пошелвон!» сказал Калли. Ал-младший отвесил ему тумак и он растянулся в пыли. В это время отец дал ему самому хорошего пинка и он тоже полетел вперед головой из двери. Сплошное веселье. И никто не пострадал. Как могло ему придти в голову, что здесь замышляется убийство?

«Вы пришли с посланием? С письмом?» спросил Алвин Миллер. Теперь, когда мальчики были снаружи, крича друг на друга через весь луг, взрослые могли переговорить.

«Простите», сказал Сказитель. «Я просто путешественник. Молодая леди в городе сказала, что здесь я могу найти ночлег. В обмен на любую работу, которая найдется у вас для моих рук.»

Алвин Миллер усмехнулся. «Сначала я хотел бы посмотреть, много ли работы способны проделать эти руки.» Он протянул руку, но вовсе не для того, чтобы пожать ее. Алвин сжал запястье Сказителя и выставил свою правую ногу против правой ноги Сказителя. «Ну, как, сможешь сбить

меня с ног?» спросил Алвин Миллер.

«Сначала я хотел бы узнать, пока мы не начали», сказал Сказитель. «В каком случае я получу ужин посытнее — если собью тебя с ног или не собью?» Алвин Миллер задрал голову и завопил как настоящий Краснокожий: «Как тебя зовут, странник?»

«Сказитель».

«Ну что ж, мистер Сказитель, я надеюсь, вам понравится вкус грязи, потому что именно ее вам придется отведать до того, как вы получите что-нибудь еще!»

Сказитель почувствовал, как его нажим стал сильнее. У него тоже были сильные руки, но до силы противника ему было далеко. И все же эта борьба требовала не только силы. Важна была и увертливость, а Сказитель обладал этим качеством. Он немного поддался давлению Алвина Миллера задолго до того, как тот начал давить в полную силу. Затем внезапно рванулся изо всех сил в том же направлении, куда толкал его Миллер. Обычно этого бывало достаточно, чтобы свалить более крупного соперника, используя против него его собственный вес — но Алвин Миллер был наготове, потянул его в другом направлении и отбросил так далеко, что Сказитель

приземлился прямо среди камней, образующих фундамент для отсутствующего жернова. В всем этом не было злобы, а лишь любовь к состязанию. Не успел Сказитель упасть, как Миллер уже помогал ему подняться, спрашивая, не сломал ли он что-нибудь себе.

«Я очень рад, что твой жернов еще не установлен на место», сказал Сказитель. «Не то тебе пришлось бы засовывать мозги обратно в мою голову.» «Что? Ты в стране Уоббиш, приятель! Здесь нет никакой надобности в мозгах.»

«Ну что ж, ты победил меня», сказал Сказитель. «Значит ли это, что мне не будет позволено заработать на ночлег и еду?» «Заработать? Нет уж. Этого я как раз и не позволю», но улыбка на его лице противоречила грубости слов. «Нет, нет, ты можешь поработать, если захочешь, потому что мужчина любит чувствовать, что он делает в этом мире что-то полезное. Но истинная правда, я позволил бы тебе остаться, даже если б у тебя были переломаны ноги и ты был бы беспомощен как младенец. У нас найдется для тебя постель, прямо за кухней и я готов поставить быка против ягодки черники, что ребята уже сказали Фэйт выставить на стол еще одну тарелку к ужину.»

«Очень любезно с вашей стороны, сэр.»

«Не о чем говорить», сказал Алвин Миллер. «Ты уверен, что у тебя ничего не сломано? Ты ударился об эти камни ужасно сильно.» «Тогда я думаю, вам стоит проверить, не раскололись ли камни.»

Алвин опять рассмеялся, хлопнул его по спине и провел в дом. Вот таким был этот дом. Даже в аду вряд ли звучало больше криков и воплей. Миллер попытался представить ему всех детей. Четыре старшие дочери были, похоже, заняты одновременно на полудюжине работ и постоянно переговаривались между собой на пределе громкости своих голосов. И когда в своих хлопотах они переходили из комнаты в комнату, то это было сразу слышно по крикам, раздававшихся то там, то сям. Плачущий ребенок был внуком, также как и пять карапузов, играющих в Круглоголовых и Роялистов на и под обеденным столом. Мать, Фэйт, хлопотавшая на кухне, казалось, не обращала никакого внимания на всю эту кутерьму. Время от времени она останавливалась, чтобы отвесить подзатыльник кому-нибудь из детей, но при этом останавливать работу она не позволяла — сразу же раздавался бесконечный поток приказов, понуканий, угроз и ругани. «Как вам удается сохранить рассудок в этом бедламе?» спросил ее Сказитель.

«Рассудок? Вы думаете, что человек в здравом рассудке согласится терпеть такое?»

Миллер провел его в комнату. Вот значит чем было то, что он назвал «твоя комната до тех пор, пока ты захочешь оставаться у нас». Тут были большая кровать и пуховая подушка, а также одеяла, и половина стены являлась задней частью печки, это значило, что тепло тут будет всегда. За все время странствий Сказителю не предлагали подобной постели. «Скажи мне честно, твое имя случайно не Прокруст?»

Миллер не понял смысла сказанного, но это было не важно, он видел выражение лица Сказителя. Без сомнения ему доводилось уже видеть такие лица прежде.

«Мы помешаем наших гостей не в худшие комнаты, Сказитель, а в лучшие. И незачем больше об этом говорить.»

«Ты должен обязательно позволить мне завтра поработать для тебя». «О, если у тебя умелые руки, то здесь найдется много работы для них. И если ты не стыдишься женской работы, то сможешь разок-другой помочь и моей жене. Посмотрим, что из всего этого выйдет.» Сказав это, Миллер вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

Шум в доме был лишь частично приглушен за-

крытой дверью, но для Сказителя он был музыкой и он не имел против него ничего. Был еще только полдень. Он сбросил котомку, с трудом освободился от башмаков и растянулся на матрасе. Матрас хрустел соломой, но на него была положена пуховая перина, так что в результате постель была мягкой и глубокой. И солома была свежая, а развешанные у печи сушеные травы распространяли аромат розмарина и чабреца. Лежал ли я когда-нибудь на такой кровати в Филадельфии? Или раньше, в Англии? Вряд ли, с тех самых пор, как я покинул утробу матери, подумал он. Никто в этом доме не скрывал использования тайных сил: амулет был на видном месте, нарисован над дверью. И он распознал его назначение. Это не был знак умиротворения, предназначенный изгонять зло из души спящего здесь человека. Это было не предупреждение, не зашита. Ни в коей мере он не ограждал дом от гостя и не отводил гостя от дома. Он служил лишь для уюта, очень простой и сделанный лишь с этой одной целью. Он был превосходно, тщательно выведен, точно в правильных пропорциях. Правильный амулет не так уж просто нарисовать, особенно трехцветный. Сказитель не мог припомнить, чтобы ему доводилось видеть столь совершенный амулет. И

ничего удивительного не было в том, что лежа на кровати он чувствовал как его мускулы расслабляются, как если бы эта кровать и эта комната снимали с него груз двадцати пяти лет странствий. Ему пришло в голову, что он был бы не прочь иметь такую удобную могилу, когда умрет. Когда Алвин-младший разбудил его, весь дом благоухал шалфеем, перцем и вареным мясом. «У тебя как раз хватит времени сходить в уборную, помыться и поспеть к еде», сказал мальчик.

«Я должно быть заснул», сказал Сказитель.

«Для этого я и сделал этот амулет», сказал мальчик. «Хорошая работа, правда?» он вышел из комнаты.

Почти сразу вслед за этим Сказитель услышал, как одна из девочек выдала впечатляющую серию угроз в адрес мальчика. Скандал разгорелся в полную силу, пока Сказитель выходил из дома в уборную и когда он вернулся крики все еще продолжались — хотя, подумал Сказитель, возможно теперь кричала другая сестра. «Клянусь, Ал-младший, ночью, пока ты спишь, я пришью скунсову шкурку к твоим подошвам!» Ответ Ала не был слышен с этого расстояния, но вызвал очередную серию криков. Сказитель прежде уже слышал такие крики. Иногда в них звучала лю-

бовь, иногда ненависть. Если это была ненависть, он убирался прочь так быстро как только мог. В этом доме причин уходить не было. Когда он вымыл руки и лицо, то стал достаточно чистым для того, чтобы Добрая Фэйт позволила ему отнести нарезанный хлеб к столу — « если только вы не станете прижимать его к этой вашей вонючей рубашке». Затем Сказитель занял место в очереди с миской в руке, когда все семейство собралось в кухне и вышел из нее с громадной порцией еды.

Как ни странно, но вовсе не Миллер, а Фэйт приказала одной из дочерей прочитать молитву, и Сказитель заметил, что Миллер при этом лишь закрыл глаза, хотя все дети склонили головы и сложили руки. Это выглядело так, будто молитва была тем, что он терпел, но в чем не принимал никакого участия. И Сказителю не нужно было спрашивать, чтобы догадаться, что Миллер и пастор из белой церкви снизу не очень ладили. Сказителю даже подумалось, что Миллеру могла бы прийтись по вкусу поговорка из его Книги: «Как гусеница выбирает для кладки яиц лучшие листья, так и священник проклинает чистейшие радости».

К удивлению Сказителя, за трапезой не было места беспорядку. Каждый из детей по очереди

рассказывал, чем он сегодня занимался, а остальные вслушивались, иногда прерывая рассказ советом или похвалой. В конце обеда, когда все мясо было съедено и Сказитель вытер последние остатки со своей миски куском хлеба, Миллер так же, как и к остальным, повернулся к нему. «И твой день, Сказитель. Был ли он удачен для тебя?» «Я прошел до полудня несколько миль и влез на дерево», сказал Сказитель. «Оттуда я увидел шпиль церкви, и это привело меня в ваш город. В нем один ревностный христианин испугался скрытых сил, которыми я владею, хотя в действии их не видел, потом то же произошло и с пастором, хотя он сказал, что вообще в скрытые силы не верит. Я продолжал поиски места, где я смог бы своей работой отплатить за еду и ночлег, и женщина сказала, что мне помогут люди, которых я найду там, где заканчивается колея от фургонов». «Это, должно быть, наша дочь Элеонор», сказала Фэйт. «Да», сказал Сказитель. «И теперь я вижу, что у нее глаза матери, которые, что бы ни происходило, всегда спокойны.» «Нет, друг», сказала Фэйт. «Просто эти глаза видали такие веши, что теперь их нелегко взволновать».

«Я надеюсь до того, как покину вас, услышать рассказ об этих временах».

Фэйт отвернулась, кладя на кусок хлеба в руке внука ломоть сыра. Сказитель, не желая показывать, что своим уклонением от ответа она привела его в замешательство, продолжал невозмутимо пересказывать события дня. «Эта фургонная колея была очень необычной», сказал он. «она пересекала ручьи, через которые были построены мосты, хотя их мог бы перепрыгнуть и ребенок, а взрослый просто перешагнуть. Перед тем, как уйти, я бы хотел услышать рассказ и об этом».

И опять все за столом избегали его взгляда.

«И когда я вышел из леса, я нашел мельницу без жернова, двух мальчиков, борющихся на фургоне, мельника, угостившего меня сильнейшим в моей жизни броском и целую семью, состоящую из людей, позволивших мне стать их гостем и поселивших меня в лучшей в доме комнате, хотя для них я всего лишь незнакомец, про которого они точно не знают, добрый это человек или злой». «Конечно, ты добрый», сказал Алвин-младший.

«Вы не против, если я спрошу? Мне посчастливилось встретить многих гостеприимных людей и я останавливался во многих добрых домах, но ни один из них не был таким счастливым, как ваш, и никто не был так рад видеть меня». За

столом было тихо. В конце концов Фэйт подняла голову и улыбнулась ему. «Я рада, что мы кажемся вам такими счастливыми», сказала она. «Но все мы также помним и другие времена, и, возможно, наше нынешнее счастье полнее из-за памяти о печальном».

«Но почему вы приняли такого человека, как я?» Ответил сам Миллер. «Потому что было время, когда странниками были мы, и добрые люди впустили нас в свой дом».

«Я жил некоторое время в Филадельфии и это побуждает меня спросить, не принадлежите ли вы к Обществу Друзей?»

Фэйт покачала головой. «Я пресвитерианка. Также, как и многие из детей».

Сказитель посмотрел на Миллера.

«Я никто», сказал он.

«Христианин — это не никто», сказал Сказитель.

«Я не христианин».

"А", сказал Сказитель. «Значит, деист, как Том Джефферсон».

Дети стали перешептываться при упоминании имени великого человека. «Сказитель, я — отец, любящий своих детей, муж, любящий свою жену, фермер, платящий свои долги и мельник с мель-

ницей без жернова». Затем он встал из-за стола и вышел вон. Они услышали, как закрылась дверь. Он вышел наружу.

Сказитель повернулся к Фэйт. «Ох, миледи, я боюсь, вы уже сожалеете о моем появлении в вашем доме».

«Вы задаете очень много вопросов», сказала она.

«Я назвал вам свое имя, а в моем имени сказано о том, чем я занимаюсь. Если я чувствую, что пахнет какой-нибудь историей, и если эта история важна и правдива, то я хочу ее знать. И если мне рассказывают ее и я в нее верю, тогда я запоминаю ее навсегда и рассказываю ее везде, куда бы меня не занесло».

«Так вы и зарабатываете себе на жизнь?», спросила одна из девочек. «Я зарабатываю на жизнь, помогая тащить фургоны, копать канавы, прясть пряжу или делать еще что-нибудь необходимое. Но дело моей жизни — собирание историй, и я разыскиваю их одну за одной. Вы сейчас считаете, что мне не стоит рассказывать ни о чем, и это меня вполне устраивает, потому что я никогда н пользуюсь историями, которые были бы рассказаны не по доброй воле. Я не вор. Но, смотрите, я уже получил одну историю — историю о том,

что произошло со мной сегодня. О добрейших людях и мягчайшей кровати, которые только существуют между Миссипи и Алефом».

«Алеф — это где? Это река?», спросил Калли.

«Так что, вы хотите услышать историю?», спросил Сказитель.

Да, загомонили дети.

«Но только не о реке Алеф», сказал Алвин-младший. «Такого места нету». Сказитель посмотрел на него с неподдельным изумлением. «Откуда тебе об этом известно? Ты что, читал собрание колдриджских стихов лорда Байрона?» Алвин-младший оглянулся в замешательстве.

«У нас тут с книгами не густо», сказала Фэйт. «Священник дает им уроки по Библии, чтобы они могли научиться читать». «Тогда откуда ты знаешь, что река Алеф вымышлена?» Алвин-младший скривил гримасу, как бы говоря, не задавай мне вопросов, на которые я сам не знаю ответа. «Я хотел бы услышать историю про Джефферсона. Ты называл его имя и говорил, что встречал его».

«О да, встречал. И Тома Пэйна, и Патрика Генри до того, как его повесили, и еще я видел меч, которым была отрублена голова Джорджа Вашингтона. Я даже видел короля Роберта Второго

до того, как французы потопили его корабль и отправили его на дно морское». «Где он до сих пор и остается», прошептала Фэйт.

«Если не глубже», сказала одна из старших девочек. «И поделом, скажу я. В Аппалачах говорят, что на руках короля столько крови, что его кости стали коричневыми, и даже самые неразборчивые рыбы брезгуют ими».

Дети рассмеялись.

«И даже больше чем о Томе Джефферсоне», сказал Алвин-младший. «Я хотел бы услышать рассказ о величайшем американском волшебнике. Бьюсь о заклад, ты знал Бена Франклина».

В очередной раз мальчик удивил его. Как он только догадался, что из всех историй именно эту, про Бена Франклина, он любил рассказывать больше всего? «Знал его? О, только чуть-чуть», сказал Сказитель, зная, что говорит это тоном, обещающим им все истории, которые они только могут себе вообразить. «Я жил бок о бок с ним всего лишь с полдюжины лет, и каждой ночью восемь часов он проводил в моем обществе, — так что я не сказал бы, что знаю о нем много».

Ал-младший склонился над столом и смотрел на Сказителя немигающими блестящими глазами. «Он действительно был колдуном?» «Я

расскажу вам все эти истории, каждую в свое время», сказал Сказитель. «До тех пор, пока ваши родители будут рады видеть меня здесь и пока я могу быть тут чем-нибудь полезен, я останусь и буду рассказывать вам истории днем и ночью».

«Начни с Бена Франклина», настаивал Ал-младший. "Он действительно мог вызвать молнию с небес?

Глава 10
ВИДЕНИЯ

Алвин-младший проснулся весь в поту от приснившегося ему кошмара. Этот кошмар выглядел для него столь реальным, что он тяжело дышал и задыхался, как будто перед этим долго-долго бежал. Но он знал, что причина в другом. И лежал с закрытыми глазами, боясь, что когда он их откроет, кошмар окажется тут как тут. Давно, когда он был еще маленьким и к нему приходил этот кошмар, он начинал кричать. Но когда он пытался рассказать об этом Па или Маме, они всегда говорили ему одно и то же. «Слушай, сынок, это просто ерунда. Не хочешь же ты сказать, что так боишься ерунды?». Поэтому он научился терпеть и никогда не кричал, когда кошмар приходил. Он открыл глаза и кошмар ускользнул в угол комнаты, который был ему не виден. Что, в бошем-то, было не так уж плохо. Там и сиди, а ко мне не лезь, прошептал он беззвучно.

Тут он понял, что уже рассвело и Мама, наверное, уже подготовила широкие черные штаны, куртку и чистую рубашку. Его воскресную вы-

ходную одежду. И тогда он почти подумал, что лучше бы ему вернуться назад к своему кошмару чем проснуться и увидеть все это.

Воскресные утра Алвин-младший ненавидел. Он терпеть не мог быть одетым так, что нельзя было ни сесть на землю, ни встать на колени в траве, ни хотя бы наклониться без того, чтобы нарушить какие-нибудь приличия и получить замечание от Мамы о том, что нужно уважать День Господень. И было ужасно противно весь день толкаться без толку вокруг дома, потому что в воскресенье нельзя играть или шуметь. А хуже всего было сидеть на жесткой скамье и выпрямив спину перед глядящим на него во все глаза Преподобным Троуэром, проповедующем о Геене огненной, ожидающей тех, кто презирает истинную веру и отдает дань ничтожному разумению человеческому. Каждое воскресенье выглядело одинаково.

И не то чтобы Алвин и впрямь презирал религию. Просто он не любил Преподобного Троуэра. Из-за всех этих бесконечных часов, которые он теперь, когда урожай был собран, был вынужден проводить в школе. Алвин-младший хорошо умел читать и почти всегда правильно решал арифметические задачи. Но старому Троуэру

этого было недостаточно. Он хотел обучать еще и религии. Другие дети из шведских и голландских семей с верховий реки или шотландцы и англичане с низовий получали взбучку только тогда, когда болтали на уроках или отвечали неверно три раза подряд. Но Троуэр опускал свою трость на Алвина при всяком удобном случае и всегда не на уроках чтения, а из-за религии.

Конечно, делу мало помогало то, что Библия смешила Алвина в самые неподходящие моменты. Так ему и сказал Мишур, разыскавший его в доме Дэвида, где он прятался до ужина. «Если ты не будешь смеяться хотя бы тогда, когда он читает вам Библию, то тебе будет доставаться гораздо меньше». Но ведь это действительно смешно. Когда Ионафан выпустил все эти стрелы в небо и они пролетели мимо. Когда Иеробоам не смог выпустить достаточно стрел из своего окна. Когда Фараон придумывал всякие хитрости, чтобы не дать евреям уйти из Египта. Когда Самсон оказался таким дураком, что открыл свой секрет Далиле после того, как она уже два раза его предала. «Как же мне удержаться тут от смеха?».

«А ты вспоминай о волдырях, которые появятся у тебя на заднице», сказал Мишур. «Это отобьет у тебя охоту смеяться».

«Но я спохватываюсь, когда я уже рассмеялся». «Ну, тогда может так статься что пока тебе не исполниться пятнадцать стул тебе будет ни к чему», сказал Мишур. «Потому что Мама не позволит тебе уйти из школы и Троуэр никогда не отвяжется от тебя, а прятаться в доме Дэвида все время ты не сможешь».

«Почему бы нет?»

«Потому что если ты прячешься от врага, это значит, что он тебя победил».

Так что Мишур не стал покрывать его, а значит он должен был возвращаться назад и получить взбучку еще и от Папы за то, что перепугал всех своим исчезновением так надолго. И все же Мишур помог ему. Потому что было большим облегчением знать, что кто-то еще согласен с тем, что Троуэр его враг. Все остальные так распинались о том, какой Троуэр прекрасный, благочестивый, образованный и как он добр, что снизошел с высот своей мудрости учить детей, что Алвина от всех этих разговоров просто тошнило. И хотя Алвин пытался теперь держать себя в школе в руках и доставаться ему стало поменьше, все же каждое воскресенье ему приходилось выдерживать тяжелейшую борьбу с самим собой, потому что, сидя на жесткой скамье и слушая

Троуэра, ему половину урока хотелось хохотать до тех пор, пока он не повалится на пол, а вторую половину встать и крикнуть: «Это самая большая глупость, которую мне пришлось услышать от взрослого человека!» Ему даже казалось, что, скажи он эти слова Троуэру, Папа выдрал бы его не очень сильно, потому что Папа никогда не был высокого мнения об этом проповеднике. Но Мама — она никогда не простила бы ему кощунства в храме Божием. Воскресное утро, решил он, было, наверное, создано для того, чтобы дать грешникам представление о первом дне адских мук. Может быть, Мама сегодня не разрешит Сказителю рассказать какую-нибудь историю, если это будет история не из Библии. И так как рассказывать библейские истории было непохоже на Сказителя, Алвин понимал, что ничего хорошего ему сегодня услышать не удастся.

Снизу до него донесся Мамин голос: «Алвин-младший, я так устала от того, что в воскресное утро тебе нужно на одевание три часа, что почти готова вести тебя в церковь голым!»

«Я не голый!» закричал вниз Алвин. Но на нем была лишь его пижама, а это было еще хуже, чем быть голым. Он стянул фланелевую пижаму, повесил ее на вешалку, и начал как можно быст-

рее одеваться. Вот ведь забавно. В любой другой день стоило ему не задумываясь протянуть руку к своей одежде, как в руке тотчас оказывалась та самая вещь, которая была нужна. Рубашка, штаны, чулки, ботинки. Прямо в протянутой руке. Но в воскресное утро веши убегали из его рук. Он шел за рубашкой и возвращался со штанами. Он тянулся за чулком, а получал раз за разом ботинок. Как будто веши тоже не хотели быть одетыми на него не менее, чем сам он не желал видеть их на себе.

Так что Ал был ничуть не виновен в том, что когда Мама распахнула дверь его комнаты, он не успел еще надеть даже штанов. «Ты опоздал на завтрак! Ты все еще полуголый! И если ты считаешь, что я позволю допустить, чтобы из-за тебя вся семья опоздала в церковь, то тебе…»

«Лучше поразмыслить над этим еще», сказал Алвин. Он не был виноват, что она всегда говорила одно и то же. Но Мама просто вышла из себя, как будто он сказал, что ему это одно и то же надоело слышать в девяностый раз за последний год. О, она уже была вполне готова устроить ему порядочную порку или попросить сделать это Папу, что было гораздо хуже, когда на помощь к нему неожиданно пришел Сказитель. «Добрая Фэйт»,

сказал он. «Если вы хотели бы выйти пораньше, то я буду рад помочь ему добраться до церкви».

Когда Сказитель заговорил, Мама повернулась к нему и попыталась скрыть свой гнев. Алвин тотчас же принялся за знак умиротворения своей правой рукой, которую Мама не могла видеть — потому что если бы она увидела, что он пытается применить против нее заклятие, то сломала бы эту руку, в этом уж Алвин не сомневался. Лучше всего умиротворение срабатывало при прикосновении, но поскольку она изо всех сил пыталась выглядеть спокойной перед лицом Сказителя, то на этот раз оно подействовало и на расстоянии. «Мне бы не хотелось доставлять вам столько забот». «Не беспокойтесь, добрая Фэйт», сказал Сказитель. «Я и так слишком малым могу отплатить вам за вашу доброту».

«Слишком малым!», раздражение почти покинуло Мамин голос. «Мой муж говорит, что вы выполняете работу двух взрослых работников. И когда вы рассказываете младшим свои истории, в этом доме больше мира и тишины, чем когда бы то ни было после… — чем обычно». Она повернулась к Алвину, но теперь ее гнев был более показным, чем настоящим. «Я надеюсь, ты будешь слушаться Сказителя и появишься в церкви

без опоздания?». «Да, Мама», сказал Алвин-младший. «Так быстро, как только смогу». «Ну что ж, хорошо. Большое вам спасибо, Сказитель. Если вам удастся заставить этого парня быть послушным, это будет достижение, которого не смог еще добиться никто с тех пор, как он начал говорить». «Он самый настоящий негодяй», сказала Мэри, стоя в дверях прихожей. «Закрой свой рот, Мэри», сказала Мама. «или я натяну твою нижнюю губу на нос и прибью ее там, чтобы он оставался закрытым». Алвин вздохнул с облегчением. Когда Мама принималась за невыполнимые угрозы, это означало, что она уже не сердится. Мэри задрала нос и выбежала из прихожей, но Алвина это мало волновало. Он просто улыбнулся Сказителю, получив от него в ответ такую же улыбку.

«Что, трудновато тебе дается одеться для церкви, парень?» «Я бы предпочел надеть овечью шкуру и пройтись по берлоге голодных медведей», сказал Алвин-младший.

«Обычно люди лучше переносят посещение церкви, чем стычку с медведями».

«Может и лучше, но, по-моему, ненамного».

Вскоре он закончил одеваться. И договорился со Сказителем о том, что они пойдут коротким путем через холм вместо того, чтобы обходить

его по дороге. На улице было холодно, дожди уже давно не шли, а снега еще не было, поэтому земля была сухой и чистой, и значит Мама скорее всего ни о чем не догадается. А это было единственное, что волновало его. «Я заметил», сказал Сказитель, когда они карабкались по засыпанному листьями склону холма. «что твой отец не пошел с матерью, Калли и девочками».

«Папа не ходит в эту церковь», сказал Алвин. «Он говорит, что преподобный Троуэр — болван. Конечно, когда Мама этого не слышит». «Еще бы», сказал Сказитель.

Они стояли на вершине холма и смотрели на церковь стоящую за пустынными лугами. Церковь закрывала собой вид на Вигор-таун. Мороз лишь едва тронул бурую осеннюю траву и церковь казалась самой белой из всех существующих в мире вашей белого цвета и сверкала на солнце так, что сама казалась вторым солнцем. Даже отсюда Алвину было видно, как к церкви съезжалось множество фургонов и лошади привязывались к изгороди на лугу. Если они сейчас поспешат, то окажутся на месте еще до того, как Троуэр начнет петь первый псалом.

Но Сказитель не спешил спускаться вниз. Он уселся на бревно и начал читать стих. Алвин

внимательно слушал, потому что в своих стихах Сказитель часто говорил важные веши.

Я однажды пришел в Сад Любви Я глядел и не верил глазам:

На лугу, где играл столько раз, Посредине поставили Храм.

Были двери его на замке Прочитал я над ними: «Не смей!»

И тогда заглянул в Сад Любви Посмотреть на цветы юных дней.

Но увидел могилы кругом И надгробия вместо цветов И священники с пеньем моим наслажденьям Из вервий терновых крепили оковы О, у Сказителя был настоящий дар, потому что во время его чтения весь мир изменился перед глазами Алвина. Буйство десятков тысяч оттенков желтого и зеленого, в которые были окрашены луга и леса, напомнило ему о весне, и белизна церкви перестала казаться сияющей, а стала тусклой, известковой белизной старых костей. «Моим наслажденьям из вервий терновых крепили оковы», повторил Алвин. «Похоже, в религии ты находишь не так уж много проку».

«Да я просто дышу религией с каждым моим вздохом», сказал Сказитель. «Я жажду видений и повсюду ищу следы Руки Господней. Но в нашем

мире я чаще вижу следы иного. Следы блестящей слизи, которая при прикосновении обжигает. Бог редко вмешивается в наши дела сегодня, Алвин-младший, но Сатана не гнушается грязью дел человеческих».

«Троуэр говорит, что его церковь — это дом Бога». Сказитель безучастно сидел, не говоря ничего. В конце концов Алвин прямо спросил его: «Ты видел следы дьявола в церкви?». За все проведенное с ними Сказителем время Алвин мог убедиться, что он никогда не лгал. Но когда Сказитель не хотел давать правдивого ответа, он читал стих. Так было и на этот раз.

О Роза, ты чахнешь! Окутанный тьмой Червь,
реющий в бездне, Где буря и вой, Пунцовое лоно
Твое разоряет И черной любовью, Незримый,
терзает.

Алвин был недоволен таким уклончивым ответом. «Если бы я захотел услышать что-нибудь непонятное, то почитал бы Исаию». «Для моих ушей это настоящая музыка, парень, услышать, что меня сравнивают с величайшим из пророков».

«Не такой уж он пророк, если никто не понимает, что он понаписал».

«Быть может он хотел, чтобы все мы стали

пророками». «Немного проку от этих пророков», сказал Алвин. «Насколько я знаю, все они помирали так же как и любой из обычных людей». Он слышал, как отец однажды говорил об этом.

«Все рано или поздно умирают», сказал Сказитель. «Но некоторые из умерших продолжают жить в своих словах».

«Слова никогда не остаются неизменными», сказал Алвин. «Если я сделаю какую-нибудь вещь, то эта вещь у меня останется. Вот например, если я сделаю корзину. Тогда корзина есть. Когда она изнашивается, то становится старой корзиной. Но когда я произношу слова, они могут быть кем-нибудь перевраны. Тот же Троуэр может взять слова, которые говорю я, и заставить их значить совершенно противоположное».

«Подумай об этом слегка по другому, Алвин. Когда ты делаешь корзину, она никогда не станет чем-то большим, чем корзина. Но когда ты говоришь слова, они могут повторяться снова и снова и волновать человеческие сердца за многие тысячи миль от того места где ты произнес их. Слова могут распространяться, а веши — не более чем веши». Алвин попытался представить себе все это, и пока Сказитель говорил, у него в голове возникла удивительная картина. Невидимые

как воздух слова вылетали изо рта Сказителя и расползались от человека к человеку. Они становились раз от раза все больше, но оставались по-прежнему невидимыми. Затем внезапно видение переменилось. Он увидел, как похожие на дрожащий воздух слова выпархивают изо рта священника, проникают во все, что их окружает, и внезапно становятся его кошмаром, страшным сном, приходящим к нему ночью и днем и вбивающим его сердце в позвоночник до тех пор, пока он сам не начинает желать смерти. Весь мир заполнялся невидимым дрожащим ничто, всюду проникающим и все разрушающим. Алвин мог видеть, как оно, огромное как шар, катится к нему, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. Из своих прежних кошмаров он знал, что даже если он сожмет кулаки, оно все равно истончившись просочится сквозь его пальцы, и даже если он закроет рот и глаза, оно будет давить на его лицо и сочиться в нос и уши и… Сказитель тряс его. Тряс сильно. Алвин открыл глаза. Дрожащий воздух ускользнул за пределы видимого. Алвин всегда чувствовал, что оно находится там, едва-едва скрывшись за пределами зрения, чуткое как ласка, готовое ускользнуть, стоит ему повернуть голову.

«Что с тобой случилось, парень?», спрашивал Сказитель.

«Ничего», сказал Алвин.

«Не говори ерунды», сказал Сказитель. «Я видел, как внезапно страх охватил тебя, будто тебе явилось какое-то кошмарное видение». «Это было не видение», сказал Алвин. «Однажды у меня было видение и я знаю, что это такое».

«Да?», спросил Сказитель. «И что же это было за видение?» «Сияющий Человек», сказал Алвин. «Я никому о нем не рассказывал и мне не хотелось бы говорить об этом сейчас».

Сказитель не настаивал. «Ну хорошо, если то, что ты видел сейчас, не видение, тогда что это такое?».

«Да ничего». Это был правдивый ответ и в то же время он знал, что это не ответ вовсе. Но ему не хотелось отвечать. Обычно, что бы он не говорил людям, они только смеялись над ним, говоря, что он еще совсем ребенок и тревожится из-за пустяков.

Но Сказитель не позволил ему уклониться от вопроса. «Я искал настоящее видение всю свою жизнь, Ал-младший, а ты видел одно из них прямо здесь и сейчас, при ярком свете, своими широко раскрытыми глазами ты видел что-то

настолько страшное, что от страха почти перестал дышать, неужели же ты не расскажешь мне теперь об этом?»

«Я же сказал! Просто ничего!». Затем, тише: «Это было ничто, но я мог его видеть. Там, где оно проходило, воздух дрожал». «Это было ничто, но ты его видел?»

«Оно проникало повсюду. Проникало в мельчайшие трещины и раскалывало все на части. Оно тряслось и дробило все до тех пор, пока не оставалась одна пыль, потом сотрясало и пыль, а я старался уберечься от него, но оно становилось все больше и больше и катилось через весь мир, пока не заполнило собой все небо и всю землю». Алвин больше не мог сдерживаться. Он трясся от озноба, хотя на нем и было одето столько одежек, что он выглядел толстым, как медведь.

«Ты часто видел это раньше?»

"С тех пор, как я себя помню. Время от времени оно приходит ко мне.

Обычно я просто начинаю думать о других вещах, и оно остается позади".

«Где?»

«Сзади. В невидимом». Измученный происшедшим, Алвин встал на колени, потом присел. Он сел на влажную траву прямо в своих воскрес-

ных штанах, но вряд ли это заметил. «Когда ты говорил о словах, которые распространяются все дальше и дальше, я увидел это опять».

«Сон, который приходит к тебе снова и снова, пытается рассказать о чем-то важном».

Старик был так явно заинтересован рассказом, что Алвин засомневался в том, что он представляет себе, насколько это страшно. «Непохоже на одну из твоих историй, Сказитель?»

«Это станет историей», сказал Сказитель. «Когда я ее пойму». Сказитель сел около него и долгое время размышлял в тишине. Алвин тоже сидел молча, вертя в пальцах пучки травы. Скоро он стал испытывать нетерпение. «Может, ты и не можешь этого понять», сказал он. «Может, это просто безумие. Наверно, на меня наслали заклятие помешательства». «Сейчас», сказал Сказитель, не обращая никакого внимания на то, что Алвин что-то говорит. «я думал о смысле всего этого. Дай мне рассказать и посмотрим, убедительно ли это выглядит».

Алвину не понравилось, что на его слова не обращают внимания. «Или, может, на тебя навели заклятие помешательства, Сказитель, об этом ты не задумывался?».

Сказитель укрепил сомнения Алвина. «Весь

мир — лишь только сон в сознании Господа, и лишь пока он спит и верит в него, мы остаемся реальными. А что будет, если Господь станет потихоньку просыпаться и его сон разрушаться, вселенная исчезать и в конце концов он сядет, протрет глаза и скажет: „Ну и ну, что за сон, хотелось бы мне его вспомнить“, и в этот самый момент мы все и исчезнем». Он пристально посмотрел на Алвина. «Что тогда?» «Если ты веришь в это, Сказитель, тогда ты действительно болтливый глупец, как говорит Армор-оф-Год».

«Да, он говорит так?». Сказитель внезапно резко выбросил руку и схватил Алвина за запястье. Алвин был так изумлен, что от неожиданности выронил то, что было у него в руках. «Нет! Подбери это! Смотри, что ты сделал!» «Да я просто вертел это в руках ради забавы!» Сказитель наклонился и поднял то, что уронил Алвин. Эта была маленькая корзиночка, не более дюйма в ширину, сделанная из осенних трав. «Ты сделал ее только что».

«Думаю, да», сказал Алвин.

«Почему же ты сделал это?»

«Ну, просто сделал».

«Ты даже не задумывался об этом?»

«Слушай, эта корзиночка не такая уж важная

штука. Я обычно делал их для Калли. Когда мы были маленькими, он называл их жучиными корзинками. Они всегда очень быстро разваливаются».

"Ты видел видение о ничто, а потом сделал что-то. "

Алвин посмотрел на корзинку. «Думаю, да».

«Ты всегда поступаешь так?»

Алвин вспомнил другие случаи, когда он видел этот дрожащий воздух. «Я всегда делаю веши», сказал он. «Ничего особенного это не значит». «Но ты не можешь опять почувствовать, что все в порядке, пока не сделаешь что-нибудь. Когда ты видишь видение о ничто, то не можешь успокоиться, пока не создашь что-то».

«Может, я просто пытаюсь избавиться от видения, заняв себя хоть какой-нибудь работой».

«Не просто какой-то работой, а, парень? Почему бы тебе, скажем, не наколоть дров? Или собрать яйца в курятнике, принести воды, нарубить хворосту — все это в нашем случае тебе не годится?» Теперь Алвин начал понимать, о чем говорит Сказитель. И, хорошенько припомнив, как все это обычно происходит, он решил, что Сказитель прав. После кошмара он просыпался и не мог успокоиться до тех пор, пока что-нибудь

не сплетал, или не складывал сено в стог, или не мастерил для одной из племянниц куклу из кукурузной шелухи. То же случалось и если видение приходило к нему днем — чем бы он ни занимался, у него все падало из рук до тех пор, пока он не изготовлял что-нибудь такое, чего до этого не существовало бы, даже если это была просто кучка камней или часть каменной стены.

«Правильно? Ведь ты каждый раз это делаешь?»

«Почти».

«Тогда я могу назвать тебе твое ничто. Это Разрушитель».

«Никогда не слыхал о таком».

«Я тоже. До сих пор. Потому что ему хотелось бы оставаться неизвестным. Это враг всего существующего. Все, к чему он стремится — это разрушить мир на куски, разрушить эти куски опять на куски и так до тех пор, пока вообще ничего не останется».

«Но если разрушить что-то на куски, а эти куски опять на куски, то такого, что вообще ничего не останется, быть не может. Будет просто очень много маленьких кусочков».

«Помолчи и послушай, что я тебе расскажу», сказал Сказитель. Алвин часто слышал это от

него. С Алом Сказитель говорил чаще чем с остальными, включая племянников.

«Я имею в виду не добро и зло», сказал Сказитель. «Даже сам дьявол не желает уничтожить все сущее, потому что тогда он сам тоже оказался бы уничтоженным. Даже самые злые создания не стремятся ко всеобщему разрушению — они хотят лишь эксплуатировать его в своих целях». Алвин никогда не слышал слово «эксплуатировать» прежде, но звучало оно довольно мерзко.

«Поэтому в великой войне Разрушителя со всем остальным миром Бог и дьявол должны быть заодно. Но дьявол не знает этого, поэтому иногда он служит Разрушителю».

«Ты имеешь в виду, что дьявол работает против самого себя?» «Я говорю не о дьяволе», сказал Сказитель. Когда он приступал к своей очередной истории, его так же невозможно было сбить с пути, как заставить дождь перестать литься. «В великой войне против этого Разрушителя из твоего кошмара все мужчины и женщины мира должны быть заодно. Но великий враг остается невидимым, так что никто не догадывается, что, может быть, неосознанно служит ему. Например, они не понимают, что война — союзник Разрушителя, потому что она уничтожает все, чего

касается. Они не понимают, что огонь, убийство, преступления, алчность и похоть ломают те хрупкие оковы, которые позволяют людям создавать нации, города и семьи, верить своим друзьям и хранить от распада свои души».

«Ты, наверное, самый настоящий пророк», сказал Алвин-младший. «Потому что из того, что ты сказал, я не понял ни слова». «Пророк», пробормотал Сказитель. «Ну да. Только вот видели все это не мои, а твои глаза. Теперь я знаю, в чем была беда Аарона; он мог говорить слова истины, но не был способен сам иметь видения». "Из моих кошмаров ты раздул целую историю.

Сказитель не ответил ни слова, сидя опершись локтями о колени на земле и уныло положив подбородок на ладони. Алвин попытался понять, о чем он говорит. Он был уверен, что то, что он видел в своих кошмарах, не было материальным, поэтому говорить о Разрушителе как о каком-то существе было явным поэтическим преувеличением. И все же, это могло оказаться правдой, может статься, этот Разрушитель действительно был настоящим, а не чем-то, что просто померещилось Алвину, просто Алвин был единственным способным его видеть. Возможно, весь мир находился в величайшей опасности, и

долгом Алвина было побороть Разрушителя, изгнать его и держать его в страхе. Конечно, когда этот сон приходил к Алвину, он был ему так отвратителен, что единственным желанием мальчика было избавиться от кошмара как можно скорее. Но он понятия не имел, как это сделать.

«Допустим, я тебе верю», сказал Алвин. «Допустим, такая штука как Разрушитель действительно существует. Но я ведь ничего не могу с этим поделать».

Слабая улыбка мелькнула на лице Сказителя. Он наклонился в сторону, чтобы освободить руку, медленно протянул ее к земле и поднял маленькую жучиную корзинку, лежавшую в траве.

«Разве это похоже на ничего?»

«Это же просто пучок травы».

«Это было пучком травы», сказал Сказитель. «И если ты сломаешь ее, она опять станет пучком травы. Но теперь, сейчас, это что-то большее». «Маленькая жучиная корзинка, вот и все».

«Что-то, что создал ты».

«Ну да, конечно, трава не растет в форме таких корзинок».

«И когда ты сделал ее, то отразил нападение Разрушителя».

«Немного же для этого потребовалось».

«Да», сказал Сказитель. «Всего лишь сделав одну жучиную корзинку. Так ты победил его».

Теперь все то, о чем рассказывал Сказитель, стало складываться для Алвина в одну картину. Алвин знал все те веши, которые считаются в этом мире противоположностями: добро и зло, свет и тьма, свобода и рабство, любовь и ненависть. Но различие между созиданием и разрушением было гораздо глубже. Таким глубоким, что почти никто и не замечал, что эта противоположность была важнейшей из всех. Но он знал об этом, и поэтому Разрушитель стал его злейшим врагом. Вот почему Разрушитель приходил к нему во сне. Кроме того, у Алвина был дар. Дар упорядочения вашей, дар заставлять веши принимать надлежащую им форму.

«Я думаю, мое настоящее видение было о том же», сказал Алвин.

«Ты не обязан рассказывать мне о Сияющем Человеке», сказал Сказитель.

«Я не хотел бы быть навязчиво любопытным».

«Ты хочешь сказать, что обычно узнаешь интересные тебе веши, когда кто-нибудь проговориться?»

Дома за подобное высказывание он сразу получил бы пощечину, но Сказитель только

рассмеялся.

«Я сделал одну нехорошую вещь, не подозревая об этом», сказал Алвин. «пришел Сияющий Человек, встал в шаге от моей кровати и сначала показал мне видение причиненного мной зла чтобы я понял, что это зло. Знаешь, я очень сильно плакал, мне казалось, что я такой нехороший. Но потом он мне показал, зачем нужен мой дар, и мне кажется, что ты говоришь о том же. Я видел камень, который я вытащил из горы, он был круглый как мяч, и когда я пригляделся, то увидел, что это целый мир, с лесами, зверями, океанами, рыбой и всем прочим. Вот зачем нужен мой дар, чтобы все веши попадали на правильное место».

Глаза Сказителя блестели. «Сияющий Человек дал тебе такое видение», сказал он. «такое видение, что я отдал бы жизнь за то, чтобы увидеть его». «Только потому, что я использовал свой дар во вред другим, просто для собственного удовольствия», сказал Алвин. «Я дал ему обещание, самую серьезную клятву в своей жизни, что я никогда не использую свой дар для себя. Только для других».

«Хорошее обещание», сказал Сказитель. «Я бы хотел, чтобы все мужчины и женщины на земле дали такое обещание и держали бы его». «В общем, вот откуда я знаю, что этот… Разрушитель

не был видением. И Сияющий Человек не был видением. То, что он показал мне, было видением, но сам-то он был настоящий».

«И Разрушитель?»

«Тоже настоящий. Я видел его не в своей голове, а здесь».

Сказитель кивнул, его глаза не отрывались от лица Алвина. «Я могу делать веши», сказал Алвин. «быстрее, чем он может их уничтожать».

«Никто не может делать веши достаточно быстро», сказал Сказитель. «Если все люди на земле сделают миллион миллионов миллионов миллионов кирпичей и будут всю свою жизнь строить стену, стена станет разрушаться быстрее, чем они ее строят. Куски стены будут разваливаться прежде, чем будут построены». «Ну а теперь это просто глупо», сказал Алвин. «Стена не может развалиться до того, как ее построили».

«Если они будут заниматься этим достаточно долго, кирпичи станут стираться в пыль, их собственные руки будут гноиться и облезать как слизь с костей, пока кирпичи, плоть и кости не распадутся в неразличимую пыль. Тогда Разрушитель дунет, и пыль разлетится во все стороны так, что ее уже не собрать. вселенная станет холодной, тихой, беззвучной, темной, и наконец-то

у Разрушителя будет время передохнуть».

Алвин попытался разобраться в сказанном. Обычно он пытался сделать это, когда Троуэр говорил в школе о религии, поэтому его опыт говорил ему, что дело это довольно опасное. Но он никак не мог удержаться, как и от вопросов, которые у него возникали, несмотря на то, что это выводило из себя всех окружающих. «Если вещи разрушаются быстрее, чем создаются, тогда почему вокруг нас еще что-то остается? Почему Разрушитель не победил? Что все мы здесь делаем?»

Но Сказитель не был похож на преподобного Троуэра и вопросы Алвина не разозлили его. Он только нахмурил брови и покачал головой. «Я не знаю. Ты прав. Нас не должно быть здесь. Наше существование невозможно.» «Ну знаешь ли, может, ты этого случайно не заметил, но мы здесь», сказал Алвин. «Что за глупую байку ты рассказал, если нам достаточно посмотреть друг на друга, чтобы понять, что это неправда?» «В этом-то вся и загвоздка».

«Я думал, ты рассказываешь только те истории, в которые веришь».

«Когда я ее рассказывал, то верил».

Сказитель выглядел таким подавленным, что

Алвин протянул руку и положил ее ему на плечо, хотя куртка Сказителя была такой толстой, а рука Алвина такой маленькой, что вряд ли Сказитель почувствовал его прикосновение. «Я тоже поверил в это. Почти. На время».

«Значит, в этом есть правда. Может, и не вся, но какая-то есть».

Сказитель явно успокоился.

Но Алвин не мог так этого оставить. «Только то, что ты во что-нибудь веришь, не делает этого правдой».

Глаза Сказителя широко открылись. Ну, вот, я все-таки сделал это, подумал Алвин. Я разозлил его так же, как и Троуэра. Так у меня выходит со всеми. Поэтому он не был удивлен, когда Сказитель протянул к нему руки, зажал между ними его лицо, и произнес с силой, будто пытаясь вбить слова в голову Алвина. «Все, во что можно поверить, есть отражение правды». И слова эти внезапно пронзили его и он понял их, хотя и не смог бы пересказать того, что понял, сам. Все, во что можно поверить, есть отражение правды. Если мне кажется, что это правда, то что-то истинное во всем этом есть, даже если и не полностью. И если я смогу осознать это в своей голове, тогда, может быть, я смогу распознать, какая часть тут

правда, а какая нет, и тогда…

И еще кое-что Алвин тоже понял. Что все его ссоры с Троуэром сводились к одному: если какая-то вещь, пусть даже она и считается очевидной, кажется Алвину бессмысленной, то верить в нее не стоит, и сколько не цитируй Библию, делу тут не поможешь. И теперь Сказитель говорит ему, что у него есть право не верить вещам, кажущимися бессмысленными. «Скажи, Сказитель, значит ли это что то, во что я не верю, не может быть правдой?» Сказитель вскинул брови и выдал очередную поговорку: «Истину нельзя понимать, не веря в нее».

Притчами и поговорками Алвин был уже сыт по горло. «Хоть раз скажешь ты мне что-нибудь напрямую?»

«Поговорка и есть истина, высказанная напрямую. И я не буду искривлять ее, чтобы угодить путаному уму».

«Что ж, если мой ум запутанный, то это по твоей вине. Все эти твои истории о кирпичах, крошащихся еще до того, как стена закончили строить…» «Так ты поверил в это?»

«Может быть. Мне кажется, если я примусь свивать всю траву этого луга в жучиные корзинки, то пока я доберусь до дальнего конца, вся трава

пожухнет и рассыплется в ничто. Я думаю, если я примусь валить все деревья отсюда до Нойзи-ривер для постройки сараев, то все деревья будут мертвы еще до того, как я доберусь до последнего. Нельзя построить дом из трухлявых бревен». "Я хотел сказать: «Человек не может построить ничего вечного из невечных вашей». Это закон. Но ты сказал то же самое в виде поговорки:

«Нельзя построить дом из трухлявых бревен».

«Я сказал поговорку?»

«Да, и когда мы вернемся домой, я запишу ее в своей Книге». «В закрытой на замок части?», спросил Алвин. Тут он вспомнил, что видел эту книгу лишь однажды, подглядывая через трещину в полу поздно ночью, когда в нижней комнате Сказитель писал что-то при свете свечи. Сказитель испытующе посмотрел на него. «Я надеюсь, тебе никогда не приходило в голову открыть этот замок?»

Алвин обиделся. Он мог подглядывать в щель на полу, но взять что-нибудь чужое… «Одно то, что ты не хочешь, чтобы я читал запертую часть и я об этом знаю, гораздо надежнее любого старого замка и если ты не веришь в это, то ты мне не друг. Я не сую нос в твои секреты». «Мои секреты?», рассмеялся Сказитель… «Я замыкаю

эту последнюю часть Книги просто потому, что там находятся мои записи и я не хочу, чтобы там писал кто-нибудь еще».

«А в первой части Книги другие люди пишут?»

«Да».

«И что же они пишут? А я могу там написать?»

«Они оставляют короткую запись о том самом важном в своей жизни, что они сделали или видели собственными глазами. Эта просто короткая фраза, которая нужна мне, чтобы напомнить об их историях. Так что, когда я приезжаю в новый город, в новый дом, я могу открыть Книгу, прочитать фразу и вспомнить историю».

Алвин подумал об одной ошеломительной возможности. Ведь Сказителю довелось пожить подле Бена Франклина, не так ли? А Бен Франклин писал что-нибудь в твоей Книге?"

«Он вписал в нее самую первую фразу».

«Он написал о самой важной веши, которую сделал?»

«Точно так».

«Ну так что же это было?»

Сказитель поднялся на ноги. «Пойдем со мной назад домой, парень, и я тебе покажу. И по пути расскажу историю, чтобы ты мог понять, что там написано».

Алвин проворно вскочил, схватил старика за тяжелый рукав и почти потащил его по дороге, ведущей домой. «Ну давай, пойдем!» Алвин не знал, решил ли Сказитель вовсе не ходить в церковь или окончательно забыл, куда они направлялись — какова не была бы причина, он был вполне доволен результатом. Воскресенье без церкви было уже вполне неплохим днем. Добавь к этому истории Сказителя и возможность увидеть собственными глазами записи самого Создателя Бена, это воскресенье становилось просто превосходнейшим. «Спешить некуда, парень. Ни ты и ни я не помрем до полудня, а для того, чтобы рассказать историю, требуется время».

«Так это было что-то, что он сделал? Самая важная вещь?»

«В общем-то, да».

«А я знаю! Очки с двумя стеклами? Очаг?»

«Люди все время говорили ему, Бен, ты — настоящий Создатель. Но он всегда отрицал это. Так же, как отрицал и то, что был волшебником. У меня нет дара к скрытым силам, говорил он. Я просто беру части вашей и складываю их лучшим образом. До того, как я сделал свой очаг, были и другие очаги. До того, как я сделал свои очки, были и другие виды очков. Я никогда по-насто-

ящему не создал ничего в своей жизни так, как сделал бы это настоящий Создатель. Я дал вам очки с двумя стеклами, а настоящий Создатель дал бы вам новые глаза».

«Так он считал, что так никогда ничего и не сделал?» «Однажды я спросил его об этом. В тот самый день, когда я начал свою Книгу. Я спросил его, Бен, что самое важное из того, что ты сделал? И он опять повторил все то же самое, что он никогда по-настоящему ничего не сделал и тогда я сказал ему, Бен, ты сам в это не веришь и я тоже в это не верю. И он тогда ответил, что ж, Билл, ты прав. Одну вещь я действительно сделал и это самая важная вещь из всех, которые я знаю». И Сказитель замолчал, неуклюже спускаясь с холма по громко шуршащим под ногами листьям.

«Так что же это было?»

«Ты не хочешь подождать, пока мы не придем домой, чтобы прочитать это сам?»

Тут Алвин по-настоящему разозлился, сильно, как никогда. «Терпеть не могу, когда кто-нибудь что-то знает и не говорит!».

"Незачем так серчать, парень. Я расскажу тебе. Вот что он написал:

«Единственное, что я действительно создал — это американцы»."

"Это не имеет смысла. Американцы просто рождались. " «Э нет, Алвин, это не так. Рождались дети. И в Англии точно такие же, как в Америке. Так что американцами они стали не просто потому, что были рождены».

Алвин на секунду задумался.

«Наверное, потому, что они родились в Америке». «Ну, это, конечно, правда. Но еще пятьдесят лет назад ребенок, родившийся в Филадельфии, вовсе не считался американцем. Он бал пенсильванцем. И дети, родившиеся в Нью-Амстердаме, были кникербокерами. А в Бостоне — янки. В Чарльстоне — якобинцами или шевалье. Ну, и еще куча всяких имен».

«Ну так и сейчас то же самое», сказал Алвин.

«Да, конечно, парень, но сейчас все они представляют собой кое-что еще. Все эти имена, как считал Старый Бен, все они разделяют нас на вирджинцев, массачусетцев и род-айлендцев, на белых, красно– и чернокожих, на квакеров, пресвитериан, папистов и пуритан, на голландцев, немцев, французов и англичан. Старый Бен видел что, к примеру, вирджинец никогда не станет доверять уроженцу Неттикута, а Белый никогда не поверит до конца Краснокожему, потому что они разные. И он сказал себе, Если у нас

есть куча имен, которые разъединяют, то почему бы не появиться одному, которое объединит? Он перепробовал много имен из тех, что уже использовались. Колонисты, к примеру. Но ему не хотелось использовать это имя, потому что оно заставляло нас всегда смотреть назад, в сторону Европы, да и к тому же индейцы вовсе не колонисты. И негры тоже, потому что их привезли сюда как рабов. Понимаешь теперь, в чем дело?»

«Он хотел найти имя, которое мы все могли бы использовать», сказал Алвин.

«Точно. И такое имя, которое объединяет всех, есть. Мы живем на одном континенте. В Северной Америке. Так что он решил, что неплохо назвать нас североамериканцами. Но это было слишком длинно. Поэтому…» «Американцы».

«Вот имя, которое одинаково подходит как живущему на побережье Новой Англии рыбаку, так и плантатору, правящему своим поместьем в юго-западной части Драйдена. Оно подходит и вождю могауков в Ирракве, и лавочнику-кникербокеру в Новом Амстердаме. Старый Бен знал, что если люди начнут думать о себе, как об американцах, то они станут нацией. Не просто частью старой дряхлой европейской страны, но единой новой нацией здесь, на новой земле. Поэтому везде в

своих писаниях он стал использовать это слово. Альманах Ричарда был полон фразами типа — американцы то, американцы се. К тому же он стал рассылать всем письма с такими примерно фразами: „Споры о земельных участках — это проблема, которую американцы должны решать вместе“, „Европейцы не могут понять, что необходимо американцам для выживания“, „Почему американцы должны умирать на европейских войнах?“. И через пять лет невозможно было найти человека на всей территории от Новой Англии до Якобии, который не считал бы себя, хотя б отчасти, американцем». «Но ведь это всего лишь имя».

«Но это то имя, которое мы дали себе сами. и оно включает в себя всех на континенте, кто готов его принять. Старый Бен постарался, чтобы в это понятие входило как можно больше людей. И он превратил это имя в нацию, хотя единственным помещением, находившимся в его распоряжении для занятия общественными делами, была старая почтовая контора. Пока якобинцами на юге правит король, а Новой Англией на севере — Лорд-Протектор, он не видит в будущем ничего, кроме хаоса и войны, во время которых зажатая посередине Пенсильвания

разлетится на куски. И он хотел предотвратить войну, использовав для этого имя „американцы“. Он сделал так, что жители Новой Англии стали опасаться задевать Пенсильванию, а якобинцы стали искать пенсильванской поддержки. Он был человеком, который ратовал за Американский Конгресс, чтобы установить единую торговую политику и земельные законы». «И в конце концов», продолжал Сказитель. «незадолго до того, как он пригласил меня из Англии, Старый Бен написал Американский Договор и добился того, что семь основных колоний подписали его. Это, знаешь ли, было нелегко — даже договориться о том, сколько колоний должны подписать Договор, было очень нелегко. Голландцы видели, что большинство иммигрантов из Европы — англичане, шотландцы и ирландцы, и они не хотели остаться в меньшинстве, поэтому Старый Бен разрешил им разделить Новую Голландию на три колонии, чтобы получить больше голосов в Конгрессе. Когда Сасквахэнни откололась от земель, принадлежавших Новой Швеции и Пенсильвании, то началась новая грызня».

«Но это же только шесть штатов».

«Старый Бен не позволил никому подписать договор, пока к нему не присоединится в качестве

седьмого штата Ирраква. Штата с точно оговоренными границами, в котором Краснокожие управляют сами собой. Многие хотели, чтобы американцы стали нацией Белых, но Старый Бен и слышать об этом не хотел. Единственный путь для мирной жизни для всех американцев, говорил он — объединиться на равных. Вот почему Договор не разрешает ни рабства, ни даже крепостничества. И поэтому же Договор не позволяет ни одной религии иметь преимущество перед другими. И не разрешает запрещать газеты или затыкать кому бы то ни было рот. Белый, Черный и Красный; папист, пуританин и пресвитерианин; богатый, бедный, нищий и вор — все мы живем по одним законам. Целая нация, созданная при помощи всего одного слова».

«Американцы»

«Теперь ты понимаешь, почему это было так важно?»

«Но почему он считает самым важным не сам Договор?» «Договор — это просто слова. Имя „американцы“ было идеей, породившей эти слова».

«Но янки и шевалье все еще не считают себя американцами, и война не остановлена, потому что народ Аппалачей все еще воюет против короля». «Нет, все эти люди тоже американцы,

Алвин. Помнишь историю Джорджа Вашингтона при Шенандоа? В те дни он был Лордом Потомакским, предводителем крупнейшей армии Короля Роберта, воюющей с горсткой оборванцев — всем, что осталось у Бена Арнольда. В то утро было совершенно ясно, что шевалье Лорда Потомакского с легкостью прихлопнут этот маленький форт и покончат с восстанием свободных горцев Тома Джефферсона. Но Лорд Потомакский сражался в войнах с французами рука об руку с этими самыми горцами и Том Джефферсон был прежде его другом. Сердцу его была невыносима мысль о завтрашней битве. Кто такой этот король Роберт, чтобы лить ради него столько крови? Все, что хотели эти повстанцы — это обладать собственной землей и чтобы король не сажал при этом повсюду своих баронов, которые изведут всех поборами и превратят в рабов также, как и негров в южных Колониях Короны. Всю ночь он не спал».

«Он молился», сказал Алвин.

«Это Троуэр так рассказывает», язвительно сказал Сказитель. "Но никто этого не знает. И когда на следующее утро он обратился к войскам, то о молитве не было ни слова. Но он говорил о том имени, которое создал Бен Франклин. Он написал письмо Королю, в котором отстранял себя от

командования и отказывался от всех земель и титулов. И подписал его не «Лорд Потомакский», а «Джордж Вашингтон». Затем утром он поднялся, встал перед сине-мундирными рядами солдат Короля, рассказал им о своем решении и сказал, что они свободны выбрать, каждый из них, слушать ли своих офицеров и идти в битву или вместо этого встать на защиту великой Декларации Свободы Тома Джефферсона. Он сказал: «Выбор за вами, а что касается меня…» Алвин знал эти слова, как и каждый мужчина, женщина и ребенок на континенте. Теперь слова эти стали ему понятнее и он прокричал: «Мой американский меч никогда не прольет ни капли американской крови!» «А потом, когда большая часть его армии ушла и присоединилась к аппалачским мятежникам вместе со своими ружьями и порохом, фургонами и фуражом, он приказал старшему офицеру оставшихся верными Королю солдат арестовать его. „Я нарушил мою присягу Королю“, сказал он. „Я сделал это во имя высшей правды, но присяга нарушена, и я должен заплатить за предательство“. И он заплатил, это уж точно, заплатил своей головой. Но много ли народу из тех, кто не принадлежит к королевскому двору, посчитало это настоящей изменой?»

«Никто», сказал Алвин.

«И смог ли Король после этого выиграть хоть одну битву против аппалачцев?»

«Ни одной».

«Ни один человек на поле битвы в Шенандоа не был гражданином Соединенных Штатов. Никто из них не жил, подчиняясь Американскому Договору. И все же, когда Джордж Вашингтон говорил об американских мечах и американской крови, они поняли, о чем идет речь. Ну а теперь, Алвин-младший, скажи мне, прав ли был Старый Бен, сказав, что лучшей из сделанных им вашей было простое слово?»

Алвин собрался ответить, но как раз в этот момент они подошли к порогу дома и не успели еще подняться к двери, как она распахнулась и за ней появилась Мама, глядящая на них сверху вниз. Взглянув ей в лицо, Алвин понял, что опять попал в переплет, причем причина была ему известна. «Я хотел пойти в церковь, Ма!»

«Многие покойники тоже собирались отправиться на небеса», ответила она.

«Так вот: они туда не попали».

«Это моя вина, Добрая Фэйт», сказал Сказитель.

«Я уверена, что не ваша, Сказитель», сказала она.

«Мы принялись разговаривать, Добрая Фэйт, и, боюсь, я отвлек мальчика». «Этот мальчик родился отвлеченным от всего благого», сказала она, не отрывая глаз от лица Алвина. «Он идет по стопам отца. Если его не взнуздать, оседлать, и не отправиться на нем в церковь верхом, он так туда никогда и не попадет, и если не прибить его ноги к церковному полу, то через минуту он окажется за дверью. Это десятилетний мальчик, который так ненавидит Господа, что его мать готова пожелать, чтобы он никогда не был рожден». Эти слова уязвили Алвина в самое сердце.

«Ужасно желать что-нибудь подобное», сказал Сказитель. Его голос был очень тих и Мама подняла в конце концов глаза на лицо старика. «Я не желаю этого», сказала она в конце концов.

«Прости меня, Мама», сказал Алвин-младший.

«Зайди внутрь», сказала она. «Я ушла из церкви, чтобы найти тебя, и теперь, пока служба не окончена, мы не можем вернуться». «Мы говорили о всяких вещах, Мама», сказал Алвин. «О моих снах, и о Бене Франклине, и...»

«Я хочу слышать от тебя только одну вещь», сказала Ма. «Пение гимнов. Если ты не хочешь идти в церковь, то будешь сидеть на кухне со мной и, пока я готовлю обед, петь мне гимны»

Так что Алвину не удавалось увидеть, что же написал Старый Бен в Книге Сказителя, еще по крайней мере несколько часов. Мама заставляла его петь и работать до обеда, а после обеда Па, старшие сыновья и Сказитель уселись обсуждать завтрашнюю экспедицию за камнем для мельничного жернова, который предстояло снести вниз с гранитной горы.

«Я делаю это для тебя», сказал Папа Сказителю. «Так что неплохо было бы тебе отправиться с нами».

«Я никогда не просил, чтобы ты принес камень для жернова». «С тех пор, как ты появился здесь, не прошло и дня, чтобы мы не услышали, „как жаль, что такая прекрасная мельница используется как амбар, когда здешним людям так нужен свежий помол“.» «Мне помнится, я сказал это только однажды».

«Ну, может, это и так», сказал Па. «Но каждый раз, когда я вижу тебя, я думаю об этом жерновe».

«Наверное, тебе просто жаль, что этот камень не оказался на месте, когда ты бросил меня».

«Он этого не хотел!», закричал Калли. «Потому что тогда ты был бы мертвым!»

Сказитель только усмехнулся и Папа усмех-

нулся ему в ответ. И они продолжили толковать о том — о сем. Затем жены привели племянников и племянниц на воскресный ужин, и они заставили Сказителя спеть им смешную песенку столько раз, что Алвин почувствовал, что готов взвыть, если еще раз услышит это громогласное «ха-ха-ха!».

И только после ужина, когда все племянники и племянницы разошлись по домам, Сказитель достал свою Книгу.

«Я всю думал, откроешь ли ты когда-нибудь эту книгу», сказал Па. «Я просто ждал подходящего времени». Сказитель принялся рассказывать о том, как люди записывали в Книгу о своих самых важных делах. «Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы я написал здесь что-нибудь». «О, пока я не дам тебе в ней писать. Ты ведь так и не рассказал мне о самом важном, что совершил в своей жизни». Голос Сказителя стал звучать мягче. «Может быть, оно у тебя еще впереди».

Па выглядел слегка раздраженным и, может быть, испуганным. Как бы то ни было, он встал и подошел. «Покажи же мне, что в этой книге, что это люди считают таким страшно важным».

«Э-э-э», протянул Сказитель. «А ты умеешь читать?» «Я должен тебе сказать, что я получил

образование, которое янки в Массачусетсе дают своим детям, еще до того, как женился и обзавелся мельницей в Вест-Хэмпшире, и задолго до того, как переселился в эти места. Это не идет ни в какое сравнение с полученным тобой лондонским образованием, но я сомневаюсь, что тебе удастся написать такое слово, которое я был бы неспособен прочесть, если это только не будет латынь». Сказитель ничего не ответил. Он просто открыл Книгу. Па прочел первую запись. «Единственное, что я действительно создал — это американцы». Он поднял взгляд на Сказителя. «Кто написал это?» «Старый Бен Франклин».

«Судя по тому, что слышал я, единственный сделанный им американец был незаконнорожденным».

«Может, Алвин-младший попозже тебе это объяснит». Пока они говорили, Алвин пролез вперед, чтобы посмотреть на почерк Старого Бена. Он выглядел ничем не отличающимся от почерка любого другого человека. Алвин почувствовал легкое разочарование, хотя и не мог объяснить, чего он ожидал. Может того, что буквы окажутся золотыми? Конечно, нет. Не было никакой причины, почему слова великого человека должны на бумаге отличаться от слов глупца.

И все же он никак не мог отделаться от огорчения, что эти слова выглядели так обыкновенно. Он протянул руку и перевернул страницу, потом еще несколько страниц, листая их пальцами. Слова выглядели одинаково. Коричневые чернила на пожелтевшей бумаге.

На мгновение его ослепила вспышка света, сверкнувшая со страниц Книги.

«Не играй так со страницами», сказал Папа. «Ты их порвешь». Алвин повернулся и посмотрел на Сказителя. «Что это за страница со светом?», спросил он. "Что сказано там? "

«Светом?», спросил Сказитель.

Тут Алвин догадался, что он один видел это.

«Найди страницу сам», сказал Сказитель.

«Да он ее порвет», сказал Папа.

«Он будет осторожен», сказал Сказитель.

Но папин голос был сердитым, «Я сказал тебе, Алвин-младший, оставь в покое эту книгу!»

Алвин послушно отступил, но почувствовал руку Сказителя на своем плече. Голос Сказителя был тих и Алвин почувствовал, как он сложил свои пальцы в знак умиротворения. «Мальчик видел в Книге кое-что», сказал Сказитель. «И я бы хотел, чтобы он разыскал это место для меня опять». И, к удивлению Алвина, Папа пошел на

попятную. «Что ж, если ты не имеешь ничего против того, что этот неряшливый ленивый мальчишка порвет твою книгу…» пробормотал он и замолк.

Алвин повернулся к Книге и внимательно перелистал страницы, одну за другой. В конце концов он дошел до страницы, из которой бил свет, вначале ослепивший его, но постепенно начавший меркнуть. И оставшийся только на одной записи, буквы которой горели огнем.

«Видишь, как они горят?», спросил Алвин.

«Нет», сказал Сказитель. «Но чувствую запах дыма. Покажи слова, которые горят для тебя».

Алвин протянул руку и боязливо коснулся первых букв записи. Пламя, к его удивлению, не было горячим, хотя грело, и это пламя прогрело его руку до кости. Он вздрогнул, когда последние остатки осеннего холода покинули его тело. И улыбнулся, ведь теперь он стал таким ярким изнутри. Но почти сразу после того, как он коснулся пламени, оно мигнуло, стало меркнуть и погасло. «Что там сказано», спросила Мама. Теперь она стояла с другой стороны стола. Она не так уж хорошо умела читать, а буквы были для нее вверх ногами. Сказитель прочитал: «Родился Создатель».

«Не было другого Создателя», сказала Мама. «после того, кто смог обратить воду в вино».

«Может и так, но она написала это», сказал Сказитель.

«Кто написал?» спросила Мама.

«Просто маленькая девочка. Около пяти лет назад».

«А какая история связана с этой ее фразой?», спросил Алвин-младший.

Сказитель покачал головой.

«Ты говорил, что не позволяешь людям писать, пока не узнаешь их историю».

«Она написала это, когда я не видел», сказал Сказитель. «И я обнаружил эту запись только на следующей моей ночевке». «Тогда откуда ты знаешь, что именно она это написала?» «Это была она. Никто другой не смог бы снять заклятие, которое я в те дни накладывал на Книгу».

«Так значит, ты не знаешь, что это означает? Ты даже не можешь мне объяснить, почему они горят?»

Сказитель покачал головой. «Насколько я помню, она была дочерью хозяина постоялого двора. Эта девочка очень мало говорила, но когда все же открывала рот, то все сказанное было чистой правдой. Никогда не лгала, даже из вежливости.

Считалось, что у нее дурной характер. Но как говорит поговорка, „Если ты всегда говоришь правду в глаза, злодей станет бояться тебя“. Ну, или что-то в этом роде».

«Как ее звали?», спросила Мама. Алвин посмотрел на нее с удивлением. Ведь Мама не видела сверкающих букв, почему же ей было так важно узнать, кто написал их?

«Простите», сказал Сказитель. «Я уже не помню ее имени. А даже если б помнил, то не назвал бы его, как и не сказал бы, где она живет. Мне бы не хотелось, чтобы люди разыскивали ее и беспокоили вопросами, ответы на которые она, возможно, хотела бы держать в тайне. Но вот что я скажу. Она была ведуньей и обладала истинным зрением. Так что если она написала, что был рожден Создатель, то я верю в это и поэтому оставляю ее слова в моей Книге».

«Мне бы хотелось когда-нибудь узнать ее историю», сказал Алвин. "Я хочу знать, почему эти буквы были такими яркими.

Он поднял взгляд и увидел, как Мама и Сказитель настойчиво смотрят друг другу в глаза.

И затем, на задворках зрения, там, где он почти видел, но не мог остановить свой взгляд, он почувствовал Разрушителя, невидимого, дрожа-

щего, ждущего в нетерпении, когда наступит его время раздробить мир на части. И не успев задуматься над тем, что он делает, Алвин вытащил перед своей рубахи из штанов и связал концы ее вместе. Разрушитель содрогнулся и исчез из поля зрения.

Глава 11
МЕЛЬНИЧНЫЙ ЖЕРНОВ

Сказитель проснулся из-за того, что кто-то тряс его за плечо. За дверями еще кромешная темень, но уже пора в путь. Он сел, слегка потянулся и с удовольствием ощутил, что за ночи, проведенные в мягкой постели, ноющая боль в костях совершенно прошла. Я смог бы привыкнуть к этому, подумал он. Мне могло бы понравиться жить здесь.

Бекон был таким сочным, что даже отсюда было слышно, как он шипит на кухне. Сказитель уже почти надел ботинки, когда в комнату постучала Мэри. «Я уже более или менее прилично одет», сообщил он. Она вошла, неся в руках две пары толстых шерстяных чулок. «Я связала их сама», сказала она.

«Таких толстых носков мне не купить бы и в Филадельфии». «У нас в Уоббиш зима очень холодная и...», Мэри не закончила. Страшно смущенная, она качнула головой и стремглав выбежала из комнаты. Сказитель натянул чулки, затем надел на них ботинки и довольно улыб-

нулся. Он не имел ничего против того, чтобы принимать маленькие подарки вроде этого. Ведь он работал не хуже других и сделал немало для подготовки фермы к зиме. Сказитель был очень хорошим кровельщиком — любил карабкаться вверх и не боялся высоты. Так что и он приложил свою руку к тому, что дом, амбары, сараи и курятники будут всю зиму сухими и теплыми. И, хотя никто не просил его заниматься этим, он подготовил мельницу к установке жернова. И лично загрузил всю солому с пола мельницы, все пять фургонов. Близнецы, женившиеся только этим летом и не успевшие еще обзавестись собственными фермами, перевезли сено в большой амбар. За все это время сам Миллер даже не прикоснулся к вилам. Сказитель не особо беспокоился из-за этого, как и сам Миллер.

Но было и многое другое, что складывалось не так удачно. Та-Кумсав со своими Краснокожими Шауни согнал большинство фермеров с земель, находящихся ниже Картхэджа, и все были очень встревожены. Конечно, это очень хорошо, что Пророк основал там, за рекой большой город, где поселились тысячи Краснокожих, обещавших никогда ни на кого не поднимать руки. Но было множество Краснокожих считавших, как и Та-

Кумсав, что неплохо было бы прогнать Белых к побережью Атлантики и пусть они плывут себе назад в Европу, на кораблях или без них. Они хотели войны и поговаривали, что Билл Харрисон в Картхэдже только рад раздуванию огня, не говоря уже о французах в Детройте, всегда подстрекавших Краснокожих к нападению на американских поселенцев в стране, которую они провозгласили частью Канады. Народ в Вигор-Черче постоянно обсуждал все эти дела, но Сказитель знал, что Миллер не относится к этому серьезно. Он считал Краснокожих чем-то вроде шутов способных думать только о том, как бы побыстрей накачаться виски. Сказитель уже встречался с подобными представлениями прежде, но только в Новой Англии. Казалось янки и не приходило в голову, что все чего-нибудь стоящие индейцы из Новой Англии давно уже перебрались в Ирракву. Янки наверняка по другому взглянули бы на Краснокожих, если бы знали то, что индейцы из Ирраквы работают с паровыми машинами, привезенными прямо из Англии и то, что на Фингер Лэйке Белый по имени Эли Уитни помогает строить фабрику, которая будет изготавливать ружья в двадцать раз быстрее обычного. Когда-нибудь янки еще предстоит очнуться и осознать, что Краснокожие

вовсе не все беспробудные пьяницы и некоторым Белым придется изрядно попотеть, чтобы не отстать от них.

В то же время, однако, Миллер не придавал значения и воинственным замыслам. «Всем известно, что где-то там в лесах Краснокожие. Никто не может помешать им там шляться, но у меня пока не пропало ни одного цыпленка, так что не о чем и тревожиться.»

«Еще бекона?» спросил Миллер. Он подвинул блюдо с беконом через стол ближе к Сказителю.

«Я не привык много есть по утрам», ответил Сказитель. «С тех пор, как я живу с вами, за каждым обедом я съедаю больше, чем обычно за день.» «Вам неплохо было бы нарастить немного мяса на костях», сказала Фэйт.

Она положила ему несколько горячих лепешек, обмазанных медом.

«Но я больше не могу съесть ни кусочка», запротестовал Сказитель. Лепешки исчезли с тарелки. «Вот они мне и попались», воскликнул Алвин младший.

«Никогда не лезь так через стол,» сказал Миллер. «К тому же, двух лепешек тебе не съесть.»

Ал-младший на удивление быстро доказал отцу его неправоту. Затем они смыли мед с рук,

надели рукавицы и вышли к фургону. Первые проблески света уже показались на востоке, когда подъехали живущие ближе к поселку Дэвид и Калм. Ал-младший вскарабкался на заднюю часть фургона туда, где лежали инструменты, веревки, палатки и продовольствие — пройдет несколько дней прежде чем они вернутся назад.

« Ну так, кого мы ждем — близнецов и Мишура?» спросил Сказитель. Миллер запрыгнул на сидение фургона. «Мишур уже впереди, рубит деревья для саней. А Вэйстнот с Вонтнотом остаются тут, чтобы позаботиться о наших фермах», он усмехнулся. «Ведь мы же не можем оставить женщин без зашиты после всех этих разговоров о диких Краснокожих, рыскающих вокруг?» Сказитель ухмыльнулся в ответ. Хорошо, что Миллер на самом деле вовсе не так беспечен, как кажется.

Путь к каменоломне был неблизок. По дороге они проехали мимо разбитого фургона с расколотым камнем посреди. «Это была наша первая попытка,» сказал Миллер. «Но ось рассохлась, ее заклинило, когда мы съезжали с холма и фургон обрушился под весом камня.»

Они подъехали к довольно большой реке и Миллер рассказал, как они дважды пытались сплавить камень для жернова на плоту, но оба

раза плот переворачивался и тонул.

«Нам не везло,» сказал Миллер, но вид у него при этом был такой, будто он винит в неудаче кого-то или что-то лично.

«Вот почему на этот раз мы используем сани и жерди?» сказал Алвин младший, перегнувшись через спинку сидения. «Некуда падать, нечему ломаться, а если и сломается, то не проблема найти замену — это всего лишь бревна.» «Если только не пойдет дождь,» сказал Миллер. «Или снег.»

«Небо выглядит достаточно чистым,» сказал Сказитель. «Небо врет,» сказал Миллер. «Когда я собираюсь что-нибудь сделать, вода всегда встает на моем пути.»

Когда они добрались до каменоломни, солнце уже давно встало, но до полудня было еще далеко. Конечно, обратный путь будет куда длинней. Мишур уже успел завалить шесть прочных молодых деревьев и еще около двадцати поменьше. Дэвид и Калм сразу принялись обрубать сучья, чтобы сделать жерди как можно более круглыми. К удивлению Сказителя, именно Алвин-младший взял сумку с каменотесным инструментом и отправился к скалам. «Ты куда?» поинтересовался Сказитель.

«Мне надо подыскать местечко получше, чтобы

вырубить камень,» ответил Алвин-младший.

«У него хороший глаз на камни,» сказал Миллер. Но он явно чего-то не договаривал.

«А когда ты найдешь камень, то что станешь делать тогда?» спросил Сказитель.

«Ясное дело, стану рубить его.» Алвин вразвалку пошел вверх по дорожке с высокомерием мальчика, собирающегося делать работу взрослого мужчины. «И хорошая рука тоже,» добавил Миллер.

«Но ему всего десять лет,» изумился Сказитель.

«Он вырубил свой первый камень, когда ему было шесть.»

«Так ты говоришь, у него дар?»

«Я ничего такого не говорю.»

«Может ты все же объяснишь мне, Алвин Миллер. Скажи мне, ты случайно не седьмой сын?»

«А почему ты спрашиваешь?»

«Те кто знают в этом толк, говорят, что седьмой сын седьмого сына рождается со знанием о том, как выглядят веши под их поверхностью. Поэтому из них выходят такие хорошие лозоискатели воды». «Так вот, значит, что они говорят?»

Мишур поднялся к ним и, уперев руки в бока, раздраженно посмотрел на отца. «Па, почему ты не сказал ему все? Вокруг все знают об этом.» «Я

думаю, что Сказитель уже знает гораздо больше, чем мне бы хотелось.» «Это просто неблагородно по отношению к человеку, который с лихвой доказал, что он нам друг.»

«Он не должен мне рассказывать ничего, что не хотел бы говорить», возразил Сказитель.

«Тогда я скажу тебе,» сказал Мишур. «Это правда, Па — седьмой сын.» «Как и Ал-младший,» сказал Сказитель. «Я угадал? Ты никогда не говорил этого, но я догадался. Когда человек называет сына своим именем, то это либо первенец, либо седьмой сын.»

«Наш старший брат, Вигор, погиб в Хатракривер через несколько минут после рождения Алвина-младшего.»

«Хатрак,» произнес Сказитель.

«Ты знаешь это место?» спросил Мишур.

«Я знаю все места. Но почему-то мне кажется, что именно это место я уже недавно вспоминал, но не могу припомнить почему. Седьмой сын седьмого сына. Так он волшебством добудет жерновичный камень из скалы?»

«Мы не говорим об этом так,» сказал Мишур.

«Он рубит камень,» сказал Миллер. «Как любой каменотес.»

«Он большой мальчик, но все-таки мальчик,»

сказал Сказитель. «Скажем так, когда он рубит камень,» сказал Мишур. «То он оказывается малость помягче, чем когда это делаю я.»

«Я был бы очень признателен,» сказал Миллер. «Если бы вы отправились вниз и помогли с обрубкой сучьев и обстругиванием жердей. Нам нужны крепкие сани и надежные колеса.»

Сказителю было ясно как день, что имелось в виду: «Отправляйся вниз и не задавай лишних вопросов об Але-младшем.»

Поэтому Сказитель проработал под звук равномерного позвякивания железа о камень все утро с Дэвидом, Мишуром и Калмом. Этот стук, с которым Алвин-младший вырубал камень, задавал ритм работе всех, хотя никто об этом не говорил.

Впрочем, Сказитель не принадлежал к числу людей, способных работать молча. Поскольку все остальные были малоразговорчивы, постоянно говорил он сам. И так как они не были детьми, его истории не были, как обычно, о героях и трагической смерти.

Большую часть дня он посвятил саге о Джоне Адамсе. О том, как его дом был сожжен толпой в Бостоне, после того, как он добился оправдания десяти женщин, обвиненных в ведьмовстве. Как Алекс Гамильтон пригласил его на остров Ман-

хэттен, где они основали адвокатскую контору. Как через десять лет смогли убедить голландское правительство разрешить неограниченную эмиграцию неголландцев до тех пор, пока англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы не стали большинством в Новом Амстердаме и Новом Оранджe, и значительным меньшинством в Новой Голландии. Так они добились того, что английский стал вторым государственным языком в 1780 году, как раз вовремя для того, чтобы голландские колонии стали тремя из семи штатов, первыми подписавших Американский Договор.

«Готов биться об заклад, что голландцы возненавидели этих ребят, когда те добились своего,» сказал Дэвид.

«Э нет, они были куда лучшими политиками, чем ты думаешь,» возразил Сказитель. «Оба они выучились говорить по-голландски лучше многих голландцев и отдали детей в голландские школы. Они настолько слились с голландцами, ребятки, что на выборах в президенты Соединенных Штатов Джек Адамс получил больше голосов в голландских районах Новых Нидерландов, чем среди шотландцев или ирландцев.»

«Думаешь, если бы я выставил себя на выборы мэра, то все эти шведы с голландцами, живущие

вниз по реке стали бы за меня голосовать?» «Даже я не стал бы голосовать за тебя,» сказал Калм. «А я бы стал,» сказал Мишур. «Я надеюсь, что когда-нибудь ты будешь избираться в мэры».

«Он не сможет избираться в мэры,» сказал Калм. «У нас тут толком и города-то нет.»

«Город будет,» сказал Сказитель. «Я уже видел, как это происходит. Как только начнет работать ваша мельница, вскорости сотни три человек поселятся между мельницей и Вигор-Черч.»

«Ты так думаешь?»

«Даже сейчас люди три — четыре раза в год ездят в Лавку Армора,» сказал Сказитель. «Но когда они смогут получать здесь муку, то станут приезжать гораздо чаще. К тому же они будут охотнее ездить на вашу мельницу, чем на какую-нибудь еще, потому что к ней идет хорошая дорога с крепкими мостами.» «Если мельница станет давать доход,» сказал Мишур. «Па наверняка пошлет за Бурровским камнем во Францию. У нас был такой в Вест Хемпшире, до того как паводок унес нашу мельницу. И Бурровский камень дает белую муку отличного помола.»

«А белая мука дает хороший заработок,» сказал Дэвид. «Мы, старшие, помним те времена,» он улыбнулся с важным видом. «Тогда мы были

почти богачами.»

«Так что,» сказал Сказитель. «Когда сюда повалит такая толпа народа, то здесь будут не просто лавка, церковь и мельница. Вниз по Уоббиш есть прекрасная белая глина. Какой-нибудь гончар обязательно захочет основать там свое дело, изготовлять глиняную посуду и керамику для всей территории.» «Хотел бы я, чтобы это произошло поскорее,» сказал Калм. «Моя жена говорит, что ей осточертело подавать еду на оловянных тарелках.» «Так вот и растут города,» сказал Сказитель. «Хорошая лавка, церковь, потом мельница, потом гончарная мастерская. Ну еще кирпичный заводик. И когда город уже вырастет…»

«Дэвид может стать мэром,» сказал Калм.

«Только не я,» сказал Дэвид. «Вся эта политическая суматоха не для меня. Это Армор хочет стать мэром, а вовсе не я.» «Армор хочет быть королем,» сказал Калм.

«Нехорошо так говорить,» сказал Дэвид.

«Но это правда,» сказал Калм. «Он бы захотел стать Богом, если бы местечко было свободно.»

«Калм и Армор не особенно ладят,» объяснил Мишур Сказителю.

«Хороший муж не станет звать жену ведьмой,» сердито сказал Калм.

«А почему он так ее называет?» спросил Сказитель. «Сейчас он больше ее так не зовет», сказал Мишур. «Она обещала ему больше этим не заниматься. Я говорю о ее даре к кухонной работе. Это просто позор — заставлять женщину вести хозяйство только при помощи ее рук». «Хватит», сказал Дэвид. Уголком глаза Мишур уловил его предостерегающий взгляд.

Они явно не доверяли Сказителю достаточно, чтобы говорить полную правду. Поэтому Сказитель решил дать им знать, что этот секрет ему уже известен. «Мне кажется, она делает больше, чем догадывается Армор», сказал он. «Я видел у них в передней над дверью замысловато сплетенный из трав оберег. И она использовала на нем умиротворение прямо перед моим носом в тот день, когда я пришел в их дом».

Тут работа приостановилась, хотя и всего на мгновение. Никто на него даже не взглянул, хотя где-то около секунды они провели в неподвижности. Сказитель дал понять что, зная секрет Элеонор, не выдал его никому из посторонних. Включая Армора-оф-Год Вивера. И все-таки, хотя он уже знал эту тайну, они сочли излишним еще раз говорить об этом. Так что они не сказали ничего, молча продолжая обрубать ветки и об-

стругивать сучья. Сказитель первым нарушил тишину, возвращаясь к прежней теме. «Скоро в этих западных землях будет достаточно народу для того, чтобы они стали штатами и смогли просить о присоединении к Американскому Договору — теперь это лишь вопрос времени. Когда же это произойдет, то тут потребуются честные люди, чтобы встать во главе власти».

«В этих местах ты не найдешь ни Гамильтона, ни Адамса, ни Джефферсона», сказал Дэвид.

«Может и так», сказал Сказитель. «Но если вы, старожилы, не учредите собственное правительство, то готов побиться об заклад, что вскорости найдется немало городских, которые захотят сделать это за вас. Именно так Аарон Бурр стал губернатором Сасквахэнни, пока Дэниел Бун не пристрелил его в девяносто девятом».

«Ты говоришь так, как будто это было убийство», сказал Мишур. «Я думаю, это была честная дуэль».

«По-моему», сказал Сказитель. «Дуэль — это когда двое убийц договариваются, что будут пытаться убить друг друга по очереди». «Только не тогда, когда один из них — одетый в бычью кожу деревенский парень-старожил, а другой — лживый городской мошенник», сказал Мишур.

«Я не хочу, чтобы какой-нибудь там Аарон Бурр стал губернатором штата Уоббиш», сказал Дэвид. «А Билл Харрисон из Картхэдж-Сити — именно такой тип. Я лучше бы проголосовал за Армора, чем за него».

«А я бы лучше проголосовал за тебя, чем за Армора». Дэвид хмыкнул. Он продолжал обвязывать веревку вокруг обструганных жердей. Сказитель занимался тем же с другой стороны. Когда же они встретились, Сказитель взялся за оба конца веревки и стал связывать их друг с другом.

«Погоди-ка с этим», сказал Мишур. «Я пойду кликну Ала-младшего». Мишур неторопливо отправился вверх по склону каменоломни. Сказитель отпустил концы веревок. «Вы хотите, чтобы Алвин-младший завязал узел? Мне казалось, что взрослые люди вроде вас завязали бы его крепче».

Дэвид замялся. «Ну, у него дар».

«Неужто никто из вас не владеет собственными дарами?»

«Почему, у нас есть несколько своих».

«У Дэвида дар обращаться с женщинами», сказал Калм. «Калм лучший танцор на вечеринках. А еще никто так не играет на скрипке, как он. Не всегда попадает в такт, но зато наяривает все

время без продыху».

«Мишур настоящий стрелок», сказал Калм. «Он видит так далеко, как большинству из нас не увидать».

«У нас много разных даров», сказал Дэвид. «Близнецы всегда знают, когда начинается какая-нибудь заваруха и попадают туда как раз вовремя». «И Па, он может объединять разные части в целое. Когда мы делаем мебель, то всегда зовем его приладить деревянные стыки».

«У женщин свои женские дары»

«Но», сказал Калм. «Никто не может сравниться с Алвином-младшим». Дэвид согласно кивнул. «И к тому же, Сказитель, похоже, что он сам об этом не знает. Он всегда вроде как удивляется, когда у него все выходит. И его прямо распирает от гордости, когда мы даем ему работу. Я никогда не видел, чтобы он заносился перед кем-нибудь, потому что у него больше даров». «Он хороший мальчик», сказал Калм.

«Немного неуклюжий», сказал Дэвид.

«Нет, я бы так не сказал», сказал Калм. «Обычно, это не его вина».

«Скажем так, с ним чаще других случаются всякие неприятности». «Не думаю, что он мог бы оказаться злосчастником или что-то вроде

этого».

«Вряд ли он злосчастник».

Сказитель отметил про себя, что они сказали это одновременно. Но он не подал виду, что заметил их оплошность. В конце концов несчастье приходит тогда, когда о нем говорят не двумя, а тремя голосами. Так что лучшим способом исправить их неосторожность будет просто помолчать. Братья тоже быстро опомнились и замолчали.

Через некоторое время Мишур с Алом-младшим спустились вниз с холма. Сказитель не должен был нарушать молчание, потому что он уже принимал участие в разговоре о злосчастнике. И будет еще хуже, если заговорит сам Алвин, потому что именно о нем шла речь. Поэтому Сказитель пристально посмотрел в глаза Мишуру, пытаясь дать ему понять, что заговорить первым должен он.

Мишур ответил на вопрос, который, как ему казалось, ему задавали: «Папа стоит наверху, на скале. Наблюдает».

Сказитель услышал, как Калм с Дэвидом вздохнули с облегчением. В том, что сказал третий, не было ничего о злосчастниках, и поэтому Алвин-младший был в безопасности.

Теперь у Сказителя появилось время удивить-

ся, почему Миллер считает, что ему необходимо не спускать глаз с каменоломни. «А что может случиться с камнем? Я никогда не слышал, чтобы Краснокожие воровали камни». Мишур подмигнул ему. «Иногда здесь творятся чудные дела. Особенно с мельничными жерновами».

Алвин уже завязывал узлы, перешучиваясь с Дэвидом и Калмом. Он изо всех сил старался связать веревки покрепче, но Сказитель видел. что его дар проявлялся вовсе не в вязании узлов. Когда Алвин-младший затягивал веревки, они слегка закручивались и врезались в дерево, сжимая жерди до тех пор, пока они не становились почти сплошным куском дерева. Это происходило едва заметно, и если бы Сказитель не вглядывался, то вряд ли что-нибудь заметил бы. Но это происходило. Все, что завязывал Алвин-младший, было связано на совесть.

«Связано так, что сгодилось бы и для плота», отступив назад полюбоваться работой, сказал Алвин-младший.

«Ну, на этот раз он поплывет по твердой земле», сказал Мишур. «Па сказал, что на этот раз он даже мочиться в воду не станет». Поскольку солнце было уже низко на западе, они принялись разжигать костер. Днем их грела работа, но ночью

понадобится огонь, чтобы отпугивать зверей и спасаться от осеннего холода.

Миллер так и не спустился вниз даже на ужин, и когда Калм собрался отнести еду отцу на вершину холма, Сказитель предложил отправиться с ним вместе.

«Ну, я не знаю», сказал Калм. «По-моему, тебе незачем это делать».

«Я этого хочу».

«Па… ему не нравится, если в такое время у камня соберется много народу». Калм выглядел слегка смущенным. «Понимаешь, он мельник, и это его камень».

"Один я — это не много народу. Калм не стал больше ничего говорить и Сказитель отправился за ним по тропе среди камней. По дороге они прошли мимо следов, оставшихся после вытесывания первых двух камней. Осколки, оставшиеся от них, были использованы, чтобы сделать ровным покрытие дорожки от скалы до подножия. Ниши были почти идеально круглыми. Сказитель и прежде имел дело с каменотесными работами, но никогда не видел, чтобы кто-нибудь рубил камень так — чтобы он сразу становился круглым без дополнительной обработки. Обычно вырубалась целая глыба, которая позже закруглялась

на земле. Было много причин делать это именно таким образом, но самой главной была та, что заднюю часть камня было просто невозможно обрабатывать, пока глыба не вырублена из скалы. Калм не замедлял шага, поэтому Сказитель не смог посмотреть поближе, но, судя по всему, не было никаких следов того, что каменотес в этой каменоломне как-то обрабатывал заднюю часть камня.

В новом месте все выглядело точно так же. Миллер сгребал осколки камня вниз по склону. Сказитель встал за его спиной и принялся в последних лучах дневного света рассматривать скалу. Всего за один день, работая в одиночку, Алвин-младший придал нужную форму передней части камня и сколол все лишнее по окружности. И хотя камень еще не был отделен от поверхности скалы, он уже был фактически отполированным. И к тому же была уже проделана центральная дыра для присоединения жернова к механизму мельницы. И не было никакой видимой возможности установить резец так, чтобы обрубить обратную сторону. «Да, у парня настоящий дар», сказал Сказитель.

Миллер согласно пробурчал.

«Я слышал, ты собираешься провести ночь

здесь».

«Правильно слышал».

«Не имеешь ничего против, если я составлю тебе компанию?»

Калм закатил глаза.

Но чуть помедлив, Миллер пожал плечами. «Устраивайся». Калм смотрел на Сказителя широко открытыми глазами и поднял брови, как бы говоря, что чудеса еще случаются.

Поставив ужин Миллера на землю, Калм ушел. Миллер уселся на расчищенном от осколков пятачке. «Ты уже ел?»

«Я соберу дрова для ночного костра», сказал Сказитель. «Пока еще светло. Ешь ты.»

«Постерегись змей», сказал Миллер. «Они почти все уже заснули на зиму, но всякое бывает».

Сказитель смотрел себе под ноги, ища змей, но ни одной не обнаружил. И вскоре у них уже пылал хороший костер, сложенный из больших бревен, которые будут гореть всю ночь.

Завернувшись в свои одеяла, они лежали в свете костра. Сказителю казалось, что Миллер мог бы найти землю помягче в нескольких ярдах от каменоломни. Но, видимо, ему было важней иметь камень все время перед глазами.

Сказитель начал разговор. Тихо, но настойчиво

он говорил о том, как тяжело, наверное, быть отцом, видеть, как растут сыновья, возлагать на них столько надежд, но в то же время знать, что в любой момент может прийти смерть и забрать кого-нибудь из них. Тема была выбрана правильно, потому что вскоре уже говорил только Миллер. Он рассказал о том, как его первенец Вигор погиб в Хатрак-ривер всего через несколько минут после рождения Алвина-младшего. А потом стал рассказывать о тех бесчисленных случаях, когда Алвин-младший чуть было не погиб сам. «Всегда из-за воды», сказал он в конце своего рассказа. «Никто мне не верит, но это так. Всегда вода». «Весь вопрос в том», сказал Сказитель. «Пытается ли вода совершить злое дело, убив ни в чем не повинного мальчика? Или она творит добро, пытаясь уничтожить злую силу?»

Такой вопрос многих бы рассердил, но Сказитель уже перестал пытаться угадать, когда и почему Миллер выходит из себя. На этот раз все обошлось. «Я сам думал об этом», сказал Миллер. «Я давно за ним наблюдаю, Сказитель. Конечно, у него явно есть дар вызывать к себе любовь других. Даже своих сестер. Они нещадно его изводят с тех самых пор, как он стал достаточно большим, чтобы суметь плюнуть им в еду. И среди них уже

не найдется ни одной, кто не нашла бы способа преподнести ему сюрприз не из числа тех, которые дарят на Рождество. Они сшивали вместе его носки, пачкали сажей сиденье уборной, утыкивали иголками его ночную рубашку, и все же все они готовы умереть за него».

«Я знаю», сказал Сказитель. «что многие люди обладают даром завоевывать любовь других, не заслуживая этого».

«Я тоже этого боялся», сказал Миллер. «Но мальчик сам не подозревает о своем даре. Он не заставляет людей делать то, что хочется ему. Он позволяет мне наказывать его, когда он не прав. А ведь если бы он захотел, то смог бы меня остановить».

«Как?»

«Потому что он знает, что иногда я гляжу на него и вижу моего мальчика Вигора, моего первенца, и тогда я не способен причинить ему никакого вреда, даже если этот вред пойдет ему на пользу».

Может, эта причина отчасти и правда, подумал Сказитель. Но правда не вся.

Чуть позднее, когда Сказитель пошевелил костер, чтобы дерево лучше разгорелось, Миллер наконец-то рассказал ему ту самую историю,

которую Сказитель хотел от него услышать.

«У меня есть история», сказал он. «которая может пригодиться для твоей книги».

«Давай посмотрим, что это за история», сказал Сказитель.

«Впрочем, произошла она не со мной».

«Надо, чтобы это было бы что-то, что ты видел бы своими глазами», сказал Сказитель. «Я слышал самые причудливые истории, о которых кто-то слышал, что они произошли с друзьями их друзей». «О, я видел это сам. Все это происходит на протяжении многих лет и я уже говорил с этим человеком несколько раз. Это один из шведов, живущих ниже по реке, и он говорит по-английски так же хорошо, как и я. Когда он только-только приехал, мы помогли ему поставить хижину и амбар, это было через год после нашего приезда. Я тогда, помню, еще к нему присматривался. В общем, был у него мальчик, светловолосый шведский мальчик, ну, ты знаешь, какими они бывают».

«Волосы почти белого цвета?»

"Как изморозь на утреннем солнце, такие белые, и еще сверкающие.

Прекрасный мальчик".

«Могу себе представить», сказал Сказитель.

«Ну, и папа очень любил его. Больше своей жизни. Ты знаешь эту историю из Библии, про отца, который отдал своему мальчику разноцветную одежду?» «Слыхал».

«Вот так и он любил своего мальчика. Но я собственными глазами видел как, когда они вдвоем шли вдоль реки, отец вдруг вроде как споткнулся и взял да столкнул своего сына, отправил парня кувырком прямо в Уоббиш. Ну, в общем, потом мальчишка зацепился за какую-то корягу и мы с отцом помогли ему выбраться на берег, но все это было ужасно — ведь отец мог убить своего собственного сына. Конечно, он сделал это не нарочно, но это не помешало бы мальчику погибнуть, а отцу всю жизнь винить себя». «Мне кажется, отец этого не смог бы пережить». «Конечно. Вскоре я с ним встретился. Он тогда колол дрова, и вдруг ни с того ни с сего так замахнулся топором, что если бы мальчик в этот момент не поскользнулся и не упал бы, то топор угодил бы ему прямо в голову, а мне еще не довелось встретить никого, кто после такого удара остался бы в живых». «Мне тоже».

"И тогда я попытался представить себе, как это могло произойти. О чем мог думать отец. Поэтому однажды я подошел к нему и спросил: «Нильс,

ты должен быть поосторожнее с этим мальчиком. Если ты будешь так размахивать топором, то когда-нибудь снесешь ему голову». И Нильс сказал мне, «Мистер Миллер, это была не случайность». Знаешь, я прямо ошалел. Как это так, не случайность? И он сказал мне, "Ты не можешь себе представить, каково мне приходится. Иногда мне кажется, что меня околдовала какая-нибудь ведьма или в меня вселился дьявол, но в тот день я просто работал себе и думал о том, как я люблю этого мальчика, когда внезапно мне захотелось его убить. Впервые меня посетило это чувство, когда он был еще младенцем и я стоял на лестнице с ним на руках. Какой-то голос вдруг сказал мне: «Сбрось его вниз!». И я по-настоящему хотел это сделать, хотя в то же время знал, что это было бы самое ужасное дело на свете. Мне хотелось сбросить его вниз так, как ребенку хочется раздавить таракана коробкой. Я хотел увидеть, как от удара о пол треснет его голова.

Ну, я поборол это чувство, загнал его далеко внутрь и прижал к себе моего мальчика так крепко, будто хотел придушить его. И потом, положив его назад в люльку, я уже знал, что никогда больше не смогу пронести его по лестнице.

Но ведь не мог же я вообще никогда к нему не

подходить! Это был мой мальчик и он вырос таким умным, добрым и прекрасным, что я не мог не полюбить его. Когда я пытался держаться от него подальше, он плакал, потому что его папа с ним не играет. Но если я был с ним, то это чувство возвращалось снова и снова. Не каждый день, но часто, и иногда так внезапно, что я делал что-нибудь, не успев осознать что делаю. Так было и в тот день, когда я столкнул его в воду, я всего лишь оступился, всего лишь подтолкнул его, но я знал, что делаю неверный шаг и не успел остановиться. И я знаю, что когда-нибудь я опять не смогу остановить себя, я не хочу этого, но когда-нибудь, когда этот мальчик окажется у меня под рукой, я убью его". Сказитель видел, как рука Миллера шевельнулась, как если бы он хотел смахнуть слезу со своей щеки.

«Ведь это очень странно», сказал Миллер. «Когда кто-нибудь чувствует что-либо подобное к своему сыну».

«А у этого человека есть другие сыновья?»

«Несколько. А что?»

«Мне просто хотелось бы знать, чувствовал ли он желание убить и их тоже».

«Никакого, никогда. Я спрашивал его. Я спрашивал и он сказал, нет, ни капли».

«Ну так, мистер Миллер, что же ты сказал ему?»

Миллер несколько раз вдохнул и выдохнул. «Я не знал, что ему сказать. Некоторых вашей человеку вроде меня просто не понять. Например, почему вода пытается убить моего сына Алвина. И этот швед своего сына. Может, есть дети, которым просто не суждено выжить. А ты что думаешь, Сказитель?» «Я думаю, что есть дети, чья жизнь так важна, что кто-то — какая-то сила в этом мире — может хотеть их смерти. Но всегда есть и другие силы, может, даже более мощные, которым нужно, чтобы они оставались живыми». «Тогда почему эти силы не проявляются, Сказитель? Почему не появится какая-нибудь небесная сила, не подойдет к этому шведу и не скажет: „Не бойся, твой мальчик в безопасности, даже от тебя самого“?» «Может, эти силы не говорят словами. Может, они просто действуют».

«Пока действует только сила, желающая смерти». «Я ничего не знаю об этом шведском мальчике», сказал Сказитель. «но мне кажется, что твой сын кем-то очень сильно защищен. Судя по тому что ты рассказал, он уже десять раз должен был погибнуть». «Это верно».

«Мне кажется, он находится под чьей-то за-

шитой».

«Не очень-то надежной».

«Но вода ведь так и не смогла добраться до него?»

«Ей почти удалось это сделать, Сказитель».

«И с этим шведским мальчиком то же самое. Я знаю, что кто-то защищает его».

«Кто же?», спросил Миллер.

«Ну как кто, его собственный отец».

«Отец — его враг», сказал Миллер.

«Я так не думаю», сказал Сказитель. «Ты не слышал о том, как часто отцы случайно убивают своих детей? Они идут на охоту и пуля летит мимо цели. Фургон наезжает на ребенка или обрушивается на него. Это случается постоянно. Может быть, эти отцы не понимают, что происходит. Но этот швед осторожен, он замечает, что происходит, старается следить за собой и всегда вовремя останавливается».

Голос Миллера зазвучал не так безнадежно. «Ты говоришь так, будто этот отец не такой уж плохой человек».

«Если бы он был плох, мистер Миллер, его мальчик давно был бы уже мертв и похоронен».

«Может быть. Может быть».

Миллер надолго задумался. Так надолго, что

Сказитель начал уже слегка подремывать. Он очнулся, когда Миллер уже говорил:

«… и лучше не становилось, а все хуже и хуже. Труднее защищаться от этого чувства. Не так давно он стоял на чердаке в своей… своем амбаре и сбрасывал вилами солому вниз. А внизу стоял его мальчик и все, что ему нужно было сделать — это случайно выпустить вилы из рук так, чтобы они упали вниз, легче ничего не придумаешь, он мог бы потом сказать, что они выскользнули и никто бы ничего не узнал. Пусть себе летят и проткнут мальчика насквозь. И он был готов это сделать. Ты понимаешь меня? Было так тяжело с этим бороться, куда труднее чем прежде, и он просто сдался. Решил уже, что он возьмет и сделает это. И в этот самый момент в дверях появился незнакомец и закричал: „Нет!“. И тогда я опустил вилы», так он сказал. «я опустил вилы, но меня всего так трясло, что я едва мог ходить. Я знал, что незнакомец увидел меня в тот момент, когда в сердце моем царило убийство, и он должен был подумать, что я самый страшный человек в мире, который даже может задумывать убийство собственного сына, он ведь даже догадаться не мог, как я боролся все эти годы…»

«Может так статься, что этот незнакомец знал

кое-что о тех силах, которые действуют внутри человека», сказал Сказитель. «Ты так думаешь?»

«О, я не могу быть уверен, но может этот незнакомец увидел также как этот отец любит своего мальчика. Может, незнакомец долгое время сомневался, но в конце концов догадался, что у этого ребенка могучие, сверхъестественные враги. И еще, может, позже он начал понимать, что сколько бы ни было у мальчика врагов, его отец не среди них. Не среди врагов. И он хотел бы кое-что сказать отцу».

«Что же он такое хотел сказать?». Миллер опять протер глаза рукавом.

«Что, как ты думаешь, этот незнакомец мог бы захотеть сказать?» «Может быть, он хотел сказать: „Ты сделал все, что мог, и теперь это сильнее тебя. Теперь ты должен отослать мальчика. К родственникам на восток, или подмастерьем в какой-нибудь городок“. Это должно быть нелегко для отца, раз он так любит мальчика, но он сделает это, потому что знает, что настоящая любовь проявляется в том, чтобы уберечь мальчика от опасности». «Да», сказал Миллер.

«По этой же причине», сказал Сказитель. «Тебе, возможно, стоит сделать что-нибудь подобное и с твоим мальчиком, с Алвином». «Возможно»,

сказал Миллер.

«Ты ведь сам говорил, что тут ему грозит опасность от воды. Кто-то, или скорее что-то защищает его. Но может быть, если бы Алвин жил не здесь...» «Тогда от некоторых опасностей он был бы защищен», сказал Миллер.

«Подумай об этом», сказал Сказитель.

«Это ужасно», сказал Миллер. «Посылать своего мальчика жить куда-то к незнакомым людям».

«Мне кажется, гораздо хуже будет, если придется похоронить его». «Да», сказал Миллер. «Хуже этого нет в мире ничего. Похоронить своего ребенка».

Больше они не разговаривали и через какое-то время оба уснули. Утро было холодным, с сильной изморозью и Миллер не позволил Алвину даже подойти близко к скале до тех пор, пока солнце не растопило влагу. Вместо этого они провели все утро, утрамбовывая землю от скалы до саней, чтобы было легче скатить камень с горы.

Теперь Сказитель был уже совершенно уверен, что для отделения камня от скалы Алвин, возможно, не понимая этого сам, использовал скрытые силы. Сказитель был очень заинтересован. Чтобы понять их природу, он хотел знать, насколько мошны эти силы. И раз Алвин-младший не по-

нимал что он делает, то Сказитель должен был выпытать это у него незаметно. «А как ты станешь обтачивать свой камень?», спросил он.

Миллер пожал плечами. «Раньше я пользовался Бурровским камнем. Когда их привозили, они уже были заточены под серп».

«Можешь показать мне, как это?», спросил Сказитель. Острием скребка Миллер нарисовал на изморози окружность. Затем пририсовал несколько исходящих из ее центра к краям дуг. Между каждой парой дуг он нарисовал дугу покороче, которая начиналась на краю, но заканчивалась не ближе чем в двух третях расстояния от центра. «Вот так», сказал Миллер. «У большинства мельниц в Пенсильвании и Сасквахэнни используется заточка под четверть», сказал Сказитель. «Знаешь, как?» «Покажи».

Тогда Сказитель нарисовал еще одну окружность. Она получилась не очень хорошо, потому что изморозь уже начала подтаивать, но рисунок был еще достаточно четким. Вместо идущих от центра к кромке кривых он нарисовал прямые линии и линии покороче ответвлялись от них и шли прямо к краю. «Некоторым мельникам это нравится больше, потому что жернов стачивается медленнее. И с этими прямыми линиями тебе бы-

ло бы легче добиться одинакового рисунка, когда ты станешь обтачивать камень». «Я понимаю», сказал Миллер. «Впрочем, не знаю. Я привык к этой кривой заточке».

«Ну что ж, делай как тебе удобнее. Я никогда не был мельником, так что тебе виднее. Я просто рассказываю истории о том, что видел.» «О, я не в обиде на тебя за то, что ты мне показал», сказал Миллер.

«Совсем не в обиде».

Алвин-младший стоял рядом, изучая обе окружности. «Я думаю, если мы все же доберемся с этим камнем до дома», сказал Миллер. «я попробую твою заточку. Должно быть, так помол будет чище». В конце концов земля высохла и Алвин-младший взобрался на поверхность скалы. Остальные братья уже были внизу, начав собирать лагерь и подводить лошадей к каменоломне. Одни только Миллер со Сказителем остались наблюдать за тем, как Ал-младший тащит свой молот к разработке. Ему оставалось не так уж много работы, чтобы закруглить камень до конца. К изумлению Сказителя, когда Алвин-младший вставил резец в нужное место и звякнул по нему молоточком, то целый пласт камня около шести дюймов толщиной отвалился от поверхности

скалы и грохнулся о землю. «Э, да этот камень мягкий, как уголь», сказал Сказитель. «Какой же из него выйдет жернов, если он такой непрочный?» Миллер усмехнулся и покачал головой.

Ал-младший отступил от камня назад. «Нет, Сказитель, это твердый камень, просто надо знать нужное место, чтобы расколоть его. Попробуй и ты увидишь».

Он протянул молот и резец. Сказитель взял их и подошел к камню.

Осторожно вложил резец в камень под углом чуть большим перпендикуляра.

Затем, после тройного легкого постукивания, он нанес удар молотом. Резец выскочил из его левой руки и отдача от удара была так сильна, что он выронил молот. «Простите», сказал он. «Я уже занимался этим раньше, но наверное потерял навык».

«Ну, это просто камень», сказал Алвин-младший. "У него есть свой норов.

Он поддается только в особых направлениях".

Сказитель осмотрел то место, в котором он пытался расколоть камень. И не смог найти его. Удар, в который он вложил всю свою силу, не оставил на нем даже следа.

Алвин-младший поднял инструменты и прило-

жил к камню резец. Сказителю показалось, что он направил его в то же самое место. Но Ал вел себя так, как будто резец был направлен совсем по-другому. «Смотри, это делается под таким вот углом. Вот так».

Он ударил молотком, зазвенело железо, раздался треск камня, и отколотый каменный пласт опять обрушился на землю.

«Теперь я понимаю, почему ты припас эту работенку для него», сказал Сказитель.

«Похоже, у него неплохо получается», сказал Миллер. Всего за несколько минут камень стал полностью круглым. Сказитель стоял, молча наблюдая за тем, что будет делать Алвин. Мальчик отложил инструменты, подошел к жернову и обхватил его руками. Правую руку он засунул за камень, левой начал ощупывать разлом с другой стороны. Потом прижался щекой к камню. Глаза его были закрыты. Со стороны казалось, будто он прислушивается к чему-то, что происходит в глубине. Алвин начал издавать слабый вибрирующий звук. Едва слышный бессмысленный напев. Пошевелил руками. Изменил позу. Приложил другое ухо. «Вот это да», сказал Алвин. «Прямо трудно поверить».

«Поверить во что?», спросил его отец.

«Похоже, что несколько последних ударов задали настоящую встряску этому камню. Задняя часть уже полностью отделилась от скалы». «То есть, жернов уже ничем не закреплен?»

«Я думаю, мы можем попытаться откатить его назад», сказал Алвин. «Без веревок, конечно, не обойтись, но, похоже, мы вытащим его без особого труда».

Подоспели братья с веревками и лошадьми. Алвин просунул веревку за камень. И хотя задняя часть камня не подверглась ни одному удару, веревка с легкостью прошла. Потом еще одну веревку, и еще одну, и вот они уже задергались то влево, то вправо, вытаскивая тяжелый камень из его ниши в толще скалы.

«Если бы я не видел этого своими глазами», пробормотал Сказитель.

«Но ты видел», сказал Миллер.

Между камнем и скалой все еще оставался зазор в несколько дюймов, когда они уже перекинули веревки, продев их сквозь дыру в середине и привязав к упряжке лошадей, стоящей выше на холме. «Теперь он и сам прекрасно покатится», объяснил Миллер. «А лошади будут противовесом». «Он должен быть тяжеловат».

«Справимся. Если только ты не собираешься

лечь на его пути», сказал Миллер.

Они принялись осторожно катить камень. Миллер сжал плечо Алвина, держа его подальше — и выше от камня. Сказитель помогал управиться с лошадьми, поэтому он смог взглянуть на обратную сторону камня только тогда, когда тот стоял уже внизу около саней.

Он был гладким, как спина младенца. Плоским, как лед в миске. И эту идеальную поверхность нарушала только заточка под четверть — прямые линии, расходящиеся от края центрального отверстия до кромки камня. Алвин подошел и встал около него. «Я все правильно сделал?», спросил он.

«Да», сказал Сказитель.

«Мне очень повезло», сказал мальчик. «Я как раз почувствовал, что камень готов расколоться вдоль этих линий. Ему самому так хотелось, так что это было легче легкого».

Сказитель протянул руку и слегка коснулся режущей кромки. Она была острая. Он взял палец в рот, пососал и почувствовал вкус крови. «Неплохая заточка, верно?», спросил Миллер. У него был такой тон, будто подобные вещи случались каждый день. Но Сказитель видел в его глазах благоговейный трепет.

«Хорошая работа», сказал Калм.

«Лучше я не видел», подтвердил Дэвид.

После этого при помощи тянущих в противовес лошадей они затащили камень на волокушу заточенной стороной вверх.

«Сказитель, ты не мог бы оказать мне услугу?», спросил Миллер.

«Если буду в силах».

«Забери Алвина домой. Его работа окончена».

«Нет, Папа!», закричал Алвин. Он подбежал к отцу. «Нельзя же отправить меня домой именно сейчас!»

"Нам не нужен десятилетний мальчишка под ногами, пока мы тащим такой здоровенный камень, ", сказал отец.

«Но я должен присмотреть за камнем, чтобы он не разбился и не раскололся, Па!»

Старшие сыновья выжидательно смотрели на отца. Интересно, чего они ждут, подумал Сказитель. Они явно уже слишком взрослые, чтобы обижаться на особую привязанность отца к седьмому сыну. И конечно, они хотели бы уберечь мальчика от опасности. В то же время для них было очень важным, чтобы камень добрался до места целым и невредимым и мельница наконец-то заработала. Не было сомнений что Алвин

обладал особой властью, способной уберечь камень. «Можешь ехать с нами до заката», в конце концов сдался Миллер. «Тогда мы уже будем недалеко от дома и ты со Сказителем отправишься домой и ляжешь спать.»

«Я не против,» сказал Сказитель.

Алвин-Младший был явно недоволен, но не стал возражать. Они вытащили волокушу на дорогу еще до полудня. Две лошади спереди и две сзади — для тормоза, были привязаны прямо к камню. Камень был положен на деревянную раму саней, которые катились по семи — восьми жердям одновременно. Волокуша двигалась вперед, подминая под себя новые жерди, положенные заранее поперек дороги. Как только жердь показывалась из-под задка саней, кто-нибудь из братьев сразу выпутывал ее из веревок задней упряжки, бежал вперед и клал сразу после передней. То есть каждый из них на одну милю пути пробегал почти по пять миль.

Сказитель тоже хотел присоединиться к ним, но Дэвид, Калм и Мишур и слышать не хотели об этом. В конце концов он стал присматривать за задней упряжью, а Алвин забрался на одну из лошадей. Миллер вел переднюю упряжку, все время оглядываясь чтобы убедиться что сыновья

поспевают за ним. Так они шли час за часом. Миллер предложил им остановиться передохнуть, но братья, казалось, не особо устали и Сказитель удивлялся, как хорошо жерди выдерживают нагрузку. Ни одна не раскололась о камень на дороге или от тяжести камня. Они, правда, сильно истерлись и выщербились, но не более того.

И, когда от солнца остался только кусочек в два пальца толщиной среди багряно-красных облаков, Сказитель увидел, как дорога привела их на знакомый луг. Весь путь им удалось проделать всего за один день. «Я думаю у меня самые сильные братья в мире,» тихо сказал Алвин. В этом-то я не сомневаюсь, подумал Сказитель. Если тебе удалось вырубить камень без помощи рук, потому что ты «нашел правильные направления» в камне, то не удивительно, что твои братья смогли найти в себе столько сил, сколько ты захотел в них увидеть. Сказитель опять попытался, как делал это уже не раз прежде, разгадать природу скрытых сил. Конечно, был какой-то закон природы, которому они подчинялись — Старый Бен всегда утверждал это. И вот перед нами мальчик, который своими верой и простым желанием сделать это способен резать камень как масло и придавать силы собственным братьям. Есть

такая теория, что скрытыми силами обладает человек, связанный с одной из стихий, но которая именно из них помогает Алвину? Земля? Воздух? Огонь? Наверняка не вода, потому что Сказитель верил рассказам Миллера. Как же так получается что, стоит Алвину захотеть, и сама земля расступается по его желанию, а другие, сколько бы усилий они не прилагали, не могут даже ветер заставить подуть?

К тому времени, когда они вкатили камень в двери мельницы, им уже понадобились свечи. «Может, успеем еще поставить его на место», сказал Миллер. Сказитель понял, какие страхи обуревают Миллера. Если он просто оставит камень стоять, утром он наверняка покатится и задавит одного ребенка, когда тот будет, ничего не подозревая, нести в дом воду. Раз уж камень был каким-то чудом привезен сюда с горы за один день, было бы глупо оставлять его где-нибудь кроме специально отведенного ему в мельнице места, основания из утрамбованной земли и камня.

Они завели упряжку лошадей внутрь и привязали ее к камню точно таким же образом, как во время спуска с горы. Чтобы, пока они будут опускать камень на основание, лошади могли тянуть

против его веса. Пока же камень находился на утрамбованной земле около круглого каменного основания. Мишур и Калм пристраивали под него два лома чтобы в нужный момент подтолкнуть так, чтобы он упал точно на отведенное ему место. Пока они занимались этим, камень слегка покачивался. Дэвид придерживал лошадей, потому что если лошади натянут веревки раньше времени, то камень грохнется на грязную землю как раз своей хрупкой заточенной поверхностью. Сказитель стоял в стороне, наблюдая за тем, как Миллер направляет сыновей своими совершенно бесполезными командами: «Осторожней!», «Давай!». Алвин стоял рядом с ним с тех самых пор, как они занесли камень внутрь. Одна из лошадей начала биться. Миллер сразу заметил это, крикнув: «Калм, помоги брату с лошадьми!» и сам сделал шаг в их сторону. В этот момент Сказитель внезапно обнаружил, что Алвин больше не стоит около него. Мальчик быстро шел к камню, неся в руках метлу. Наверное, он увидел валяющиеся на основании камешки и решил смести их. Лошади осадили назад; веревки провисли. И когда Алвин стоял уже позади камня, Сказитель вдруг понял, что теперь, когда веревки ослабли, уже ничего не мешает камню свалиться назад, если ему

вдруг вздумается это сделать. По всем законам разумного мира у камня не было никаких причин падать именно сейчас, но теперь Сказитель знал, что когда дело касается Алвина-младшего, ожидать чего-либо разумного не приходится. У мальчика был невидимый могучий враг и он не упустит такой удачи. Сказитель кинулся вперед. Когда он подбежал почти к самому камню, он почувствовал, как земля слегка вздрогнула у него под ногами и утоптанная грязь чуть-чуть подалась. Несильно, всего лишь на несколько дюймов, но этого оказалось достаточно, чтобы дрогнул и камень. А поскольку он находился в неуравновешенном состоянии, то достаточно и для того, чтобы остановить падение было уже невозможно. Камень падал прямо на подготовленное ему место на каменном основании, туда, где стоял Алвин. Сказитель с криком схватил Алвина за руку и выдернул его из-под камня. Только теперь мальчик увидел падающий прямо на него громадный жернов. Рывок Сказителя был достаточно сильным, чтобы откинуть Алвина на несколько футов, но этого было недостаточно. Ноги мальчика все еще лежали в тени камня, который стремительно падал, слишком быстро, чтобы Сказитель мог что-нибудь предпринять.

И ему оставалось только смотреть, как камень калечит ноги Алвина-младшего. Он знал, что такая рана означает неминуемую смерть, разве что мучения продолжатся дольше. Он не сумел спасти мальчика. И вдруг, наблюдая убийственное падение камня, он увидел, как в нем появилась трещина, менее чем через мгновение превратившаяся в разлом через всю толщину камня. Половинки разошлись, причем именно таким образом, чтобы упасть около ног Алвина, не задев их.

И, когда Сказитель уже увидел сквозь эту щель в камне свет фонаря, раздался крик самого Алвина: «Нет!»

Постороннему наблюдателю показалось бы, что Алвин кричит от страха неминуемой смерти при виде валящегося на него камня. Но для Сказителя, лежавшего на земле рядом с мальчиком, ослепленного светом фонаря, бьющего прямо через середину камня, этот крик означал и еще кое-что. Как и все дети, не думающий о грозящей ему опасности, Алвин закричал протестуя против порчи камня. После того, как он лично вытесал этот камень, после всех усилий, предпринятых братьями, чтобы дотащить его до этого места, он просто не мог видеть, как жернов разрушается у

него на глазах. И раз он не мог этого видеть, этого и не произошло. Половинки камня прыгнули друг к другу как иголка, которая прыгает к магниту, и камень упал целым и невредимым.

Тень камня оказалась больше места его падения. Он не раздробил обеих ног Алвина. Его левая, поджатая под себя нога, осталась полностью невредимой. И все же правая нога попала прямо под кромку камня, которая разрезала его голень на глубину двух дюймов. Поскольку в это время Алвин как раз подтягивал ногу к себе, удар камня отбросил ногу в направлении движения. Он ободрал кожу и мускулы до самой кости, но все же не отрезал ногу полностью. Нога могла бы даже оказаться не сломленной, если бы под ней не лежала метла. Ударом камня нога была прижата к рукоятке метлы с такой силой, что обе кости нижней части ноги сломались. Острые края костей прорвали кожу и зажали рукоятку метлы как две стороны тисков. И все же нога осталась вне упавшего камня и поэтому кости были просто переломаны, а не стерты в пыль под весом камня.

В воздухе звенели грохот от удара камня о камень, крики изумления и горя, и над всем этим пронзительный страдающий крик мальчика,

который никогда еще не казался таким маленьким и беззащитным, как сейчас. Еще до того, как кто-нибудь успел подойти, Сказитель увидел, что обе ноги Алвина свободны от камня. Алвин пытался сесть и осмотреть свою рану. То, что он увидел, вместе с болью от раны, оказались слишком тяжелы для него и он потерял сознание. Первым подбежал отец Алвина; он не был ближе остальных, но двигался быстрее сыновей. Сказитель пытался успокоить его, потому что пока кости зажимали рукоятку, нога казалась целой. Миллер попытался поднять сына на руки, но зажатая нога не пускала его и боль вызвала у мальчика даже в бессознательном состоянии резкий стон. И тогда Мишур заставил себя, превозмогая боязнь причинить боль, нажать на ногу брата и освободить ее от рукояти метлы.

У Дэвида в руках уже был фонарь, и пока Миллер нес Алвина-младшего, он бежал сбоку и освещал путь. Мишур и Калм хотели идти за ними, но Сказитель позвал их. «Там есть женщины и Дэвид с вашим отцом», сказал он. «Надо, чтобы кто-нибудь приглядел за всем этим».

«Верно», сказал Калм. «Отцу теперь долго будет не до того». Молодые люди приподняли камень ломами так, чтобы Сказитель смог вытащить

из под него рукоятку метлы и веревки, все еще привязанные к лошадям. Втроем они вынесли все снаряжение из мельницы, потом оседлали лошадей и убрали все инструменты и припасы. Только после этого Сказитель вернулся в дом и обнаружил, что Алвин-младший спит в его кровати. «Я надеюсь, вы не против», тревожно спросила Анна.

«Конечно же нет», сказал Сказитель.

Остальные девочки и Калли убирали со стола после ужина. В комнате, бывшей раньше комнатой Сказителя, Фэйт с Миллером, оба мертвенно-бледные и с поджатыми губами, сидели около кровати, на которой лежал замотанный бинтами и бандажом Алвин.

У двери стоял Дэвид. «Это был чистый перелом», прошептал он Сказителю. «Но эти разрывы кожи… — мы боимся заражения. Он потерял всю кожу на передней части голени. Я даже не знаю, можно ли залечить такую рану, когда обнажена кость».

«Вы приложили кожу назад?», спросил Сказитель. «Мы приложили на место все то, что от нее осталось, и Мама пришила ее там».

«Правильно сделано», сказал Сказитель.

Фэйт подняла голову. «Вы понимаете что-ни-

будь в медицине, Сказитель?» «Столько, сколько может знать человек, годами старавшийся помочь чем может и живущий среди людей, знающих так же мало как и он сам». «Как же это случилось?», спросил Миллер. «Почему именно сейчас, после того, как столько раз все заканчивалось хорошо?» Он поднял глаза на Сказителя. «Мне начинало казаться, что у мальчика есть защитник». «Он есть у Алвина».

«Тогда этот защитник не смог его защитить».

«Смог», сказал Сказитель. «На какое-то мгновение, пока падал этот камень, я видел, как он раскололся, и щель была достаточно широка для того, чтобы вообще не коснуться мальчика».

«Как шпиль», прошептала Фэйт.

«Отец, мне кажется, я тоже это видел», сказал Дэвид. «Но когда он упал целым, я решил, что видел то, что хотел бы видеть, а не то, что было на самом деле».

«Сейчас в нем нет и трещины», сказал Миллер.

«Нет», сказал Сказитель. «Потому что Алвин-младший не захотел, чтобы жернов раскололся».

«Ты хочешь сказать, что он вновь срастил камень? Чтобы он ударил его и покалечил его ногу?»

«Я хочу сказать, что он думал не о ноге», сказал

Сказитель. «А о камне».

«О, мой мальчик, мой дорогой мальчик», прошептала Мама, бережно лаская бессознательно протянутую ей мальчиком руку. Когда она перебирала его пальцы, они слегка согнулись в ее руке, потом разогнулись опять. «Разве так может быть», спросил Дэвид. «Чтобы камень раскололся, а потом сросся опять, и все меньше чем за секунду?» «Может быть», сказал Сказитель. «Потому что это случилось». Фэйт опять коснулась пальцев сына, но на этот раз они не упали бессильно. Пальцы Алвина потянулись к материнской руке быстрее, чем прежде, потом сжались в кулак, и опять раскрылись.

«Он проснулся», сказал отец.

«Я принесу немного рому для мальчика», сказал Дэвид. "Чтобы унять боль.

У Армора в лавке есть".

«Нет», прошептал Алвин.

«Мальчик сказал нет», сказал Сказитель.

«Он же ничего не соображает из-за боли».

«Парень должен быть в полном сознании», сказал Сказитель. Он встал у кровати на колени справа от Фэйт так, чтобы быть ближе всех к лицу мальчика. «Алвин, ты слышишь меня?»

Алвин застонал. Это должно было значить «Да».

«Тогда послушай меня. Твоя нога очень сильно повреждена. Кости переломаны, но они остались на месте и могут срастись. Но кожа была ободрана, и хотя твоя мать пришила ее назад на место, вполне возможно, что кожа умрет и начнется гангрена, которая убьет тебя. Большинство хирургов отрезало бы тебе ногу, чтобы спасти жизнь».

Алвин замотал головой туда обратно, пытаясь закричать. Это прозвучало, как стон «Нет, нет нет!»

«Ты делаешь еще хуже», сердито сказала Фэйт.

Сказитель посмотрел на отца, взглядом ища разрешения продолжать.

«Не надо мучить мальчика», сказал Миллер.

«Есть поговорка», сказал Сказитель. «Яблоня не спрашивает у бука, как ей растить плоды, а лев у лошади, как ему схватить добычу». «Что это значит?», спросила Фэйт.

«Это значит, что я был бы дураком, если бы пытался научить его использовать силы, природу которых не понимаю. Но раз уж он не знает, как ими пользоваться, я думаю, мне стоит попытаться?» Миллер на секунду задумался. «Давай, Сказитель. Лучше, чтобы он знал всю правду и смог понять, способен он себя вылечить или нет». Сказитель осторожно сжал руку мальчика свои-

ми руками. «Алвин, ведь ты хочешь сохранить свою ногу? Тогда думай о ней так, как ты думал о камне. Ты должен думать о коже на ноге, о том, как она прирастает на место, как к кости опять прирастает мясо и все становится как раньше. Ты должен подробно представить себе все это. У тебя будет куча времени, пока ты лежишь здесь. Не думай о боли, думай о том, какой должна стать твоя нога, вновь целой и сильной».

Алвин лежал, зажмурив глаза от боли.

«Ты сделаешь это, Алвин? Попытаешься?»

«Нет», сказал Алвин.

«Ты должен победить боль, тогда ты сможешь использовать свой дар сохранять форму вашей».

«Я не буду», сказал Алвин.

«Но почему?», закричала Фэйт.

«Сияющий Человек», сказал Алвин. «Я обещал ему». Сказитель вспомнил клятву Алвина, данную Сияющему Человеку, и у него опустилось сердце.

«Кто это — Сияющий Человек?», спросил Миллер.

«Это… видение, которое у него было, когда он был маленьким». «Как же так получилось, что мы об этом ничего не слышали?», спросил Миллер.

«Это было в ту ночь, когда раскололся шпиль»,

сказал Сказитель. «Алвин обещал Сияющему Человеку, что никогда не станет использовать свою силу для собственной выгоды».

«Но Алвин», сказала Фэйт. «Это ведь не чтобы сделать тебя богатым или что-нибудь такое, а для того, чтобы спасти твою жизнь.» Мальчик лишь поморщился от боли и покачал головой. «Не могли бы вы оставить меня наедине с ним», сказал Сказитель. «Всего на несколько минут, чтобы я мог с ним переговорить». Сказитель не успел договорить, как Миллер уже вытолкал Фэйт за двери. «Алвин», сказал Сказитель. «Ты должен выслушать меня. Ты знаешь, что я не стану тебе лгать. Нет ничего важнее клятвы и я бы не стал толкать человека на клятвопреступление, даже чтобы спасти ему жизнь. Так что я не прошу тебя использовать свою власть для собственной пользы. Ты слышишь меня?»

Алвин кивнул.

«Подумай вот над чем. Подумай, как по всему этому миру проходит Разрушитель. Никто не видит, как он делает свою работу, как рушит и уничтожает все на земле. Никто кроме одного мальчика. Кто этот мальчик, Алвин?»

Губы Алвина прошептали слово, хотя ни одного звука не было слышно. Я.

«И этому мальчику дана сила, которую он сам еще полностью не понимает. Сила создавать против силы разрушать, которая есть у врага. И более того, Алвин, желание создавать. Мальчик, который на каждый промельк Разрушителя отвечает крупицей Созидания. Теперь скажи мне, Алвин, тот, кто помогает Разрушителю, друг или враг человечеству?»

Враг, прошептали губы Алвина.

«А если ты помогаешь Разрушителю уничтожить его самого опасного противника, тогда ты враг человечеству или нет?» «Ты все переворачиваешь», с трудом выдавил из себя мальчик. «Я все проясняю», сказал Сказитель. «Ты поклялся никогда не использовать свою силу для собственной пользы. Но если ты умрешь, то это принесет пользу только Разрушителю, а если ты будешь жить, если вылечишь свою ногу, то это будет на пользу всему человечеству. Да, Алвин, раз уж это принесет пользу всему человечеству, то тут не о чем больше говорить». Алвин заплакал, и заставила его плакать не боль тела, а та боль, которую он чувствовал в своей душе.

"Но твоя клятва была ясной, так ведь? Никогда для собственной пользы.

Так почему бы тебе не дать еще одну клятву,

чтобы не нарушать старую. Поклянись, что ты посвятишь свою жизнь борьбе с Разрушителем. Если ты сдержишь эту клятву — а ты сдержишь, Алвин, ты мальчик, который держит свое слово — если ты сдержишь эту клятву, тогда спасение твоей жизни принесет пользу только другим, а вовсе не тебе самому". Сказитель ждал, ждал, и, наконец, Алвин кивнул головой. «Алвин-младший, клянешься ли ты, что проживешь свою жизнь для того, чтобы победить Разрушителя, чтобы делать вещи целыми и правильными?» «Да», прошептал мальчик.

«Тогда я говорю тебе, что согласно твоему собственному обещанию, ты должен исцелить себя».

Алвин ухватился за руку Сказителя. «Как?», прошептал он. «Этого я не знаю, мальчик», сказал Сказитель. Как использовать свою власть — ответ на этот вопрос ты должен отыскать в себе. Могу сказать тебе, что ты должен попытаться, или враг одержит победу и я должен буду закончить твою историю описанием того, как твое тело будет опушено в могилу". К удивлению Сказителя, Алвин улыбнулся, и тогда Сказитель понял, что действительно сказал смешную вещь. Эта история закончится могилой, что бы Алвин сегодня

не делал. «Ты прав, мальчик», сказал Сказитель. «Но я был бы не против вписать еще несколько страниц, пока не кончилась Книга Алвина». «Я постараюсь», прошептал Алвин.

Если он действительно постарается, то все будет в порядке. Защитник Алвина слишком много сил потратил на него, чтобы взять и оставить его умирать. Сказитель не сомневался, что у Алвина хватит сил исцелить себя, главное чтобы он знал, как это сделать. Его тело было устроено гораздо сложнее, чем камень. Но если он хотел выжить, то должен был понять, как работает это тело и как он может срастить переломанные кости. Сказителю постелили в большой комнате. Он предложил поспать на полу у кровати Алвина, но Миллер покачал головой и ответил: «Это мое место». Оказалось, что заснуть в эту ночь Сказителю было нелегко. И в середине ночи он сдался, зажег фонарь щепкой из очага, надел свою куртку и отправился наружу.

Ветер был резким. Собиралась буря и, судя по запаху, которым был наполнен воздух, со снегом. В большом хлеву беспокойно метались животные. Сказителю подумалось, что снаружи он мог оказаться не один. В ночи могли таиться Краснокожие, они могли даже бродить среди строений

фермы, наблюдая за ним. Он даже слегка поежился, но потом отбросил страх. Этой ночью было слишком холодно. Даже самые кровожадные и ненавидящие Белых Чок-Тавы и Кри-Эки, лазутчики которых иногда приходили с юга, были не так глупы, чтобы оказаться на открытом пространстве, когда близится такая сильная буря. Скоро выпадет снег, первый в этом году, но сильный. Завтра он будет идти целый день, Сказитель чувствовал это, он знал, что воздух за грозовыми облаками будет еще холоднее, такой холодный, что снег будет сухим и пушистым, такой снег обычно валит часами, покрывая землю все более и более толстым слоем. Если бы Алвин не помог им дотащить камень до дома за один день, им бы пришлось пытаться дотащить его среди снежной бури. Стало бы скользко и могло б случиться что-нибудь похуже происшедшего. Сказитель очнулся от раздумий, стоя внутри мельницы и рассматривая камень. Он выглядел таким массивным, что трудно было представить себе, что его можно было тащить. Сказитель вновь прикоснулся к режущей кромке, пытаясь не порезаться. Провел пальцами по мелким бороздкам заточки, где будет собираться мука, когда большое водяное колесо повернет ось и заставит жернов вращать-

ся и вращаться на мельнице так же неуклонно, как Земля все вращается и вращается вокруг Солнца, год за годом превращая время в пыль так же, как мельница превращает зерно в муку.

Он посмотрел вниз на то место, где земля слегка подалась под камнем, качнула его и почти убила мальчика. Дно ямки блеснуло при свете фонаря. Сказитель встал на колени и погрузил свой палец на полдюйма в воду. Должно быть, она долго собиралась здесь, подтачивая грунт, вымывая почву. И так, чтобы никто не мог увидеть влагу. Но вполне достаточно для того, чтобы под давлением большой тяжести она поддалась.

Эй, Разрушитель, подумал Сказитель, покажись же мне и я построю такой дом, что ты навсегда будешь заточен в нем. Но как он не старался, ему не удавалось увидеть то дрожание воздуха, которое было видно седьмому сыну Алвина Миллера. В конце концов Сказитель поднял фонарь и вышел из мельницы. Первые хлопья снега уже падали. Ветер почти утих. Снег шел все быстрее и быстрее, танцуя в свете фонаря. И когда он подошел к дому, земля уже посветлела от снега и лес был больше не виден. Он вошел в дом, лег на пол, даже не снимая ботинок, и мгновенно уснул.

Глава 12
КНИГА

Днем и ночью они поддерживали огонь из трех больших бревен так, что от каменных стен пыхало жаром и воздух в комнате был сухим. Алвин неподвижно лежал на кровати, нога его весом бандажей и повязок была прижата к кровати как якорь, а тело плыло, покачивалось и металось по всей кровати. У него кружилась голова и слегка поташнивало.

Но он не замечал ни веса ноги, ни головокружения. Врагом его была боль, чьи биение и толчки отвлекали его разум от той задачи, которую поставил ему Сказитель: излечить себя.

Но боль была и его союзником. Она выстроила вокруг него такую стену, что он едва сознавал, что находится в доме, в комнате, на кровати. Внешний мир мог сгореть и превратиться в пепел и он этого не заметил бы. Сейчас Алвин был погружен только в свой внутренний мир. Сказитель и наполовину не представлял себе того, о чем говорил. Дело тут было не в том, чтобы просто представить себе что-нибудь. Если

он представит себе, что его нога излечилась, то лучше ей от этого не станет. Но все же, в главном Сказитель был прав. Если Алвин мог чувствовать камень, находить его сильные и слабые места и приказывать им где ломаться, а где оставаться прочными, почему бы ему не сделать этого с кожей и костью? Сложность была в том, что плоть и кость были так перемешаны. Камень был одинаковым везде, но каждый слой плоти отличался от предыдущего, и было очень нелегко разобраться что как устроено. Так он и лежал на кровати с закрытыми глазами, впервые пытаясь вглядеться внутрь своего собственного тела. Вначале он попытался проследить источник боли, но это ничего не давало, потому что когда он добрался до этого места, там все было раздавлено, разорвано и перемешано так, что невозможно отличить верх от низа. После долгих попыток Алвин решил применить другой подход. Он стал прислушиваться к биению собственного сердца. Первое время боль отвлекала его, но вскоре его внимание было полностью замкнуто на этом звуке. Даже если во внешнем мире и существовал какой-нибудь шум, он об этом ничего не знал, потому что боль отгородила его от всего. А сам ритм сердцебиения если и не полностью, то хотя

бы отчасти отгородил его от боли. Он проследил движение крови, крупных сильных потоков и маленьких ручейков. Иногда он в них терялся. Иногда импульс боли от ноги пробивался и замутнял его сознание. Но шаг за шагом он нашел путь к неповрежденным кости и плоти здоровой ноги. Ток крови здесь не был и наполовину так стремителен, но он вел туда, куда нужно. Плоть ноги состояла здесь из множества слоев, как в луковице. Он изучил их порядок, разобрался в том, как переплетаются между собой мускулы, как мельчайшие венозные сосуды пронизывают ногу насквозь, как происходит сжатие и растяжение ткани и как плотно все связано внутри нее.

Только после этого он разыскал путь к раненой ноге. Кусок мяса, пришитый Мамой, почти совсем омертвел и начал гнить. Теперь Алвин-младший уже знал, что нужно этой части тела для того, чтобы она могла жить. Он нашел разорванные концы артерий вокруг раны и попытался приказать им расти так, как он делал это с камнем, когда заставлял трещины внутри него разрастаться. Сделать это с камнем было очень просто, если сравнить с нынешней задачей, надо было только начать. С живой плотью все происходило гораздо медленнее, и вскоре он отказался от мыс-

ли восстановить кровеносную систему целиком и занялся только крупными артериями.

Алвин начал понимать, как использовать различные кусочки для перестройки ткани. Многие веши происходили так быстро, были такими мелкими и сложными, что мальчик не мог охватить их своим сознанием. Но он мог заставить свое тело вырабатывать то, что нужно было артериям для роста. Он мог посылать это в нужное место, и через некоторое время омертвевшая ткань была уже соединена артериями с остальным телом. Работа эта была нелегкой, но в конце концов он разыскал все концы пересохших артерий, соединил их и послал поток крови в пришитый кусок.

Слишком рано и слишком быстро. Он ощутил на своей ноге теплоту от крови, сочащейся из дюжины мест на мертвом куске кожи. Она не смогла выдержать такого объема посланной туда крови. Медленней, медленней, медленней. Он опять послал кровь в поврежденное место, но не толчком, как прежде, теперь она едва сочилась, и вновь присоединил сосуды и артерии к венам, пытаясь сделать их такими же, как на неповрежденной ноге. В конце концов дело было сделано и нормальное кровообращение восстановилось. Многие участки мертвого мяса ожили, когда

кровь вернулась. Другие же оставались мертвыми. Алвин продолжал и продолжал омывать рану кровью, смывая мертвую ткань, размывая ее в такие маленькие кусочки и частички, что уже не мог их различить. Но живая ткань их различала и начинала перерабатывать. Куда бы ни дотягивался Алвин, везде плоть начинала расти.

До тех пор, пока он так не устал от тяжелой работы, не дававшей ему даже подумать, что против своей воли заснул.

«Я не хочу его будить».

«Нельзя поменять перевязку, не прикоснувшись к ней, Фэйт».

«Ну ладно, тогда — ох, осторожней, Алвин! Нет, дай мне!»

«Я уже делал это прежде…»

«С коровами, Алвин, а не с маленькими мальчиками!» Алвин-младший почувствовал на своей ноге давление. Что-то сдавило его рану. Боль была уже не такой сильной, как вчера. Но он все еще был слишком усталым для того, чтобы открыть глаза. Даже для того, чтобы издать стон и дать им понять, что он очнулся и может их слышать. «Судя по всему, Фэйт, он потерял ночью много крови».

«Мама, Мэри сказала, что я должен…»

«Закрой рот и выметайся отсюда, Калли! Ты что, не видишь, что Мама…»

«Не надо кричать на мальчика, Алвин. Ему только семь лет». «Семь лет — это достаточно для того, чтобы держать рот на замке и оставлять взрослых в покое, когда они… Посмотри-ка сюда». «Я не могу поверить».

«Я ожидал увидеть, что гной течет как молоко из вымени коровы».

«Чище и не бывает. Ни следа гноя».

«И мясо нарастает, видишь? Похоже, пришитый кусок приживается».

«Я не могла и надеяться, что мясо будет жить».

«Даже кости уже не видно».

«Господь Бог благословил нас. Я молилась все ночь, Алвин, и смотри, что сделал Господь».

«Ну, тогда неплохо бы тебе помолиться получше, чтобы он излечился полностью. Мне нужен этот мальчик для работы». «Не богохульствуй в моем присутствии, Алвин Миллер.» «Просто меня тошнит от того, как люди сваливают все на Бога. Может, Алвин просто хороший целитель, не приходило тебе это в голову?» «Смотри, твоя мерзкая болтовня разбудила мальчика».

«Спроси, не хочет ли он воды.»

«Хочет или нет, он ее получит.»

Алвин очень хотел. Пересох не только рот, но все его тело; ему нужно было вернуть себе ту влагу, которую оно потеряло с кровью. Поэтому он проглотил столько воды из поднесенной ко рту оловянной кружки, сколько смог. Много разлилось по лицу и шее, но едва ли он замечал это. Главным было то, сколько воды попало ему в желудок. Он откинулся назад и попытался разглядеть изнутри, что происходит с его раной. Но ему было слишком тяжело опять вернуться туда, слишком трудно сосредоточиться. Он сдался не пройдя и половины пути до поврежденного места.

Алвин снова проснулся и подумал, что либо опять наступила ночь, либо задернуты занавески. Он не смог выяснить этого точно, потому что боль вернулась с новой силой и хуже того: рана начала так зудеть, что он с трудом сдерживался, чтобы не расчесать ее. Через некоторое время он все же оказался способен добраться до раны, чтобы помочь расти новым слоям. Пока он спал, образовался тонкий, но сплошной слой здоровой ткани, закрывающий рану полностью. Тело под этим слоем продолжало восстанавливать уничтоженные мускулы и сращивать сломанные кости. Но больше не было ни потерь крови, ни

открытой раны, в которую могла попасть инфекция. «Посмотри-ка на это, Сказитель. Видел что-нибудь подобное?»

«Кожа как у новорожденного младенца.»

«Может быть я сошел с ума, но не вижу причины держать эту ногу в перевязке, разве что оставить шины для сломанной кости.» «Ни следа раны. Да, ты прав, бинты тут уже не нужны.» «Может, моя жена права, Сказитель. Может, Господь послал чудо и исцелил моего мальчика.»

«Вряд ли мы можем говорить о чем-то с уверенностью. Может, когда мальчик проснется, у него будет, что рассказать нам.» «Об этом пока нечего и думать. Все это время он даже не открывал глаза.»

«В одном мы можем быть уверены, мистер Миллер. Этот мальчик умирать не собирается. И это больше, чем то, на что я мог надеяться вчера.» «Я уже был готов сколотить ему ящик и упрятать под землю. Не надеялся, что он может выжить. Видишь, каким здоровым он выглядит? Хотел бы я знать что или кто защищает его.»

«Что бы его не защищало, мистер Миллер, мальчик еще сильнее. Тут есть над чем задуматься. Защитник расколол для него камень, но Алвин-младший соединил его снова и защитник

оказался бессилен что-либо изменить.» «Думаю, он должен понимать, что делает?»

«У него должно быть какое-то представление о своих силах. Он знал, что может сделать с камнем.»

«Честно говоря, я никогда не слышал, чтобы у кого-нибудь был такой дар. Я рассказал Фэйт о том, как он заточил заднюю часть камня даже не коснувшись его инструментом. А она стала читать мне из Книги Даниила и кричать об исполнении пророчеств. Хотела прибежать сюда и предупредить мальчика о глиняных ногах. Одуреть можно! Религия сводит их с ума. Я еще не встречал ни одной женщины, которая не рехнулась бы на религии.» Дверь приоткрылась.

«Убирайся отсюда! Ты что, полный идиот, что я должен повторять тебе двадцать раз, Калли? Где его мать, разве это так трудно держать одного семилетнего мальчишку подальше от…»

«Полегче с парнем, Миллер. В любом случае, он уже ушел.» «Я не могу понять, что с ним происходит. С тех пор, как Ал-младший слег, я вижу лицо Калли везде, куда бы не взглянул. Как будто он гробовщик, который ищет работенку.»

«Может, ему это очень странно. Что Алвин ранен.»

«Сколько раз Алвин был на волосок от смерти...»

«Но ни разу не пострадал.»

Долгая тишина.

«Сказитель.»

«Да, мистер Миллер?»

"Ты был хорошим другом для нас здесь, хотя иногда мы сами мешали этому.

Но я думаю, ты по-прежнему путешественник?"

«Я им и остаюсь, мистер Миллер.»

«То что я хочу сказать, не означает, что я тебя прогоняю, но если вдруг ты когда-нибудь куда-нибудь вскорости отправишься, и если ты решишь двинуться в восточном направлении, то как ты думаешь, не смог бы ты передать письмо от меня?»

«Я буду рад. И совершенно бесплатно, для тебя и для твоего адресата». «Это похоже на тебя. Я вот думал о том, что ты сказал. О мальчике, которого нужно отослать от некоторых опасностей. И я стал воспоминать, где на земле есть такие люди, которым я мог бы доверить присмотреть за мальчиком. Там, в Новой Англии, у нас не осталось родни, о которой стоило бы говорить — и я не хотел бы, чтобы мальчика воспитали как пури-

танина». «Я рад слышать это, мистер Миллер, потому что у меня самого нет особой охоты снова увидеть Новую Англию».

"Если ты отправишься по дороге, проложенной нами когда мы шли на запад, то рано или поздно придешь в одно место на Хатрак-ривер, которое находится примерно в тридцати милях к северу от Хио и неподалеку от форта Дикэйн. Там будет, или, по крайней мере, был постоялый двор с кладбищем на задворках. На этом кладбище есть надгробный камень с надписью: «Вигор. Он умер, чтобы спасти родных».

«Ты хочешь, чтобы я взял мальчика с собой?»

«Нет, конечно нет, не сейчас, когда выпал снег. Вода…»

«Я понимаю».

«Там есть кузнец и, думаю, ему может понадобиться подмастерье. Алвин еще мал, но для своего возраста он крупный, и мне кажется, что кузнец не прогадает, взяв его».

«Подмастерьем?»

«Ну, а что ж мне, в рабство его продать, что ли? На то, чтобы послать его в школу, у меня нет денег».

«Я отнесу письмо. Но я хотел бы остаться до тех пор, пока мальчик не проснется, чтобы я мог

попрощаться с ним».

«А разве я собираюсь посылать тебя в путь на ночь глядя? Или даже завтра, когда снега навалит уже столько, что в нем запросто может утонуть зверь размером с кролика?»

«Оказывается, ты еще способен замечать, какая снаружи погода». «Погоду, при которой под ногами вода, я замечаю всегда», он криво усмехнулся и они вышли из комнаты.

Алвин-младший лежал и пытался понять, почему Папа отсылает его. Разве всю свою жизнь не старался он поступать правильно? Разве не старался помочь всегда, когда знал, как это сделать? Разве не ходил в школу Преподобного Троуэра, хотя тот делал все, чтобы разозлить Алвина и заставить его выглядеть глупым? И, в конце концов, разве не он добыл с горы отличный камень, всю дорогу следя за тем, чтобы тот не раскололся и был быстрее довезен до дома. И разве не он рисковал собственной ногой ради того, чтобы камень остался целым? А теперь они собираются отослать его отсюда. Подмастерье! У кузнеца. За всю свою жизнь он не видел еще ни одного кузнеца. До ближайшей кузницы было три дня езды и Папа никогда не брал его с собой. Никогда в жизни он еще не был дальше десяти миль от

родного дома. В общем, чем больше он думал обо всем этом, тем сильнее злился. Ведь он все время упрашивал Маму с Папой разрешить ему гулять одному по лесу, и они всегда отказывали ему. Всегда кто-нибудь присматривал за ним, как будто он пленник или раб и нужно следить за тем, чтобы он не убежал. И если он опаздывал куда-нибудь хоть на пять минут, они отправлялись искать его. Он никогда не отправлялся в дальний путь — самой дальней целью его поездок была каменоломня. И теперь, после того, как он всю свою жизнь провел взаперти, будто рождественская индейка, они собрались отослать его куда-то на край света.

Это было так ужасно несправедливо, что слезы подступили к его глазам, скопились в уголках глаз, и скатились по щекам прямо в уши, а это было так глупо, что он рассмеялся.

«Над чем это ты смеешься?» спросил Калли.

Алвин не слышал, как он зашел.

«Тебе уже лучше? Крови больше нигде нет, Ал?»

Калли прикоснулся к его щеке.

«Ты плачешь, потому что тебе больно?»

Возможно, Алвину и удалось бы ответить, но ему казалось, что открыть рот и попытаться вы-

давить из себя какие-то слова так тяжело, что он просто покачал головой, медленно и осторожно.

«Ты собираешься умереть, Алвин?», спросил Калли.

Он снова качнул головой.

«Эх», сказал Калли.

Он выглядел таким разочарованным, что это немного разозлило Алвина.

Разозлило достаточно для того, чтобы он все-таки открыл свой рот.

«Извини», пробормотал он.

«И вообще это нечестно», сказал Калли. "Я не хотел, чтобы ты умер, но они все говорили, что ты собираешься умереть. И я уже начал представлять себе, на что это может быть похоже, когда они станут заботиться и обо мне. Они все время смотрят только на тебя, а стоит мне сказать хоть самую малую малость, как мне говорят: «Убирайся, Калли!» или: «Заткнешься ты когда-нибудь наконец, Калли?» или: «Тебя никто не спрашивает, Калли!», «Тебе уже давно пора быть в постели, Калли!». И им наплевать, чем я занимаюсь. Лишь бы я не дрался с тобой, тогда они начинают орать: «Не устраивай здесь драк, Калли!»

«Для полевой мышки ты дерешься неплохо», хотел сказать Алвин, но так и не узнал наверняка,

удалось ли ему хотя бы пошевелить губами. "Знаешь, что я сделал однажды, когда мне было шесть лет? Я вышел из дома и попытался потеряться в лесу. Я шел и шел куда глаза глядят. Иногда я закрывал глаза и поворачивался несколько раз вокруг, так что я совсем не знал, где нахожусь. Должно быть, я бродил где-то целых полдня. И как ты думаешь, хоть кто-то отправился меня искать? В конце концов мне пришлось вернуться и разыскать дорогу домой самому. Никто не сказал мне: «Калли, где ты был целый день?». Мама сказала только: «Твои руки грязные, как зад больной лошади, иди и вымойся».

Алвин опять рассмеялся, почти беззвучно, и грудь его заколыхалась.

«Это смешно тебе. Все смотрят только на тебя». Алвин долго старался, чтобы на этот раз его было слышно. «Ты хочешь, чтобы я ушел?».

Калли долго молчал перед тем, как ответить. «Нет. Кто тогда станет играть со мной? Останутся только старые глупые двоюродные братья. Среди них всех не найдется никого, с кем бы было интересно побороться». «Я уйду», сказал Алвин.

«Да нет, куда ты уйдешь. Ты седьмой сын и они никогда не отпустят тебя».

«Уйду».

«Конечно, если считать по-моему, тогда я буду седьмым сыном. Дэвид, Калм, Мишур, Вэйстнот, Вонтнот, Алвин-младший — это ты, и потом я — получается семь».

«Вигор».

«Он умер. Он уже давно умер. Кто-нибудь должен сказать это Маме с Папой».

Алвин лежал, почти полностью обессиленный теми несколькими словами, которые он произнес. Больше Калли ничего такого особенного не сказал. Просто сидел около него, не говоря ни слова и очень крепко держа Алвина за руку. Очень скоро в голове у Алвина начало все плыть и он уже не был уверен, действительно ли Калли что-нибудь говорил или это был просто сон. Но все же он слышал, как Калли сказал, «Я никогда не хотел, чтобы ты умер, Алвин». А потом, кажется, еще добавил, «Я всегда хотел быть тобой». Но Алвин уже все равно поплыл в сон, и когда он опять проснулся, рядом с ним не было никого, а в доме стало тихо, не считая обычных ночных шорохов, и только ветер скрипел ставнями, а балки дома и дрова в амбаре трещали, сжимаясь от холода. Алвин вновь отправился в путь по собственному телу и продолжил работу над раной. На этот раз он не стал касаться кожи или мускулов. Теперь

настало время заняться костью. Его удивило то, что кость внутри оказалось не сплошь твердой, как камень, а была вся испещрена маленькими пустотами, напоминая кружево. Но вскоре он разобрался в ее устройстве и срастить разлом оказалось не такой уж сложной задачей.

И все же с этой костью по-прежнему что-то было не так. Что-то в его раненой ноге отличалось от неповрежденной. Но это что-то было таким маленьким, что он так и не смог его отыскать. Но Алвин знал, что чем бы это «что-то» ни было, из за него вся кость по-прежнему оставалась больной, все дело было в этом участке, который был очень мал, но сделать с ним что-либо никак не получалось. Как будто ты пытаешься поднять с земли снежинку — тебе кажется, что в руках у тебя что-то есть, а на самом деле там либо нет вообще ничего, либо что-то такое маленькое, что увидеть это вообще невозможно. Хотя, может, это «что-то» само как-нибудь исчезнет. Может, если все остальное выздоровеет, это больное место пройдет само собой.

Элеанор вернулась из родительского дома очень поздно. Армор считал, что жена должна поддерживать крепкие связи с родной семьей, но возвращаться домой в сумерках было опасно.

«Ходят толки о диких Краснокожих с юга», сказал Армор-оф-Год. «А ты шляешься тут по ночам».

«Я спешила домой», сказала она. «И я знаю дорогу в темноте». «Дело не в том, знаешь ты дорогу или нет,» сказал он сердито. «Французы раздают ружья в обмен на скальпы белых. Это не соблазнит людей Пророка, но есть еще немало диких Чок-Тавов, которые не прочь посетить Форт-Детройт, собирая по дороге скальпы.»

«Алвин, похоже, поправляется,» сказала Элеонор. Армор терпеть не мог, когда она вот так переводила разговор. Но это была такая новость, что он не мог не спросить «Значит они решили отрезать ногу?»

«Я видела ногу. Ей уже лучше. И Алвин-младший очнулся сегодня ближе к вечеру. Я даже говорила с ним.»

«Честное слово, Элли, я рад что он очнулся, но я надеюсь, ты не ждешь, что ноге станет лучше. Такая большая рана некоторое время может выглядеть так, будто она заживает, но гангрена все равно рано или поздно начнется» «Не думаю, что на этот раз будет так,» сказала она. «Ты хочешь есть?» «Я, наверное, сжевал уже две буханки хлеба, расхаживая по дому и думая, когда же ты

наконец вернешься.»

«Для мужчины нехорошо, когда у него такое брюхо.» «Ну да, у меня есть брюхо, и оно просит хорошей еды точно так же как брюхо любого другого человека.»

«Мама дала мне с собой сыру,» она вытащила его и положила на стол. У Армора были большие сомнения. Он подозревал, что сыр у Фэйт Миллер получался таким хорошим отчасти из-за того, что она что-то делала с молоком. В то же время, ни у кого не было такого хорошего сыра не только на берегах Уоббиш, но и вверх по течению Типи-Каноэ-Крик. И все же каждый раз ему было из-за этого сильно не по себе, ведь получалось, что он мирится с ведьмовством. И раз уж он был не в духе, то не мог так просто оставить предыдущую тему, хотя и видел, что Элеонор не хочет об этом говорить.

«Почему ты думаешь, что гангрены не будет?»

«Нога выздоравливает очень быстро,» сказала она.

«Как быстро?»

«Рана почти зажила»

«Как это почти?»

Элеанор обернулась, закатила глаза и опять отвернулась от него. Она начала резать яблоки,

чтобы подать их вместе с сыром. «Я спросил, как это — почти, Элли? Как это — почти выздоровела?»

«Совсем выздоровела.»

«Через два дня после того, как мельничный жернов подмял под себя всю верхнюю часть ноги, она уже выздоровела?»

«Только два дня?» сказала она. «Мне показалось прошла целая неделя.» «По календарю прошло два дня,» сказал Армор. «И это значит, что тут не без колдовства.»

«Я читала Писание и там человек, который умел исцелять не назывался колдуном.»

«Кто сделал это? Только не говори мне, что твои Па и Ма внезапно обрели такую силу. Они, что связались с дьяволом?»

Она обернулась, и нож все еще был в ее руках. В глазах у нее пылал гнев. «Па, может, и не из числа тех, кто ходит в церковь, но ноги дьявола в нашем доме не было никогда».

Преподобный Троуэр говорил другое, но Армор знал, что его лучше не впутывать в этот разговор. «Значит, это тот попрошайка?» «Он работает за свой ночлег и пропитание. Не менее всех остальных». «Говорят, он знал этого старого колдуна Бена Франклина. И этого безбожника с Аппала-

чей, Тома Джефферсона».

«Он рассказывает хорошие истории. И он не исцелял мальчика».

«Ну, так кто-то же это сделал?»

«Может, он просто сам исцелил себя? В любом случае, нога все еще сломана. Значит, это никакое не чудо. Он просто очень хороший целитель». «Может, он такой хороший целитель потому, что дьявол заботится о своих».

Она обернулась, и взглянув ей в глаза, Армор почти что пожелал взять свои слова обратно. Но, разрази меня Бог, говорил же Преподобный Троуэр, что этот мальчик опасен почти так же, как Зверь из Апокалипсиса. Но кем бы он ни был, зверем или мальчиком, в первую очередь это был брат Элли, и хотя обычно она была тихой и сдержанной, но, раз выйдя из себя, она становилась настоящим кошмаром.

«Возьми свои слова назад», сказала она.

«Ну вот, глупее этого я уж точно ничего не слышал. Как я могу взять назад то, что уже сказал?»

«Сказав, что ты знаешь, что это не так».

«Я не знаю, что это так, и я не знаю, что это не так. Я сказал — „может быть“, а если мужчина не может рассказать о своих догадках даже собственной жене, то видать с женой ему не особо

повезло». «Вот это похоже на правду», сказала она. «И если ты не возьмешь свои слова назад, то у тебя будет причина считать, что с женой тебе не повезло!» И она начала подходить к нему с двумя половинами яблока, по одной в каждой руке.

Обычно, когда она начинала вести себя так, то он начинал беготню от нее вокруг дома и она, даже если и была рассержена всерьез, в конце концов не выдерживала и начинала хохотать. Но на этот раз было не так. Она расплющила одну из половинок яблока у него на голове, кинула в него другую, и ушла, проделав это, наверх, в свою спальню плакать. Она была не из плаксивых, и поэтому Армор решил, что действительно обидел ее.

«Я беру свои слова назад, Элли», сказал он. «Он хороший мальчик, я знаю это».

«Мне все равно, что ты думаешь», сказала она. «Все равно ты ничего не понимаешь».

Вряд ли нашлось много мужей, которые, услышав такое от своей жены, не закатили бы ей оплеуху. Армору иногда хотелось, чтобы Элли побольше ценила те преимущества, которые дает ей благочестие ее мужа. «Кое-что я все-таки понимаю», сказал он.

«Они собираются отослать его», сказала она.

«Когда придет весна, они хотят отправить его в подмастерья. По-моему, его это мало порадовало, но он не пытается спорить, просто лежит в своей кровати, говорит очень тихо, но смотрит на меня и остальных так, будто прощается навсегда». «Зачем же они хотят отослать его?»

«Я же сказала тебе, чтобы он учился ремеслу». «После того, как они столько нянчились с этим ребенком, трудно поверить, что они выпустят его из-под своего наблюдения.» «Они собираются послать его далеко. Куда-то на восточную окраину Территории Хио, около Форта Дикэйн. Это же целых полпути к океану.» «А ты знаешь, если призадуматься, в этом есть свой смысл».

«Смысл?»

«Они хотят, чтобы он убрался подальше, раз уж началась эта заваруха с Краснокожими. Кто угодно может рисковать получить стрелу в голову, но только не Алвин-младший».

Она посмотрела на него с откровенным презрением. «Иногда ты так подозрителен, Армор-оф-Год, что меня тошнит от тебя». «Когда говоришь о том, что происходит на самом деле, подозрительность тут не причем».

«Ну да, если бы еще у тебя хватало ума, чтобы понять, что происходит». «Кстати, собираешься

ли ты смыть эти кусочки яблока из моих волос, или мне надо заставить тебя вычистить их твоим собственным языком?» «Я думаю, мне стоит сделать с этим что-нибудь, а не то все это будет на моем постельном белье».

Сказителю пришлось тащить с собой столько всякого барахла, что он чувствовал себя почти что вором. Две пары толстых чулок. Новое одеяло. Плащ из лосиной шкуры. Вяленое мясо и сыр. Хороший точильный камень. И многое другое из того что они, сами не подозревая об этом, дали ему. Отдохнувшее тело, избавившееся от боли и ломоты. Легкая походка. Приветливые лица, которые были еще свежи в его памяти. И истории. Истории, занесенные в запирающуюся часть книги, те, которые записывал он сам. И правдивые истории, с трудом накарябанные их собственными руками. И он отплатил им, по мере своих сил, сторицей. Залатанной на зиму крышей, и многими другими вещами, сделанными его руками. И, что более важно, все они видели книгу с записями Бена Франклина, заметками Тома Джефферсона, Бена Арнольда, Пата Генри, Джона Адамса, Алекса Гамильтона — и даже Аарона Бурра, относящиеся к времени до дуэли, и Дэниела Буна после дуэли. До прихода Сказителя

они были частью семьи, частью страны Уоббиш, и это было все. Теперь они знали куда больше. Война за независимость в Аппалачах. Американский Договор. Теперь, находясь в этой глуши, они тоже видели свой путь как одну из нитей среди множества других и чувствовали силу всей пряжи, состоящей из этих нитей. Нет, «пряжи» — сказано неудачно. Ковра. Хорошего, толстого, прочного ковра, на который смогут ступить те многие поколения американцев, которые придут после них. В этом есть своя поэзия: и когда-нибудь он напишет об этом поэму.

И еще кое-что оставил он им. Любимого сына, выхваченного из под падающего камня. Отца, который наконец-то набрался мужества, чтобы отослать сына подальше, чтобы не убить его своими руками. И имя, обретенное кошмаром мальчика, который теперь может понять, кто его настоящий враг. И мужество исцелить себя, нашептанное отчаявшемуся ребенку. И еще простенький рисунок, выжженный острием раскаленного ножа по дубовой доске. Он предпочел бы сделать это при помощи воска и кислоты на металле, но нигде здесь не было ничего подобного. Поэтому он попытался выжать из себя все, что мог, занявшись обычным выжиганием

по дереву. На картине был изображен молодой человек посреди могучей реки, запутавшийся в корнях плывущего дерева, ловящий ртом воздух и уже бесстрашно глядящий в глаза собственной смерти. Картинка была так проста, что в Академии Искусств Лорда-Протектора не вызвала бы ничего, кроме насмешек. Но Добрая Фэйт, увидев ее, прижала картину к груди и расплакалась, ее слезы капали на картину как последние капли дождя с карниза. И Алвин-отец, увидев ее, кивнул и сказал: «У тебя было видение, Сказитель. Ты никогда не видел его и нарисовал лицо похожим, как две капли воды. Это Вигор. Это мой мальчик». Сказав это, он тоже заплакал.

Они повесили его прямо над камином. Может, это и не великое искусство, подумал Сказитель, но в этой картине правда, и она значит для этих людей больше, чем может значить любой портрет для старого толстого лорда или депутата в Лондоне, Камелоте, Париже или Вене. «Утро уже наступило», сказала Добрая Фэйт. «Тебе еще предстоит долгий путь до темноты».

«Не вините меня за то, что я медлю с уходом. Хотя я рад, что вы доверили мне свое послание и я не подведу вас». Он похлопал себя по карману, в котором лежало письмо к кузнецу с Хатрак-ривер.

«Не можешь же ты уйти, даже не попрощавшись с мальчиком», сказал Миллер.

Он все откладывал и откладывал это прощание до тех пор, пока это только было возможно. Теперь он кивнул, оторвался от удобного кресла у огня и вошел в комнату, где ему спалось лучше, чем когда бы то ни было в жизни. Он был рад увидеть, что Алвин-младший уже открыл глаза, его лицо было живым, а не застывшим и искаженным от боли, как долгое время прежде. Но боль еще не ушла. Сказитель знал это.

«Ты уходишь?», спросил мальчик.

«Я уже считай ушел, осталось только сказать тебе до свидания». Алвин выглядел немного обиженным. «И ты даже не позволишь мне записать что-нибудь в твоей книге?»

«Ну знаешь, не все же пишут там что-нибудь».

«Папа писал. И Мама».

«И Калли тоже».

«Уверен, у него получилось неплохо», сказал Алвин. «Он пишет как… как…»

«Как семилетний мальчик», — это было не совсем справедливо, но не вызвало у Алвина никаких признаков неудовольствия. «Так почему же нельзя мне? Калли можно, а мне нет?» «Потому что я разрешаю людям писать только о самых

важных делах, которые они совершили сами или видели собственными глазами. Что можешь написать ты?»

«Не знаю. Может, о мельничном камне». Сказитель скривил лицо.

«Тогда, может, о моем видении. Это важно, ты сам сказал».

«Это уже записано в другом месте, Алвин».

«Я хочу записать в Книге», сказал он. «Я хочу, чтобы моя запись была вместе с записью Создателя Бена».

«Не сейчас», сказал Сказитель.

«А когда!»

«Когда ты расправишься со стариной Разрушителем, парень. Вот тогда я позволю тебе написать в моей книге».

«А если я никогда не смогу с ним расправиться?»

«Ну, тогда и сама эта книга мало на что пригодится».

Слезы подступили к глазам Алвина. «А вдруг я умру?»

Сказитель ощутил внезапный укол страха. «Как твоя нога?»

Мальчик пожал плечами. Он сморгнул слезы и они пропали с его глаз.

«Это не ответ, парень».

«Боль все не утихает».

«Так будет, пока не срастется кость».

Алвин-младший устало улыбнулся. «Кость уже срослась».

«Тогда почему ты не начал ходить?»

«Мне больно, Сказитель. Боль все никак не перестанет. Там, на кости, есть порченое место и я все никак не пойму, как мне исправить его». «Ты поймешь, как».

«Пока не могу».

«Один старый охотник сказал мне, Неважно, откуда начинать свежевать пантеру, если в конце концов у тебя в руках останется шкура». «Это притча?»

«Что-то вроде. Ты найдешь способ вылечить ногу, даже если он будет не такой, как ты думаешь!»

«Я ничего не думаю», сказал Алвин. «Все у меня выходит наперекосяк.»

«Тебе десять лет, парень. Ты уже успел разочароваться в этом мире?»

Алвин продолжал теребить пальцами край одеяла. «Сказитель, я умираю». Сказитель принялся всматриваться в его лицо, пытаясь увидеть в нем следы смерти. «Я так не думаю».

«Это порченое место на моей ноге. Оно растет. Медленно, но растет. Оно невидимо, и оно съедает твердую основу кости, и скоро оно начнет расти быстрее, и быстрее, и…»

«И Разрушит тебя».

Теперь Алвин уже начал плакать по-настоящему и его руки принялись дрожать. «Я боюсь умирать, Сказитель, но эта штука внутри меня и я не могу от нее избавиться».

Сказитель положил свою руку на все еще трепещущую руку мальчика. «Ты найдешь способ сделать это. В этом мире тебя ждет слишком большая работа, чтобы вот так вот взять да умереть».

Алвин закатил глаза. «Это почти что самая большая глупость, которую я слышал за весь этот год. Ты считаешь, что если человеку есть чем заняться, то он не помрет.»

«Я считаю, что он не умрет добровольно.»

«Я умираю не по своей воле.»

«Именно поэтому ты найдешь способ выжить.»

Алвин несколько секунд молчал. «Я вот что думаю. Насчет того, что я буду делать, если выживу. Это насчет того, как я почти вылечил свою ногу. Я уверен, что могу это делать и с другими людьми. Я могу класть на них руки и чувствовать, что

творится у них внутри, а потом приводить их в порядок.» «Они, все эти люди, которых ты вылечишь, будут любить тебя.» «Мне кажется, первый раз это было труднее всего и я был не совсем в силах, когда сделал это. Уверен, с другими я смогу это делать быстрее.» «Может быть. Но даже, если ты будешь лечить сотню больных каждый день, потом перебираться в другое место и лечить еще сотню, все равно десять тысяч людей будет умирать, не дождавшись твоей помощи, и к тому времени, как умрешь ты сам, даже те, кого ты вылечил, будут в большинстве своем мертвы.» Алвин отвернулся. «Если я знаю, как лечить их, я буду лечить, Сказитель.»

«Ты должен лечить их, всех кого сможешь,» сказал Сказитель. «Но дело твоей жизни в другом. Алвин, люди — это как кирпичи в стене. Ты ничего не добьешься, если будешь чинить крошащиеся кирпичи и только. Лечи тех, кто окажется у тебя под рукой, но твоя главная задача куда глубже, чем целительство.»

"Я знаю как лечить людей. Но я не знаю, как победить Раз…

Разрушителя. Я даже не знаю, что он такое."

«Тут уж ничего не поделаешь, раз ты единственный, кто может его видеть, то только у тебя есть

хоть какая-то надежда победить его.» «Может, и у меня ее нет.»

Еще одна пауза. Сказитель знал, что ему пора идти.

«Погоди».

«Мне уже пора уходить.»

Алвин схватил его за рукав «Подожди еще.»

«Ну, разве только немного.»

«Хотя бы — хотя бы дай мне прочесть, что написали другие.» Сказитель открыл свою сумку и вытащил пакет с Книгой. «Я не обегаю тебе, что смогу объяснить, что они имели в виду,» предупредил Сказитель, вынимая книгу из ее водонепроницаемой упаковки. Алвин быстро отыскал последние, новейшие записи. Почерком его матери: «Вигор талкнул сучок и не памирал пока малчик не радился.»

Рукой Дэвида: «Мелнишный камень раскалолся на два и слажился бес тресчины».

Рукой Калли: «Сидмой сын».

Алвин поднял голову: «А знаешь, ведь он говорит не обо мне».

«Знаю», сказал Сказитель.

Алвин опять посмотрел в книгу. Рукой отца в ней было написано: «Он не убил малчика, потому што появился низнакомец». «О чем это Папа?»,

спросил Алвин.

Сказитель забрал книгу у него из рук и закрыл ее. «Попытайся вылечить свою ногу», сказал он. «Это важно не только для тебя, но и для многих-многих других. Помни, ты делаешь это не для себя!»

Он наклонился и поцеловал мальчика в лоб. Алвин приподнялся и обхватил его обеими руками, повиснув на нем так, что Сказитель не мог распрямиться, не вытащив мальчика из кровати. Через некоторое время Сказитель был вынужден поднять руки и оторвать Алвина от себя. Его щека была мокра от слез мальчика. И он не стал вытирать их. Пусть ветер осушит эти слезы, когда он побредет по промерзшей дороге, мимо простирающихся вокруг полей полурастаявшего снега.

Около второго крытого моста он на секунду остановился. Этого мига хватило ему для того, чтобы задуматься, вернется ли он сюда когда-нибудь и увидит ли их опять. И будет ли у него в Книге запись Алвина-младшего. Будь он пророком, он знал бы это наверняка. Но сейчас он не имел об этом ни малейшего представления.

И он зашагал, направляясь навстречу утру.

Глава 13
ОПЕРАЦИЯ

Гость с удобством развалился на алтаре, облокотившись на него своей левой рукой, что выглядело довольно развязно. Преподобный Троуэр как-то видел такую же бесцеремонную позу у одного заезжего щеголя из Камелота, распутника, явно презиравшего все то, что было свято для пуританских церквей Англии и Шотландии. Так что Троуэру было сильно не по себе от этого зрелища. «Но почему?», спрашивал Гость. «Если единственно возможный путь справиться со своими плотскими страстями для тебя — это сидение на своем стуле сдвинув колени, осторожно положив на них руки и сплетя пальцы, то это вовсе не означает, что я должен делать то же самое». Троуэр пришел в замешательство.

«Можно ли осуждать меня всего лишь за мысли?» «Можно, если твои мысли осуждают мои действия. Берегись гордыни, друг мой. Не считай себя достаточно праведным, чтобы позволить себе судить ангелов».

Ангелом Гость назвал себя впервые.

«Я никем себя не называл. Ты должен научиться держать в узде свои мысли, Троуэр. Слишком уж легко ты делаешь выводы». «Зачем ты пришел ко мне?»

«Все дело в том, кто изготовил этот алтарь», сказал Гость. Он пощелкал по одному из крестов, выжженных Алвином-младшим по дереву. «Я сделал все, что мог, но мальчик безнадежен. Он сомневается во всем и обсуждает теологические вопросы так, будто к ним применимы те же законы логики и причинно-следственных связей, что действуют в мире науки». «Другими словами, он пытается разыскать какой-нибудь смысл в твоих доктринах».

«Он не склонен воспринять идею, что некоторые вещи содержат в себе тайну, постижимую лишь Богом. Когда он встречается с многозначностью, то становится дерзким, а парадокс вызывает в нем открытый бунт». «Нахальный ребенок».

«Хуже я еще не встречал», сказал Троуэр.

Глаза Гостя вспыхнули. Троуэр почувствовал внезапное стеснение внутри.

«Я пытался», сказал Троуэр. "Я пытался обратить его к службе Господу.

Но влияние его отца..."

«Слабый всегда считает причиной своих пора-

жений силу других», сказал Гость.

«Я еще не понес поражения!», вскричал Троуэр. «Ты ведь сказал, что у меня есть в запасе время до тех пор, пока ему не исполнится четырнадцать». «Нет. Я сказал тебе, что у меня есть в запасе время, пока ему не исполнится четырнадцать. У тебя есть только то время, которое он находится здесь».

«Я ничего не слышал о том чтобы Миллеры собирались переезжать. Они только-только установили жернов на мельницу, которую собираются пустить в ход весной, и они не уедут, пока…»

Гость встал с алтаря. «Разрешите мне сделать одно предположение, преподобный Троуэр. Чисто гипотетическое. Предположим, что ты находишься в одной комнате со злейшим врагом всего того, за что стою я. Предположим, он болен и лежит беспомощный на кровати. Если он оправится, то уйдет из пределов твоей досягаемости и примется уничтожать то, что мы с тобой любим в этом мире. Но если он умрет, наше великое дело будет спасено. И еще предположим, что некто вложил в твою руку нож и стал умолять тебя произвести на мальчике тончайшую операцию. И тогда твоя рука дрогнет, совсем чуть-чуть и рас-

сечет важнейшую артерию. А если ты к тому же слегка помедлишь, то кровь вытечет так быстро, что через несколько мгновений он умрет. В этом случае, преподобный Троуэр, что будет твоим долгом?»

Троуэр стоял, пораженный ужасом. Всю свою жизнь он готовился к тому, чтобы учить, убеждать, увещевать и разъяснять. Но вовсе не к тому, чтобы совершить кровавое зверство, которое предложил ему Гость. «Я не гожусь для подобных вещей», сказал он.

«А для царства Господа нашего ты годишься?», спросил Гость.

«Но Господь сказал: „Да не убий!“!»

«Да ну? Разве это сказал Он Иисусу Навину, посылая его в Землю Обетованную? Разве это сказал Он Саулу, посылая его против Амалакитян?» Троуэр подумал об этих темных местах Ветхого Завета и вздрогнул от страха, представив себя принимающим участие в подобных делах. Но Гость был неумолим. «Первосвященник Самуил повелел Царю Саулу убить всех Амалакитян, всех мужчин и женщин, всех детей. Но у Саула не хватило на это духа. Он спас царя Амалакитян и оставил его в живых. И как поступил за этот грех неповиновения с Саулом Господь?»

«Избрал Давида вместо него на царство», прошептал Троуэр. Гость стоял перед Троуэром вплотную, обжигая его огнем своим глаз. «И что потом сделал первосвященник Самуил, кроткий слуга Господа, так как же поступил он?»

«Он велел привести Агагу, царя Амалакитийского».

Гость не смягчался. «И что же сделал Самуил?»

«Убил его», прошептал Троуэр.

«И что же говорит нам писание, как он сделал это?», загремел Гость.

Стены церкви закачались, оконные стекла треснули. Троуэр всхлипнул от ужаса, но произнес те слова, которых добивался Гость. «Самуил разрубил перед лицом Господа Агагу на куски». Теперь единственным звуком, слышным в церкви, было сдавленное дыхание Троуэра, пытавшегося унять свое истерическое всхлипывание. Гость улыбнулся, глядя на Троуэра, глаза его были полны любви и всепрощения. Затем он исчез. Троуэр упал на колени у алтаря и начал молиться. О Отец, я умру за тебя, но не заставляй меня убивать. пронеси эту чашу мимо меня, я слишком слаб, я недостоин, не возлагай это бремя на мои плечи. Слезы его падали на алтарь. Вдруг он услышал шипящий звук и, ошеломленный, отскочил от алтаря. Его

слезы пузырились на поверхности алтаря как вода на раскаленной сковородке, пока в конце концов полностью не исчезли.

Господь отвергает меня, подумал он. Я дал обет служить Ему, чего бы Он не пожелал, и теперь, когда Он просит меня совершить нечто трудное, когда Он велит мне быть сильным, как великие пророки древности, я оказываюсь сломленным орудием в руках Господа. Я не могу вместить предназначения, которое Он хочет вложить в меня.

Дверь церкви приоткрылась, впустив порыв морозного воздуха, просквозившего по полу и заставившего священника поежиться. Он оглянулся в ужасе, ожидая увидеть ангела, посланного, чтобы наказать его. Но это был не ангел, а всего лишь Армор-оф-Год Вивер.

«Я не хотел прерывать вашу молитву,» сказал Армор.

«Входите,» сказал Троуэр. «Закрывайте двери. Чем я могу вам помочь?»

«Не мне,» сказал Армор.

«Входите, присаживайтесь и рассказывайте.»

Троуэр надеялся, что приход Армора был знаком Господним. Один из паствы пришел просить его о помощи сразу после молитвы — Господь явно хочет дать знать ему, что он прошен.

«Дело в брате моей жены,» сказал Армор. «Мальчике, Алвине-младшем.» Троуэр почувствовал, как страх пронзил его, заставив похолодеть до костей.

«Я знаю его. И что с ним?»

«Вы знаете, наверное, что ему раздавило ногу.»

«Я слышал об этом.»

«Вы не заходили к ним навестить его?»

«У меня есть все основания полагать, что в этом доме не рады будут видеть меня.»

"Ну что ж, тогда я объясню вам, дело обстоит плохо. Целый кусок мякоти почти оторван, кости сломаны. Но всего через два дня все уже было вылечено. Даже шрама не осталось. Через три дня он уже ходил.

«Это должно быть не так плохо, как кажется вам.» «Я же говорю вам, нога была сломана и рана была тяжелой. Все в семье считали, что мальчик умрет. Они спрашивали, можно ли у меня купить гвоздей для гроба. И они так горевали, что я не был уверен, что нам не придется заодно хоронить маму и папу мальчика.»

«Значит, рана не могла быть полностью исцелена, как вы говорите.» «Ну, она выздоровела не совсем, поэтому-то я и пришел к вам. Я знаю, вы в такие веши не верите, но я вас уверяю, они как-то

вылечили его ногу колдовством. Элли говорит, что этим колдовством занимается сам мальчик. Он даже несколько дней проходил на этой ноге. Но боль все никак не унималась и теперь он говорит, что на кости осталось больное место. К тому же у него жар.»

«Всему существует разумное научное объяснение,» сказал Троуэр. «Ну хорошо, пусть будет так, если вам так нравится, но по-моему своим колдовством мальчик призвал дьявола и теперь дьявол грызет его изнутри. И так как вы рукоположенный священник Господа Бога, я подумал, что вы могли бы изгнать этого дьявола именем Господа Иисуса.» Все эти предрассудки и суеверия конечно ерунда, но когда Армор предположил возможность того, что дьявол овладел мальчиком, это стало иметь смысл. И это совпадало с тем, что он узнал от Гостя. Возможно, Господь хочет, чтобы он не убивал ребенка, а изгнал из него беса. Для Троуэра это был шанс оправдать себя после того, как несколькими минутами ранее его охватила столь постыдная слабость.

«Я иду,» сказал он. Взял свой тяжелый плащ и набросил его на плечи. «И, я думаю, будет лучше, если я вас предупрежу — никто в доме не просил меня привести вас.»

«Я был подготовлен к тому, чтобы противостоять гневу нечестивых,» сказал Троуэр. «Меня интересует судьба этой жертвы дьявола, а не ее глупые и суеверные родичи.»

Алвин лежал на кровати, сжигаемый жаром горячки. Хотя был день, они держали ставни закрытыми, чтобы свет не ранил его глаз. Впрочем, ночью он заставлял их приоткрывать окна, чтобы немного холодного воздуха попадало в комнату. Свежий воздух облегчал боль. За те несколько дней, когда он мог ходить, он увидел, что снег совсем уже покрыл луг. Теперь он попытался представить себя лежащим под снежным одеялом. Какое облегчение после огня, сжигающего все его тело.

Он не смог опять взглянуть внутрь себя: то, что интересовало его сейчас, было слишком мелким. Даже после всего того, что он сделал с костью, с волокнами мускулов и слоями мяса, было по-прежнему очень трудно обнаружить какие-нибудь трещины в глубине костной ткани. Но он мог ощущать свои внутренние органы сквозь лабиринт тела, находить большие раны и помогать им закрыться. Но все же большинство происходящего внутри него было слишком мелким и происходило слишком быстро, чтобы он

мог это понять. Он мог видеть результат, но не те процессы, которые к этому результату привели, не мог разобраться, как и что происходит.

Именно так все и случилось с этим порченым местом. Всего лишь маленьким участком кости, который начал размягчаться и загнивать. Он мог ощутить разницу между больным местом и хорошей здоровой костью и мог видеть границы пораженного участка. Но разобраться во всем этом он не мог. Как и не мог ничего изменить. Он был готов умереть.

Алвин знал, что находится в комнате не один. Кто-нибудь всегда сидел у его кровати. Он мог бы открыть глаза и увидеть Маму или Папу или кого-нибудь из девочек. Иногда даже кого-нибудь из братьев, хотя это и означало, что они оставили ради него жену и хозяйство. Это было удобно для Алвина, но одновременно и нелегко. Ему начинало казаться, что ему стоит поторопиться и умереть побыстрей, чтобы все они могли вернуться к нормальной жизни. Сегодня на этом месте сидел Мишур. Когда он зашел, Алвин сказал ему «привет», но больше говорить было особо не о чем. Ну как ты? Я умираю, спасибо, а ты как? Как-то нелегко складывается разговор. Мишур рассказывал, как они с близнецами пытались

вытесать из камня точило. Они выбрали для этого камень полегче, чем тот, с которым работал Алвин, и все же потратили черт знает сколько времени на работу. «В конце концов нам надоело», сказал Мишур. «и мы оставили это до тех пор, когда ты сам сможешь подняться в гору и добыть для нас камень».

Алвин ничего не ответил на это, и больше они не стали говорить друг с другом. Алвин молча лежал, весь покрытый потом, чувствуя, как гниение медленно, но верно пожирает его кость. Мишур сидел около, слегка придерживая его за руку.

Мишур принялся насвистывать.

Этот звук показался Алвину очень необычным. У него было впечатление, что эта мелодия слышна очень издалека и ему нужно пройти какое-то расстояние, чтобы обнаружить откуда она исходит. «Мишур», крикнул он, но его голос прозвучал как шепот.

Свист прекратился. «Извини», сказал Мишур. «Тебе это мешает?»

«Нет», сказал Алвин.

Мишур опять начал насвистывать. Это был странный мотив, ничего похожего Алвин не мог припомнить. Он не был похож на песню, он никогда не повторялся, все время звуча по-раз-

ному, как будто Мишур придумывал его на ходу. Алвин лежал, вслушивался и ему казалось, что этот мотив был как карта, ведущая сквозь дикие дебри, и он пошел туда, куда она вела его. Конечно, он ничего не видел, как было бы, если б он пошел по настоящей карте. Просто ему казалось, будто кто-то ему указывает в самую сердцевину окружающих его вещей, и когда он о чем-нибудь думал, то думал таким образом, будто действительно находился в этом месте. Он как будто увидел все свои прежние попытки найти способ излечить это омертвелое пятнышко на кости, но увидел их теперь совсем с другой точки, может, с вершины горы или с поля, откуда-нибудь с того места, откуда было бы видно больше. И теперь он подумал кое о чем, что раньше не приходило ему в голову. Тогда, когда его нога была сломана и все мясо с нее ободрано, все видели, что ему очень трудно, но никто не мог ничем помочь, все должен был сделать он сам. Он должен залечить все, что мог, изнутри. Теперь же никто не мог видеть той раны, которая убивала его. И хотя сам он был способен увидеть ее, справиться с ней своими силами он не мог.

Поэтому, может быть, теперь ему поможет кто-нибудь другой. Причем без использования

каких-нибудь скрытых сил. Просто обычная старая добрая хирургия.

«Мишур», прошептал он.

«Я тут», сказал Мишур.

«Я знаю, как вылечить мою ногу», сказал он.

Мишур наклонился поближе. Алвин не открывал глаз, но мог чувствовать дыхание брата на щеке.

«Это мертвое пятно на моей ноге, оно растет, но оно не разрослось еще повсюду», сказал Алвин. «Я ничего не могу с этим поделать, но мне кажется, что если кто-нибудь вырежет эту часть кости, и вытащит ее из меня, то я смогу залечить все остальное».

«Вырежет кость».

«Это можно сделать папиной костяной пилой, которой он пользуется, когда разделывает мясо».

«Но на 300 миль вокруг не найдется ни одного хирурга!» «Тогда, мне кажется, кто-нибудь должен научиться этому очень быстро, а то я умру».

Дыхание Мишура участилось. «Ты думаешь, если отрезать тебе эту часть ноги, то это спасет тебе жизнь?»

«Это лучшее, что я могу придумать».

«Но это может очень сильно искалечить тебя».

«Если я умру, мне будет все равно. Если же я вы-

живу, то это будет стоить покалеченной ноги».

«Я пойду схожу за Па».

Раздался звук отодвигаемого стула и грохот тяжелых шагов Мишура, удаляющихся прочь из комнаты.

Троуэр попросил Армора довести его до порога дома Миллеров. Вряд ли они не пустят к себе на порог мужа своей дочери. Впрочем, его опасения оказались беспочвенными. Двери открыла Добрая Фэйт, а не ее язычник-муж. «Очень любезно с вашей стороны, преподобный Троуэр, что вы решили навестить нас», сказала она. Но судя по выражению лица, радость ее была притворной. В этом доме явно не знали последнее время доброго сна. «Это я привел его, матушка Фэйт», сказал Армор. «Он пришел только потому, что я попросил его об этом».

«Пастырь нашей церкви — желанный гость в этом доме, когда бы он не захотел посетить нас», сказала Фэйт.

Она провела их в большую комнату. Девочки, обшивавшие, сидя на стульях у камина, квадраты стеганого одеяла, подняли на него глаза. Малыш Калли выписывал углем из очага буквы на своей доске. «Я рад видеть тебя усердно выполняющим домашнее задание», сказал Троуэр.

Калли молча смотрел на него. В глазах его блеснуло что-то похожее на враждебность. Мальчик был явно недоволен тем, что учитель видит его за работой дома, в том месте, которое он считал своим убежищем. «У тебя неплохо получается», сказал Троуэр, пытаясь завоевать его расположение. Калли промолчал и на этот раз, опустив взгляд на свою переносную грифельную доску, и продолжал выцарапывать слова. Армор приступил к делу напрямую. «Матушка Фэйт, мы пришли из-за Алвина. Вы знаете, как я отношусь к колдовству, но никогда прежде я и слова не говорил о том, чем вы все занимаетесь в этом доме. Я всегда считал, что это ваше дело, и меня оно никак не касается. Но ваш мальчик платит свою цену за то зло, которому вы позволили здесь расцвести. Он заколдовал свою ногу и теперь в него вселился дьявол, который убивает его. Поэтому я и привел сюда преподобного Троуэра, чтобы он мог изгнать этого дьявола». Добрая Фэйт выглядела недоумевающей. «В этом доме нет никакого дьявола».

Ах, бедная женщина, подумал Троуэр. Если бы только ты знала, как давно дьявол пребывает здесь. «Бывает так, что с присутствием дьявола так свыкаешься, что не можешь распознать его»

Распахнулась дверь и мистер Миллер попятился задом сквозь дверной проем. «Только не я», сказал он, говоря с кем-то, кто оставался в комнате. "Я никогда не приближусь к мальчику с ножом в руке. Калли вскочил при звуке отцовского голоса и подбежал к нему. «Папа, Армор привел старого Троуэра сюда, чтобы убить дьявола». Миллер обернулся, его лицо исказило какое-то чувство и он посмотрел на гостей так, будто не узнал их.

«Этот дом защищен хорошими сильными оберегами», сказала Добрая Фэйт. «Обереги — это призыв к дьяволу», сказал Армор. «Вы думаете, что они предохраняют ваш дом, а на самом деле они отвращают Господа». «Дьявол никогда не входил сюда», настаивала она. «Не сам по себе», сказал Армор. «Вы призвали его своим чародейством. Вы заставили святой Дух покинуть эти стены из-за вашего колдовства и идолопоклонства, и когда вся святость покинула этот дом, на ее место сами собой пришли бесы. Они всегда приходят туда, где видят возможность принести зло».

Троуэра понемногу начало беспокоить, что Армор слишком много говорит о вещах, о которых не имеет ни малейшего понятия. Было бы куда лучше, если бы он просто попросил позволения

Троуэру помолиться у постели мальчика. Но Армор затронул ту тему, которой лучше было бы не касаться. И что бы теперь не происходило в голове мистера Миллера, сейчас явно было не лучшее время пытаться вывести его из себя. Он медленно стал приближаться к Армору. «Так ты хочешь сказать, что тот, кто приходит со злом, это сам дьявол?»

«Я свидетельствую как возлюбивший Господа Иисуса,» начал Армор, но Миллер не дал ему закончить эту речь, схватив одной рукой за плечо, другой за ремень штанов и развернув лицом к двери.

«Будет лучше, если кто-нибудь откроет дверь,» загремел Миллер. «Или прямо в ее середине окажется огромная дыра!»

«Что ты намерен сделать, Алвин Миллер!» закричала жена.

«Изгнать отсюда дьявола!» крикнул Миллер. Калли широко распахнул дверь.

Миллер выволок своего зятя на порог и пнул его так, что тот вылетел вон. Крики возмущения, издаваемые Армором, захлебнулись в снегу, и дальнейшее помешал услышать Миллер, крепко закрыв дверь на засов. «Ну ты и молодец,» сказала Фэйт. «Выбросил из дома мужа собственной

дочери.»

«Просто я сделал то, чего, как сказал он, хочет Бог,» сказал Миллер и его взгляд остановился на священнике.

«Армор говорил только от своего имени,» мягко сказал Троуэр. «Если ты поднимешь руку на человека в рясе,» сказала Фэйт. «то остаток своей жизни тебе придется спать в холодной постели.» «Я не собирался трогать этого человека,» сказал Миллер. «но я считаю, что раз я не суюсь к нему, то и ему лучше держаться подальше от моего дома.» «Вероятно, вы не верите в силу молитвы,» сказал Троуэр. «Я думаю, дело в том, кто читает молитву и кто к ней прислушивается,» сказал Миллер.

«Даже если это так,» сказал Троуэр. «Ваша жена придерживается веры Иисуса Христа, в которой я был обучен и рукоположен в священники. Это ее вера, это также и моя вера, поэтому с моей точки зрения прочтение молитвы у постели больного ребенка может стать эффективным средством излечения». «Если в своей молитве вы используете такие слова», сказал Миллер. «то вряд ли Бог понимает, о чем идет речь».

«Хотя вы и не верите, что эта молитва может помочь», продолжал Троуэр.

«Она никак не сможет повредить, не так ли?»

Миллер посмотрел на свою жену, и потом опять на Троуэра. У того не было сомнений, что, не будь здесь Фэйт, он сейчас валялся бы в снегу около Армора-оф-Года. Но Фэйт была здесь и уже применила угрозу Лисистраты. Если у мужчины родилось четырнадцать детей, это уж точно означает, что постель его жены обладает определенной притягательностью для него. Миллер сдался. «Что ж, давайте», сказал он. «Только не надо надоедать мальчику слишком долго». Троуэр благодарно кивнул. «Не более нескольких часов», сказал он. «Минут!», заупрямился Миллер. Но Троуэр уже направлялся к двери у лестницы, и Миллер не двинулся с места для того, чтобы помешать ему. Теперь, если он того пожелает, в его распоряжении часы, которые он может провести с мальчиком. Священник закрыл за собой дверь. Не стоит предоставлять этим язычникам возможность вмешаться.

«Алвин», сказал он.

Алвин вытянулся под одеялом, его лоб блестел от пота. Глаза его были закрыты. Через какое-то время он смог открыть рот. «Преподобный Троуэр», прошептал он.

«Он самый», сказал Троуэр. «Алвин, я пришел

помолиться за тебя, чтобы Господь освободил твое тело от терзающего его дьявола». Около минуты тянулось молчание, как будто словам Троуэра нужно было время, чтобы дойти до мальчика и вернуться назад в виде ответа. Потом Алвин сказал: «Нет дьявола».

«Трудно ожидать, чтобы ребенок был хорошо осведомлен в делах религии», сказал Троуэр. «Но я должен сказать тебе, что исцеления удостаиваются лишь те, чья вера тверда». После чего он посвятил некоторое время пересказу истории о дочери сотника и притчи о женщине, страдавшей кровотечением, остановившемся после прикосновения к одежде Спасителя. «Вспомни, что сказал он ей. „Вера исцелила тебя“, так он сказал. Так и в твоем случае, Алвин Миллер, твоя вера должна быть крепка, чтобы Господь исцелил тебя». Мальчик не отвечал. Троуэра, призвавшего на помощь все свое красноречие, несколько обидело то, что мальчик скорее всего уснул. Он протянул указательный палец и ткнул Алвина в плечо. Алвин отодвинулся. «Я слышал вас», сказал он. Плохо, что мальчик остался столь же замкнутым, даже услышав светоносное Слово Господне. «Ну и?», сказал Троуэр. «Ты веришь?» «Во что», прошептал мальчик.

«В молитву! В Бога, который исцелит тебя, если только ты сможешь смягчить его сердце».

«В Бога», прошептал он. «Верю».

Этого могло бы быть достаточно. Но Троуэр был слишком хорошо знаком с историей религии, чтобы не попытаться добиться больших подробностей. Признания веры в Божественность было явно недостаточно. Было много разных вер в Бога и все они, кроме одной, были ложными. «В какого Бога ты веришь, Алвин-младший?»

«В Бога», сказал мальчик.

"Даже язычник Мор поклонялся черному камню Мекки и называл его Богом! Веришь ли ты в истинного Бога и правильно ли ты веришь в Него? Нет, я понимаю, ты слишком слаб и болен, чтобы объяснить мне свою веру. Я помогу тебе, юный Алвин. Я буду задавать тебе вопросы, и ты будешь отвечать «да» или «нет».

Алвин тихо лежал в ожидании.

«Алвин Миллер, веришь ли ты в Бога, у которого нет тела и нет страстей? Великого нерукотворного Творца, Чье средоточие повсюду и Чью протяженность найти невозможно?»

Перед ответом мальчик помедлил, размышляя. «Мне это все кажется бессмысленным», сказал он.

«Эти материи не рассчитаны на понимание облеченным в плоть разумом», сказал Троуэр. «И я всего лишь спрашиваю тебя, веришь ли ты в Того, кто сидит на Безграничном Троне. Самодостаточное Существо, которое столь велико, что заполняет Собой всю Вселенную, и в то же время столь всепроникающе, что Оно живет и в твоем сердце».

«Как он может сесть на то, что безгранично?», спросил мальчик. «Как может такая огромная штука поместиться в моем сердце?» Мальчик был определенно слишком невежественен и простодушен, чтобы понять сложный теологический парадокс. И все же, ставкой тут была не только жизнь, или даже душа, — а все те души, которые, как утверждал Гость, этот мальчик погубит, если не будет обращен в истинную веру. «Ведь это же прекрасно», с чувством сказал Троуэр. «Бог вне пределов нашего понимания; и все же, полный бесконечной любви, Он приходит спасать нас, невзирая на наши невежество и глупость».

«Разве любовь — это не человеческое чувство?» «Если тебе нелегко понять идею Бога», сказал Троуэр. «То позволь мне задать еще один вопрос, который, возможно, раскроет тебе глаза. Веришь ли ты в бездонную адскую Геену Огненную, где

грешники страдают в пламени, но никогда не сгорают? Веришь ли ты в Сатану, врага Господнего, вожделеющего похитить твою душу и заточить ее в своем царстве, чтобы вечно мучить тебя?» Мальчик, казалось, несколько оживился, повернув голову к Троуэру, хотя глаз при этом так и не открыл. «Я бы мог поверить во что-нибудь подобное,» сказал он.

Вот оно что, подумал Троуэр. Какой-то опыт общения с дьяволом у мальчика есть. «Видел ли ты его, дитя мое?»

«А как выглядит ваш дьявол?» прошептал мальчик. «Это не мой дьявол,» сказал Троуэр. «И если бы ты внимательно слушал во время службы, то знал бы это сам, потому что я многократно его описывал. Там, где у человека на голове волосы, у дьявола бычьи рога. Там, где у человека руки, у дьявола медвежьи когти. У него козлиные копыта и голос его как рев разъяренного льва.»

К изумлению Троуэра, мальчик улыбнулся и его грудь беззвучно вздрогнула от смеха. «И вы еще называете нас суеверными,» сказал он. Троуэр никогда бы не поверил в то, что дьявол способен столь прочно завладеть душой ребенка, если бы не увидел, как мальчик смеется от удовольствия при описании чудовища-Люцифера. Этот

смех должен быть остановлен! Это оскорбление Господа!

Троуэр с размаху опустил свою Библию на грудь мальчика, заставив Алвина резко выдохнуть воздух. Затем, нажав рукой на книгу, почувствовал, что из него так и рвутся вдохновенные слова. И он вскричал, вложив в свой голос столько страсти, как никогда в своей жизни: «Сатана, во имя Господа я изгоняю тебя! Я приказываю тебе покинуть этого мальчика, эту комнату и этот дом навсегда! Никогда более не пытайся овладеть душой в этом месте, а не то сила Господня разрушит твои адские владения вплоть до отдаленнейших их пределов!»

Последовала тишина. Которую нарушало лишь дыхание мальчика, которое, казалось, было затруднено. В комнате царил такой покой, и изнемогший Троуэр чувствовал такую правоту в собственном сердце, что ему показалось, что дьявол убоялся его проклятия и убежал прочь.

«Преподобный Троуэр,» сказал мальчик.

«Да, сын мой?»

«Вы не могли бы теперь снять эту Библию с моей груди? Я думаю, если здесь были какие-нибудь дьяволы, они все ушли.» После чего мальчик опять рассмеялся, заставляя Библию подпрыги-

вать под рукой Троуэра.

В этот момент экзальтация Троуэра сменилась горьким разочарованием. Ну что же, тот факт, что мальчик мог столь дьявольски смеяться, когда на его груди покоилась сама Библия, был доказательством того, что никакая сила не способна свернуть его с пути зла. Гость был прав. Троуэр не должен был отказываться от той великой работы, к которой был призван Гостем. Он мог бы стать убийцей Зверя из Апокалипсиса и он оказался слишком слабым, слишком сентиментальным, чтобы внять божественному призыву. Я мог бы стать Самуилом, приговорив к смерти врага Господа. Вместо этого я стал Саулом, слабаком, не сумевшим убить того, кому Бог приказал умереть. Теперь я буду видеть, как вырастает этот мальчик, в котором гнездится сатанинская сила, и я буду знать, что он процветает потому, что я оказался слаб. Теперь комната казалась ему раскаленной, душащей его. До сих пор он не замечал, что его одежда пропитана потом. Дышать стало трудно. И стоило ли удивляться? В комнате присутствовало горячее дыхание ада. Задыхаясь, он схватил Библию, выставив ее между собой и сатанинским ребенком, лихорадочно хихикающим под своим одеялом, и выбежал вон.

Тяжело дыша, он остановился в большой комнате. Его появление прервало беседу, но он не замечал этого. Чего стоила беседа этих погруженных в глубины мрака людей в сравнении с тем, что он только что испытал? Я стоял в присутствии адепта Сатаны, прячущегося в обличии юного мальчика; но его глумливость открыла мне его истинное лицо. Я должен был понять, кто он такой еще несколько лет назад, когда ощупал его голову и нашел, что она идеально сформирована. Только подделка могла быть такой безупречной. Этот ребенок никогда не был настоящим. Ах, если бы я обладал силой великих пророков древности, то смог бы поразить врага и отдать плод победы Господу моему! Кто-то дернул его за рукав. «С вами все в порядке, преподобный Троуэр?» Это была Добрая Фэйт, и преподобный Троуэр и не подумал ответить ей. Но при этом она развернула его так, что он мог видеть камин. Там, на каминной доске, он увидел выжженное изображение и будучи в том состоянии, в котором находился, не смог сразу определить, что там изображено. Это выглядело, как лицо страждущей в вечных муках души, окруженной какими-то корчащимися стеблями. Это должно быть пламень, подумал он, а это душа, корчащаяся в сере и пылающая в адском

огне. Вид этого изображения был мучителен для него, и в то же время приносил какое-то удовлетворение, поскольку его присутствие в этом доме свидетельствовало о том, как тесно была связана эта семья с адом. Он находился среди врагов. Ему вспомнилось то место из Псалтири, где было сказано: «Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, и можно было бы перечесть все кости мои. Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня?».

«Садитесь», сказала Добрая Фэйт. «Сюда».

«С мальчиком все в порядке?», спросил Миллер. «С мальчиком?», переспросил Троуэр. Слова давались ему с трудом. Этот мальчик — адский демон, и ты еще спрашиваешь, все ли с ним в порядке? «Он столь благополучен, сколь это возможно в его случае», сказал Троуэр.

И они снова отвернулись от него, продолжив свою беседу. Постепенно он начал понимать, о чем идет речь. Похоже, что Алвин хотел, чтобы кто-нибудь вырезал пораженную часть его кости. Мишур даже принес из сарая для забоя скота хорошо отточенную костяную пилу. Спор происходил между Фэйт и Мишуром, потому что Фэйт не хотела, чтобы кто-нибудь резал ее сына, и между Миллером и всеми остальными,

потому что Миллер отказывался взяться за это дело, а Фэйт соглашалась только в том случае, если операцию проделает именно он. «Если ты считаешь, что это надо сделать», говорила Фэйт. «То я не понимаю, как ты можешь допустить, чтобы этим занялся кто-нибудь другой?» «Только не я», сказал Миллер.

Троуэру внезапно показалось, что этот человек боится. Боится коснуться ножом плоти собственного сына.

«Он просил сделать это тебя, Па. Он сказал, что отметит место прямо на ноге там, где нужно ее вскрыть. Тебе нужно будет только надрезать кусок мяса, потом отодвинуть его, тогда ты сможешь работать над костью и тебе останется только вырезать клин в ней так, чтобы удалить больное место целиком».

«Я не из слабонервных», сказала Фэйт. «Но мне уже сейчас становится от всего этого дурно».

«Если Ал-младший сказал, что так нужно, значит, сделайте это!», сказал Миллер. «Но только без меня!»

И тут будто вспышка света озарила темную комнату, и преподобный Троуэр увидел, в чем может состоять искупление его греха. Господь прямо предлагает возможность, которую предсказал

Гость. Возможность встать с ножом в руке около мальчика, чтобы вскрыть его ногу, случайно задеть при этом артерию и дать крови течь до тех пор, пока жизнь не уйдет из тела. Теперь он уже стал способен на то, чего убоялся там, в церкви, думая об Алвине, как об обычном ребенке, теперь он совершит это с радостью, после того, как ему воочию открылось зло, принявшее форму этого ребенка. «Я сделаю это», сказал он.

Они смотрели на него.

«Я не хирург», сказал он. «Но я имею некоторые знания в области анатомии. Я ученый.»

«Шишки на голове», сказал Миллер.

«Вы когда-нибудь резали скот или свиней?», спросил Мишур.

«Мишур!», в ужасе закричала его мать. «Твой брат не животное!»

«Я просто хотел быть уверен, что его не тошнит при виде крови». «Я видел кровь», сказал Троуэр. «И во мне нет страха, если придется резать во имя спасения».

«О, преподобный Троуэр, как мы можем просить вас о таком», сказала Добрая Фэйт.

«Теперь мне начинает казаться, что рука Божия привела меня сюда именно сегодня после того, как я так долго не был в вашем доме». «Вас

привела сюда рука моего тупоголового зятька», сказал Миллер. «Ну», сказал Троуэр. «Это была, так сказать, просто мелькнувшая у меня мысль. Я вижу, что вы не хотите, чтобы я взял на себя это и я не могу винить вас. Конечно, опасно позволить чужому человеку резать тело своего сына, даже если это может спасти его жизнь».

«Вы не чужой», поспешно сказала Фэйт.

«Но что если что-нибудь пойдет не так? Моя рука может дрогнуть. Его старая рана могла изменить положение некоторых кровеносных сосудов. Я могу задеть артерию и он в несколько секунд истечет кровью. Тогда на моих руках будет кровь вашего сына».

«Преподобный Троуэр», сказала Фэйт. «Мы не можем винить вас в несчастном случае. Все, что может сделать любой из нас — это попытаться». «Если мы ничего не станем делать», сказал Мишур. « То он точно умрет. Он сказал, что мы должны отрезать это больное пятно, пока болезнь не распространилась дальше».

«Может, кто-нибудь из ваших старших сыновей», сказал Троуэр. «У нас нет времени, чтобы вызвать их сюда!», крикнула Фэйт. «О, Алвин, ведь ты же выбрал этого мальчика, чтобы дать ему свое имя! И ты хочешь позволить ему умереть

просто потому, что невзлюбил нашего священника?» Миллер с жалким видом покачал головой. «Тогда сделайте это».

«Па, он хотел, чтобы ты сделал это», сказал Мишур. «Нет!», горько вскричал Миллер. «Лучше кто угодно, лишь бы не я. Лучше пусть даже он».

Троуэр увидел на лице Мишура недоумение, даже презрение. Он встал и подошел к тому месту, где сидел, держа в руках нож и костяную пилу, Мишур. «Молодой человек», сказал он. «Никогда не обвиняйте человека в трусости. Вы не можете знать, какие причины прячет он в глубине своего сердца». Троуэр обернулся к Миллеру и увидел выражение удивления и благодарности. «Дай ему инструменты», сказал Миллер. Мишур протянул нож и пилу для костей. Троуэр вытащил платок, чтобы Мишур мог уложил в него инструменты.

Как легко у него получилось. Всего за несколько минут он добился того, чтобы они сами начали просить его взять нож, освободив его при этом заранее от ответственности за все, что может случиться. Он даже умудрился заложить первые зерна дружбы с Алвином Миллером. Ага, я обвел всех вас вокруг пальца, торжествующе подумал он. Я достойный соперник вашего повелителя — дьявола. Я обманул великого обманщика, и

менее чем через час пошлю назад в ад предавшегося ему адепта.

«Кто будет держать мальчика?», спросил Троуэр. «Даже если опоить его вином, все равно он будет дергаться от боли, если никто не станет его удерживать».

«Держать могу я», сказал Мишур.

«Он не будет пить вина», сказала Фэйт. «Он сказал, что хочет иметь ясную голову».

«Он всего лишь десятилетний мальчик», сказал Троуэр. «И если вы прикажете ему выпить вина, он обязан вам подчиниться». Фэйт покачала головой. «Он знает, как лучше. И он хорошо переносит боль. Вы никогда такого еще не видели».

Могу себе представить, сказал себе Троуэр. Дьявол, владеющий мальчиком, без сомнения упивается болью и не хочет, чтобы действие вина ослабляло его блаженство. «Ну что ж, хорошо», сказал он. «В таком случае нет причин больше медлить». Он прошел в спальню и стащил одеяло с тела Алвина-младшего полностью. Мальчик немедленно принялся дрожать от холода, хотя и не переставал потеть из-за высокой температуры. «Вы говорите, он обозначит место, где нужно резать?»

«Ал», сказал Мишур. «Преподобный Троуэр

собирается проделать эту операцию».

«Папа», сказал Алвин.

«Бесполезно просить его», сказал Мишур. «Не хочет ни в какую».

«Ты уверен, что не хотел бы выпить немного вина?», спросила Фэйт. На глазах Алвина показались слезы. «Нет», сказал он. «Если Папа будет держать меня, то все будет в порядке».

«А он будет держать», сказала Фэйт. «Резать он отказался, но он останется здесь с мальчиком, или я заткну им одну из печных труб!», она с грохотом вышла из комнаты.

«Вы сказали, что мальчик покажет место,» сказал Троуэр. «Давай, Ал, я помогу тебе сесть. Тут я принес немного угля, отметь точно то место, где нужно разрезать.»

Алвин застонал, когда Мишур приподнял его в сидячее положение, но его рука, которой он начертил на своей голени большой прямоугольник, была тверда. «Режьте снизу, но не отрезайте верхнюю часть полностью,» сказал он. Его голос был густым и медленным, каждое слово давалось с трудом. «Мишур, пока он режет, ты должен приподнимать надрезанный кусок.» «Это может сделать и Ма,» сказал Мишур. «Я должен держать тебя, чтобы ты не дергался.»

«Я не буду дергаться,» сказал Алвин. «Если Па будет держать меня.» Миллер медленно вошел в комнату, за ним шла его жена. «Я буду держать тебя,» сказал он, сел вместо Мишура позади мальчика, обхватив его руками. «Я буду держать тебя,» повторил он.

«Что ж, хорошо,» сказал Троуэр. Он стоял, готовясь приступить. И простоял так долго.

«Вы кажется, что-то забыли, Преподобный?» спросил Мишур.

«Что?» спросил Троуэр.

«Нож и пилу.» ответил Мишур.

Троуэр посмотрел на свою руку и зажатый в ней платок. «Как так, они же были здесь.»

«Вы по дороге положили их на стол,» сказал Мишур.

«Я принесу их,» сказала Добрая Фэйт. И быстро вышла из комнаты. Они ждали долго. В конце концов Мишур встал. «Не пойму, чего она так долго.»

Троуэр вышел вслед за ним. Они нашли Добрую Фэйт сидящей у камина вместе с девочками и помогающей им обшивать квадраты стеганого одеяла. «Ма,» сказал Мишур. «А как насчет пилы и ножа?» «Боже милосердный,» сказала Фэйт. «не могу представить себе, что это приключилось со

мной. Я начисто забыла, зачем пришла сюда.» Она схватила пилу с ножом и вернулась в спальню. Мишур поглядел на Троуэра, пожал плечами и последовал за ней. Теперь, подумал Троуэр. Теперь я сделаю то, чего ждет от меня Господь. Я докажу Гостю, что я истинный приверженец Спасителя и заслужу свое место на небесах. Меня не будет ждать участь этого бедного и ничтожного грешника, страждущего в адском пламени. «Преподобный,» спросил Мишур. «Что вы делаете?»

«Эта картина…» сказал Троуэр.

«Что с ней такое?»

Троуэр пригляделся поближе к картине над очагом. Это была вовсе не душа в аду. Это было изображение старшего сына в этой семье, Вигора, и он тонул в реке. Он слышал эту историю по меньшей мере дюжину раз. Но почему же он стоит и смотрит на нее, когда в соседней комнате его ждет великая и ужасная миссия?

«С вами все в порядке?»

«Я чувствую себя превосходно,» сказал Троуэр. «Мне просто нужна была пара минут для тихой молитвы и сосредоточенности перед тем, как я возьму на себя выполнение этой задачи.»

Уверенной походкой он отправился в комнату и сел на стул у кровати, на которой лежало дитя

Сатаны, дрожа в ожидании ножа. Троуэр оглянулся, ища орудия священного убийства. Нигде в поле зрения их не было. «Где нож?» спросил он.

Фэйт посмотрела на Мишура. «Разве ты не принес их обратно?» спросила она.

«Это ты принесла их сюда,» ответил Мишур.

«Но ведь когда ты пошел назад, чтобы позвать священника, разве ты не взял их с собой?»

«Разве?» Мишур выглядел пристыженным. «Должно быть, я оставил их где-то там.» Он встал и вышел из комнаты.

Троуэр начал осознавать, что, хотя он еще не успел пошевелить и пальцем, здесь уже происходит нечто странное. Он подошел к двери и стал ждать, когда вернется Мишур.

У двери стоял Калли, держа свою грифельную доску и глядя на священника.

«Ты собираешься убить моего брата?» спросил он. «Никогда даже не думал о таком,» ответил Троуэр. Отдавая инструменты Троуэру, Мишур выглядел немного смущенным. «Не могу понять, как это я так оставил их на каминной доске.» После этого молодой человек протиснулся за спиной Троуэра в комнату.

Через несколько секунд Троуэр последовал за ним и занял свое место у обнаженной ноги.

«Ну и куда же вы их подевали?» спросила Фэйт. Троуэр внезапно понял, что ни ножа, ни пилы у него нет. Он был в полной растерянности. Только что перед дверью он сам взял их у Мишура. Как же он мог их потерять?

В дверях стоял Калли. «Зачем вы отдали мне это?» спросил он. И действительно, инструменты находились у него в руках. «Неплохой вопрос,» сказал Мишур, хмуро глядя на пастора. «Зачем же вы отдали их Калли?»

«Я ничего не давал,» сказал Троуэр. «Должно быть это вы передали их ему.»

«Я отдал их прямо в ваши руки,» сказал Мишур.

«Пастор дал их мне,» сказал Калли.

«Ну, так неси их сюда,» сказала его мать.

Калли послушно зашел в комнату, размахивая инструментами как военными трофеями. Он шел, как великая армия в атаку. О, да, великая армия, такая, какой была армия Израильтян, ведомая Иисусом Навином в землю обетованную. Так вот, высоко над головами своими, держали они оружие свое во время движения вокруг Иерихона. И шли они и шли. Шли и шли. И на седьмой день остановились, вознесли трубы свои и издали ужасный зов, и рухнули стены, и держали

они мечи и ножи свои высоко над головами, и вступили в город, уничтожая мужчин, женщин и детей, уничтожая всех этих врагов Господа, чтобы Земля Обетованная была очищена от их скверны и готова принять людей Господа. И к концу дня были они запятнаны кровью, и воскричал Иисус Навин, великий пророк Господа, подняв над головой окровавленный меч. Что же он кричал? Не могу вспомнить, что он кричал. Если бы мне только удалось это вспомнить, я бы понял, почему я стою здесь на дороге, среди заснеженных деревьев.

Преподобный Троуэр взглянул на свои руки, потом перевел свой взгляд на деревья,. Каким-то образом он прошел уже полмили от дома Миллеров. И даже не надел свое тяжелое пальто.

Теперь он увидел правду, как она есть. Ему так и не удалось одурачить дьявола. Сатана легко, как пушинку, переместил его сюда и не позволил убить Зверя. Троуэр упустил случай добиться величия. Он рухнул на холодное черное бревно и горько зарыдал.

Калли зашел в комнату, неся инструменты над головой. Мишур уже был готов крепко зажать ногу, когда старый Троуэр ни с того ни с сего вскочил и вышел из комнаты с такой поспешностью,

как будто ему срочно понадобилось в уборную.

«Преподобный Троуэр», закричала Ма. «Куда же вы?»

Но Мишуру теперь все было ясно. «Пусть идет, Ма», сказал он. Они услышали, как открылась входная дверь дома и раздались звуки тяжелых шагов священника на крыльце.

«Калли, сходи закрой входную дверь», сказал Мишур. На этот раз Калли послушался без пререканий. Ма посмотрела на Мишура, потом на Па, потом опять на Мишура. «Я не могу понять, почему это он вот так вот взял и ушел».

Мишур едва уловимо усмехнулся ей в ответ и посмотрел на Папу. «Ты ведь знаешь, правда, Па?»

«Может быть», сказал он.

Мишур объяснил матери, «Эти самые ножи, и пастор, штука в том, что они не могут быть в этой комнате одновременно с Алом-младшим». «Но почему?», сказала она. «Он же собирался проделать эту операцию!»

«Ну, так теперь он точно этого не сделает», сказал Мишур.

Нож и костяная пила лежали на одеяле.

«Па», сказал Мишур.

«Только не я», сказал Па.

«Ма», сказал Мишур.

«Я не могу», сказала Фэйт.

«Ну ладно», сказал Мишур. «Кажется, придется мне стать доктором». Он посмотрел на Алвина.

Лицо мальчика было смертельно бледным, что выглядело еще хуже, чем когда на нем был горячечный румянец. Но он смог выдавить из себя что-то вроде улыбки и прошептать: «Мне тоже так кажется». «Мама, ты будешь сдвигать отрезанный кусок».

Она кивнула.

Мишур поднял нож и приложил его к нижней линии метки.

«Мишур», прошептал Ал-младший.

«Да, Алвин?», спросил Мишур.

«Я смогу терпеть боль и молчать, если ты будешь свистеть». «Если я буду в это время резать, то насвистывать песню не смогу. Только то, что взбредет в голову».

«Не надо песню», сказал Алвин.

Мишур посмотрел мальчику в глаза и решил, что он должен делать так, как он говорит. В конце концов, речь идет о его ноге и если ему нужен посвистывающий доктор, то он его получит. Мишур глубоко вздохнул и начал свистеть, просто так, без всякой мелодии. Он снова приложил нож

острием к черной линии, и начал надрез. Сперва неглубоко, потому что услышал, как Алвин со свистом втянул в себя воздух.

«Продолжай свистеть», прошептал Алвин. «До самой кости». Мишур опять засвистел, и на этот раз сделал надрез глубоко и быстро. До самой кости, в самой середине черты. Расширил надрез ножом. Затем сделал то же самое по бокам, и сдвинул кусок мяса и мускулов назад. Кровь вначале хлынула очень сильно, но почти мгновенно кровотечение остановилось. Мишур решил, что кровь перестала течь так быстро, потому что Алвин что-то сделал внутри себя.

«Фэйт», сказал Па.

Ма наклонилась и положила руку на окровавленный кусок мяса. Ал протянул трясущуюся руку и обозначил клин на залитой кровью кости своей собственной ноги. Мишур положил нож и поднял пилу. Когда он начал пилить, раздался омерзительный звук, но Мишур продолжал пилить и свистеть, свистеть и пилить. И очень скоро в руке у него оказался костяной клин. На вид он ничем не отличался от остальной кости.

«Ты уверен, что это то самое место?», спросил он.

Ал медленно кивнул.

«Я вырезал его полностью?», опять спросил Мишур.

Ал просидел несколько секунд неподвижно, затем снова кивнул.

«Ты хочешь, чтобы Ма пришила все назад?», спросил Мишур.

Ал ничего не ответил.

«Он потерял сознание», сказал Па.

Кровь опять начала течь, совсем чуть-чуть, просачиваясь в рану. У Ма были иголка и нитки в подушечке, которую она носила на шее. Не медля ни секунды она пристроила кусок кожи назад и стала пришивать его ровными плотными стяжками.

«Продолжай свистеть, Мишур», сказала она.

Он продолжил свистеть, и она шила до тех пор, пока вся рана не была крепко зашита, Алвин не был положен на спину и не стал посапывать во сне как новорожденный. Все трое встали, чтобы уйти. Папа положил руку на лоб мальчика, так нежно, как только мог.

«Мне кажется, жар прошел», сказал он.

И когда они выскользнули за дверь, Мишур начал свистеть все тише и тише, и, наконец, совсем замолк.

Глава 14
НАКАЗАНИЕ

Стоило Элли увидеть его, как она сразу начала хлопотать, отряхивая снег, стаскивая тулуп, и даже намеком не пытаясь задать ему вопрос о том, как это случилось.

Но какой бы заботливой она ни была, это уже не имело никакого значения. Он был опозорен перед собственной женой, потому что рано или поздно она услышит эту историю от одного из детей. Вскоре об этом узнает каждый вверх и вниз по Уоббиш. О том, как Армор-оф-Год Вивер, владелец лавки на западной окраине, будущий губернатор, был сброшен своим тестем с крыльца прямо в снег. Они станут смеяться над ним, прикрывая рты ладонями, уж можете быть в этом уверены. Они будут смеяться над ним повсюду. Конечно, не в лицо, потому что вряд ли найдется между озером Канада и Нойзи-ривер человек, не задолжавший ему денег или не нуждающийся в его картах чтобы, обозначив в них свой земельный участок, заявить на него права. Придет время, когда страна Уоббиш станет штатом, а они все

еще будут пересказывать эту историю на каждом углу. Можно неплохо относиться к человеку, над которым смеешься, но уважать его, а, значит, и голосовать за него они не будут. Это было крушением всех его планов и в его жене было слишком много от этой семейки Миллеров. Для женщины из приграничья она была довольно хорошенькой, но сейчас ему не было никакого дела до красоты. Ему не было никакого дела до горячих ночей и нежных утр. Ему было наплевать, что она бок о бок с ним работала в лавке. Все, что он чувствовал сейчас, были стыд и ярость.

«Прекрати».

«Тебе нужно снять эту мокрую рубашку. Как это ты умудрился набрать снега прямо за шиворот?»

«Я сказал тебе, убери свои руки!»

Она отступила назад в удивлении. «Я просто хотела…» «Я знаю, чего ты „просто хотела“. Бедный маленький Армор, ты прижмешь его к себе как маленького мальчика, и ему сразу станет лучше». «Ты же простудишься…»

«Скажи это своему отцу! Если я выкашляю свои кишки, тогда может он поймет, что значит бросать человека в снег!»

«Что?», закричала она. «Я не могу поверить, что Папа мог…»

«Видишь? Ты даже не веришь собственному мужу».

«Я верю тебе, просто это так непохоже на Папу...» «Нет уж, сударыня, это похоже на самого дьявола, вот на кого это похоже! Вот чем полон этот твой дом! Дух зла! И если кто-нибудь осмеливается произнести в этом доме хоть слово о Господе, они выбрасывают этого человека прямо в снег!»

«Что ты делал в этом доме?»

«Пытался спасти жизнь твоего брата. Теперь он уже наверняка мертв».

«Как ты можешь спасти его?»

Возможно, она и не хотела, чтобы это прозвучало так пренебрежительно. Теперь это было уже неважно. Потому что он знал, что она имела в виду. Раз он не владеет никакими скрытыми силами, то и не способен никому помочь. После всех этих лет, что они прожили вместе, она, как и ее родичи, возлагает все свои надежды только на колдовство. Он не сумел хоть чуть-чуть изменить ее. «Ты все та же», сказал он. «Зло так глубоко угнездилось в тебе, что я не могу изгнать его молитвой, не могу сделать это проповедью, не могу любовью, не могу криком!» Когда он сказал «молитвой», то слегка встряхнул ее, чтобы

она поняла это получше. Когда он сказал «проповедью», то встряхнул еще сильнее, так, что ей пришлось отступить на шаг назад. Сказав «любовью», он взял ее за плечи и так мотанул, что волосы ее выбились из узла, в который были уложены, и разметались вокруг головы. Когда же дошла очередь до «крика», он толкнул ее так, что она не удержалась на ногах. И еще прежде, чем она коснулась пола, он ощутил, как его пронзил стыд, который был куда сильнее стыда от того, что ее отец бросил его в снег. Сильный человек дал мне почувствовать мою слабость, и тогда я отправился домой и сделал с собственной женой то, что сделал со мной этот человек. Я всегда был христианином, который не ударял и не причинял вреда мужчине или женщине и вот теперь я сшиб с ног прямо на пол мою собственную жену, плоть от плоти моей.

Такие вот мысли пронеслись у него в голове и он был уже почти готов броситься на колени, разрыдаться как ребенок и просить прошения. И он бы сделал это, если бы она, увидев его лицо искаженным от стыда и гнева, и не зная, что теперь его гнев направлен на самого себя, не сделала бы того, что было естественно для женщины, воспитанной так, как была воспитана она. Она сложила

пальцы, чтобы сделать знак умиротворения и прошептала слово, чтобы остановить его.

Он не мог упасть перед ней на колени. Он не мог даже сделать и шага к ней. Он не мог даже подумать о том, чтобы сделать к ней шаг. Ее оберег был таким сильным, что он отшатнулся назад, повернулся к двери, открыл ее и выбежал наружу в одной рубашке. Сегодня перед ним предстало воочию то, чего он боялся больше всего на свете. Возможно, у него больше и не оставалось никаких шансов как у политика, но это не имело никакого значения перед лицом того, что в его собственном доме его собственная жена использовала колдовство, использовала против него и он оказался перед ним беззащитен. Она ведьма. Ведьма. И дом его осквернен.

Было холодно. У него не было ни куртки, ни даже жилета. Его рубашка была и без того мокрая, теперь она облепила его тело и холод пробирал его до кости. Ему нужно было зайти в дом, но мысль о том, чтобы постучаться в чьи-нибудь двери была ему невыносима. Оставалось только одно место. Наверх, в церковь. У Троуэра там припасены дрова и он сможет обогреться. И в церкви он сможет помолиться и понять, почему Господь оставил его. Господи, разве не тебе я служил изо

всех моих сил?

Преподобный Троуэр открыл дверь церкви и медленно, боязливо зашел внутрь. Его ужасала мысль о встрече с Гостем после того, как его миссия столь бесславно провалилась. Потому что вина лежала на нем самом, теперь ему было это ясно. Сатана не должен был обладать над ним такой властью, чтобы так вот выгнать из дома. Рукоположенный священник, действующий как посланник Господа и следующий указаниям, данным ангелом — Сатана просто не мог выкинуть его из дома, да еще так, что он только потом стал понимать, что происходит.

Он сбросил свое пальто, затем свой сюртук. В церкви было жарко. Должно быть, огонь в камине горел дольше, чем он предполагал. Или, возможно, ему было жарко от стыда.

Не могло быть так, что Сатана оказался сильнее Господа. Единственно возможным объяснением было то, что сам Троуэр был слишком слаб. Его подвело то, что он не был достаточно крепок в вере.

Троуэр встал на колени перед алтарем и принялся выкрикивать имя Господа. «Прости меня за неверие мое!», кричал он. «В руках у меня был нож, но Сатана встал передо мной и я утратил си-

лу!». Он прочел покаянную литанию, перечисляя до полного изнеможения все поражения, которые претерпел за этот день.

И только тогда, когда глаза его покраснели от плача, и голос ослабел и охрип, он осознал, когда именно вера оставила его. Это произошло, когда он стоял в комнате Алвина и пытался добиться, чтобы мальчик объяснил, в чем его вера, на что тот отвечал измывательством над Божьими таинствами. «Как он может сидеть на том, что безгранично?» Хотя Троуэр и отмахнулся от этого вопроса, сочтя его результатом невежества и порочности, вопрос этот тем не менее засел у него в сознании и принялся подтачивать твердыню его веры. Веши, которые всю жизнь оставались для него неоспоримыми, внезапно были подвергнуты сомнению вопросами невежественного мальчика. «Он похитил мою веру», сказал Троуэр. «Я вошел в его комнату человеком Господа и вышел усомнившимся».

«Это уж точно», произнес голос позади него. Голос, который был ему знаком.

Голос, который сейчас, в момент своего унижения, он одновременно и боялся и жаждал услышать. О, прости меня, утешь меня, мой Гость, друг мой! Прости, но и накажи меня ужасным

гневом Бога ревнивого. «Наказать тебя?», спросил Гость. «Как же я могу наказать тебя, являющегося столь превосходным образцом гуманизма?» «Я не могу быть образцом», жалко пролепетал Троуэр. «Ты всего на всего человек», сказал Гость. «По чьему образу и подобию ты был сделан? Я послал тебя в этот дом, чтобы принести туда мое слово, и вместо этого они едва не обратили тебя в свою веру. И как же мне называть тебя теперь? Еретиком? Или всего лишь скептиком?» «Христианином!», вскричал Троуэр. «Прости меня и назови опять христианином!»

«В твоей руке был нож, но ты опустил его».

«Но я не хотел!»

«Слаб, слаб, слаб, слаб, слаб...» — каждый раз, повторяя это слово, Гость произносил его все медленнее и медленнее, пока оно не стало звучать как песня. И распевая его, он начал обходить церковь. Он не бежал, но шел очень быстро, много быстрей, чем мог идти обычный человек. «Слаб, слаб...» Он двигался так быстро, что Троуэр должен был поворачиваться, чтобы не потерять его из виду. Теперь уже Гость шел не по полу. Он несся по стенам с проворством и легкостью таракана, затем еще быстрее, пока не стал смутной тенью, и Троуэр перестал следить за ним.

Священник оперся об алтарь, лицом к пустым скамьям, смотря на то, как Гость появлялся снова, снова и снова. Понемногу Троуэр начал замечать, что Гость меняет обличье и вытягивается, как длинное тонкое животное, ящерица или сверкающий яркой чешуей аллигатор, становится все длиннее и длиннее, пока в конце концов тело Гостя не превратилось в длинного, опоясавшего всю церковь огромного червя, зажавшего свой хвост между зубов.

И Троуэр понял, как он мал и ничтожен в сравнении с этим великолепным существом, сверкающим тысячью различных цветов, вспыхивающим огненными блестками, вдыхающим тьму и выдыхающим свет. Я поклоняюсь тебе! — беззвучно вскричал он. Никто кроме тебя не нужен мне! Подари мне поцелуй, полный своей любви, чтобы я мог ощутить ее величие!

Внезапно Гость остановился и громадные челюсти приблизились к нему. Не для того, чтобы расправиться с ним, потому что Троуэр знал, что недостоин даже быть пожранным этим прекрасным созданием. Он увидел, в каком ужасном положении находится человек: он увидел, что на самом деле он висит над адскими безднами, как паук на тонкой нити, и единственной при-

чиной, почему Господь не позволяет ему упасть, является та, что он не достоин разрушения. Бог не может ненавидеть его. Он столь мерзок, что Бог презирает его. Троуэр посмотрел в глаза Гостя, и его охватило отчаяние. Потому что в них не было ни любви, ни прошения, ни гнева, ни порицания. Глаза эти были абсолютно пусты. Чешуйки слепили его, брызжа искрами внутреннего огня. Но в глазах не было и следа огня. Они даже не были черными. Они совершенно отсутствовали здесь, их ужасающая пустота дрожала, не на секунду не оставаясь неподвижной, и Троуэр знал, что видит в этих глазах свое собственное отражение, что именно он и является никчемной пустотой и продолжать свое существование для него означает бесполезную трату пространства, занимаемого им, и единственный оставшийся для него выход — исчезнуть, раствориться, чтобы мир смог, очистившись от него, прийти к тому состоянию, в котором он находился б, если бы преподобный Троуэр никогда не появлялся на этот свет.

Молитва Троуэра разбудила Армора. Он лежал, свернувшись, у камина. Может быть, он растопил камин чересчур жарко, но ему было это необходимо, чтобы промерзшие кости могли отойти. Ведь когда он зашел в церковь, его рубашка пре-

вратилась в ледяной футляр. Потраченный уголь он может возместить священнику потом.

Он хотел сразу же подать голос, чтобы преподобный Троуэр знал о его присутствии, но когда он услышал слова этой молитвы, то не знал, что и сказать. Троуэр говорил о ножах и артериях и о том, как нужно истреблять врагов Господних. Через минуту ему стало ясно: Троуэр ходил в дом на холме не для того, чтобы спасти мальчика, а для того, чтобы убить его! Что же это творится, думал Армор, если муж-христианин бьет свою жену, жена-христианка наводит порчу на своего мужа, а христианский священник замышляет убийство и молит о прошении за то, что это убийство ему не удалось совершить! В это время Троуэр внезапно прекратил молитву. Его голос был таким хриплым, а лицо так покраснело, что Армор подумал, не хватил ли его удар. Но нет. Троуэр поднял голову так, будто слушал кого-то. Армор тоже стал прислушиваться и услышал что-то, это звучало так, как звучит разговор двух людей во время сильного ветра, который никто, кроме их двоих не может разобрать.

Я знаю, что это такое, подумал Армор. Преподобного Троуэра посетило видение.

И точно, Троуэр говорил и ему отвечал невнят-

ный голос, а потом Троуэр начал кружиться вокруг своей оси, все быстрее и быстрее, будто наблюдая за чем-то, что находилось на стенах. Армор попытался увидеть, что именно он разглядывает, но так ничего и не добился. Это выглядело, будто какая-то тень промелькнула на солнце — ты не можешь увидеть, как она движется, но на секунду становится темнее и холоднее. Примерно это Армор и увидел. Затем это остановилось. Армор увидел мерцание в воздухе, какие-то световые всполохи, похожие на солнечные зайчики. Видел ли Троуэр, как Моисей, сияние Господа? Вряд ли, судя по выражению его лица. Армор никогда прежде не видел такого лица. Такое лицо могло бы быть у человека, увидевшего, как у него на глазах убивают его ребенка. Мерцание и сполохи прекратились. В церкви настала тишина. Армор хотел бежать к Троуэру и спросить, что ты видел? Что это было за видение? Что-то вроде пророчества?

Но Троуэр выглядел так, что было ясно — ему не до вопросов. Взглянув на его лицо, становилось понятно, это — лицо человека, желающего умереть. Очень медленно священник отошел от алтаря. Он слепо бродил среди скамей, иногда натыкаясь на них и не глядя вокруг, как будто

ему было все равно, где находится его тело. В конце концов он закончил свой путь у окна, стоя лицом к стеклу, но Армор знал, что он не видит там ничего, а просто стоит с открытыми глазами, похожий на саму смерть.

Преподобный Троуэр поднял свою правую руку, растопырил пальцы и положил ладонь на оконное стекло. И начал давить. Он надавил и толкнул стекло так сильно, что Армор увидел, как оно выгнулось наружу. «Остановитесь!», закричал Армор. «Вы порежете себя!»

Троуэр не подавал вида, что слышит что-нибудь и продолжал давить. Армор стал приближаться к священнику. Он должен был остановить этого человека, пока он не разбил стекло и не порезал руку.

Стекло раскололось с треском, и рука Троуэра прошла насквозь до самого плеча. Священник улыбнулся. Он сдвинул свою руку немного назад. И начал водить ею по кругу, распарывая ее торчащими из рамы осколками. Армор попытался оттащить Троуэра прочь от окна, но тот проявил такую недюжинную силу, которой Армор не мог и подозревать в нем. В конце концов Армор был вынужден разбежаться и сбить его с ног прямо на пол. Все было забрызгано кровью. Армор схва-

тил Троуэра за руку, мокрую от крови. Троуэр попытался от него откатиться. Теперь у Армора не оставалось выбора. Впервые с тех пор, как он стал христианином, он сжал пальцы в кулак и ударил Троуэра прямо по груди. Удар откинул священника назад, он ударился головой о пол и потерял сознание.

Надо остановить кровь, подумал Армор. Но вначале нужно вынуть осколки. Некоторые крупные куски проникли неглубоко и он с легкостью вытащил их. Но другие осколки, помельче вошли глубже, и снаружи оставалась только маленькая их часть, они были скользкими из-за покрывавшей их крови и вытащить их было нелегко. И все же, в конце концов он вынул все стекло, которое только мог найти. К счастью, сильного фонтанирующего кровотечения не было, а значит, большие вены не были задеты. Он снял свою рубашку и остался по пояс голым на холодном сквозняке из разбитого окна, которого он, впрочем, почти не замечал. Армор разодрал рубашку на лоскуты для перевязки, перевязал раны и остановил кровотечение. После чего сел и стал ждать, когда очнется Троуэр.

Троуэр был удивлен, обнаружив, что он еще жив. Он лежал на спине, на твердом полу, накры-

тый тяжелым пальто. Голова у него болела. Рука болела еще сильнее. Он помнил, что пытался порезать эту руку и знал, что должен сделать это еще раз, но никак не мог заставить себя испытывать ту жажду смерти, которая терзала его прежде. Даже помня о Госте в обличии великого ящера, даже помня его пустые глаза, Троуэр не мог опять вызвать в себе это чувство. Единственное, что он помнил — это что ничего хуже этого ощущения он никогда не испытывал.

Его рука была туго перебинтована. Кто же перевязал его?

Потом он услышал плеск воды. И шлепок удара влажной тряпкой по дереву. В рассеянном свете зимних сумерек из окна он едва различил фигуру человека, моющего стену. Один из оконных проемов был прикрыт деревянной доской. «Кто это?», спросил Троуэр. «Кто вы?»

«Это я».

«Армор-оф-Год?»

«Я мою стены. Это церковь, а не сарай мясника».

Конечно, все вокруг было в крови. «Простите», сказал Троуэр. «Мне нетрудно убраться здесь», сказал Армор. «Я думаю, я вынул из вашей руки все стекла».

«Вы раздеты», сказал Троуэр.

«Моя рубашка на вашей руке».

«Вам, должно быть, холодно».

«Было немного, но я прикрыл окно и от камина воздух нагрелся. А вот у вас как раз лицо такое белое, что вы похожи на помершего неделю назад мертвеца».

Троуэр попытался сесть, но не смог. Он был слишком слаб, и его рука слишком сильно болела.

Армор опять уложил его. «А теперь полежите-ка спокойно, преподобный Троуэр. Просто полежите. Вам сегодня уже и так досталось». «Да».

«Я надеюсь, вы не будете в обиде, но когда вы вошли, я уже был в церкви. Я спал у очага — моя жена выкинула меня из дома. За сегодня это был уже второй раз». он засмеялся, но в его смехе не было веселья. «Так что я видел вас».

«Видел?»

«У вас было видение, так?»

«Вы видели его?»

«Я мало что видел. В основном я смотрел на вас, но было еще какое-то мелькание или что-то вроде. Что-то бегало по стенам». «Значит, вы видели», сказал Троуэр. «О, Армор, это было ужасно и это было прекрасно!»

«Вы видели Бога?»

«Видел Бога? У Бога нет тела, чтобы его можно было увидеть, Армор. Нет, я видел ангела, ангела наказующего. Я уверен, что именно его и видел Фараон, ангела смерти, прошедшего по городам Египта и забравшего всех первенцев». "О", сказал Армор встревожено. «Тогда не должен был бы я дать вам умереть?»

«Если бы мне было предопределено умереть, вы не смогли бы спасти меня», сказал Троуэр. «Раз уж вы спасли меня, раз вы оказались здесь в момент моего отчаяния, это явный знак, что мне предопределено жить. Я был наказан, но не уничтожен, Армор-оф-Год, и у меня еще есть шанс». Армор кивнул, но Троуэр видел, что его все еще что-то тревожит. «Что еще?», спросил Троуэр. Вы о чем-то хотите спросить меня?" Глаза Армора расширились. «Вы слышите то, что я думаю?»

«Если бы я мог, то не стал бы спрашивать вас».

Армор улыбнулся. «Думаю, не стали бы».

«Я расскажу вам обо всем, что вы хотели бы узнать, если это будет в моих силах».

«Я слышал, как вы молились», сказал Армор. Он замолчал, как будто в этом и состоял вопрос.

Хотя Троуэр и не знал точно, о чем именно его спрашивают, он замешкался с ответом. «Я был

в отчаянии, потому что потерпел поражение в деле Господа. Мне была поручена миссия и в ответственный момент в моем сердце поселилось сомнение». Он протянул свою руку и попытался ухватиться за Армора. Но его пальцы дотянулись лишь до штанины стоявшего рядом с ним на коленях Армора. «Армор-оф-Год», сказал он. «Никогда не позволяй сомнению коснуться твоего сердца. Никогда не подвергай сомнению то, что ты знаешь как истину. Это лазейка, позволяющая Сатане овладеть тобой».

Но это был не тот ответ, которого ждал Армор. «Спроси меня то, что хочешь спросить», сказал Троуэр. «Я скажу тебе правду, если смогу».

«Вы молились об убийстве», сказал Армор.

Троуэр никогда не думал о том, чтобы рассказать кому-нибудь о той ноше, что возложил на него Господь. И все же, если б Господь хотел, чтобы это хранилось в тайне от Армора, он не позволил бы ему находиться в церкви и слышать все. «Я верую», сказал Троуэр. «Что именно Господь Бог привел тебя ко мне. Я слаб, Армор, и я не смог исполнить волю Господа. Но теперь я вижу тебя, человека веры, посланного мне быть другом и помощником». «В чем же воля Господа?», спросил Армор.

«Не в совершении убийства, брат мой. Господь никогда не захотел бы от меня убийства человека. Дьявола был послан я убить. Дьявола во плоти человеческой. Живущего в том доме».

Глубоко задумавшись, Армор сжал губы. «Мальчик не просто одержим, это вы имеете в виду? И вы не можете просто изгнать это из него». «Я пытался, но он смеялся над Свешенной Книгой и издевался над словами экзорцизма. Он не одержим, Армор-оф-Год. Он сам из колена диаволова». Армор покачал головой. «Моя жена не дьявол, а она его родная сестра».

«Она отказалась от ведьмовства и стала чиста».

Армор коротко и горько рассмеялся. «Я думал так». Теперь Троуэр понял, почему Армор искал прибежища в церкви — доме Господа: его собственный дом был осквернен.

«Армор-оф-Год, поможешь ли ты мне очистить эту страну, этот город, этот дом и эту семью от влияния зла, овладевающего ими?» «Спасу ли я этим мою жену?», спросил Армор. «Положит ли это конец ее тяге к колдовству?»

«Может быть», сказал Троуэр. «Возможно, Господь свел нас, чтобы мы помогли друг другу очиститься».

«Чего бы это не стоило», сказал Армор. «Я с вами и против дьявола».

Глава 15
ОБЕЩАНИЯ

Кузнец выслушал письмо, прочитанное ему Сказителем с начала и до конца.

«Вы помните эту семью?», спросил Сказитель.

«Помню», сказал Мэйкпис Смит. «Одним из первых на нашем кладбище был их старший мальчик. Я вытащил его тело из реки своими собственными руками». «Ну так что же, возьмете вы его в подмастерья?»

В сторону кузницы шел юноша лет шестнадцати, несущий ведро со снегом. Он посмотрел на гостя, кивнул ему головой, и подошел к стоявшей около амбара бочке с водой для охлаждения.

«Видите, у меня уже есть подмастерье», сказал кузнец.

«Он выглядит довольно взрослым», сказал Сказитель. «Похоже на то», согласился кузнец. «Это правда, Бози? Ты уже готов приняться за собственное дело?»

Бози чуть улыбнулся, потом подавил улыбку и кивнул. «Да, сэр», сказал он.

«Я нелегкий хозяин», сказал кузнец.

«Алвин добрый мальчик. Он будет хорошо трудиться для вас». «Но будет ли он слушаться меня? Я хочу, чтобы меня слушались без разговоров».

Сказитель опять взглянул на Бози. Он был занят тем, что вываливал снег в бочку.

«Я же сказал, он хороший мальчик», сказал Сказитель. «Он будет послушным, если вы будете честны с ним».

Кузнец выдержал его взгляд. «Я справедлив с учениками. Я никогда не бью мальчиков, которых беру. Тронул ли я тебя когда-нибудь, Бози?» «Никогда, сэр».

«Видите ли, Сказитель, подмастерье может быть послушным из страха и может быть послушным из жадности. Но если я — хороший мастер, он будет слушаться потому что будет знать, что так он сможет многому научиться». Сказитель усмехнулся кузнецу. «Оплаты за учение не будет», сказал он.

«Мальчик отработает все. И он должен ходить в школу».

«Насколько я знаю, кузнецу буквы ни к чему».

«Многое изменится, когда Хио станет частью Соединенных Штатов», сказал Сказитель. «Мальчику нужно будет голосовать и читать газеты. Человек, который не умеет читать, знает только

то, что рассказывают другие». Мэйкпис Смит посмотрел на Сказителя с едва скрытой усмешкой. «Вот как? А как насчет того, что сейчас рассказываете вы? Выходит, и это тоже то, что другой, то есть вы, рассказал мне?»

Сказитель рассмеялся и кивнул. На этот раз кузнец здорово поддел его. «Я хожу по миру, рассказывая истории», сказал Сказитель. «Так что мне известно о том, как много всего можно узнать от других людей. А он уже читает много лучше, чем это бывает в его возрасте, так что если он проведет какое-то время без школы, сильно это ему не повредит. Но его Ма хочет, чтобы он знал буквы и цифры, как настоящий школяр. Поэтому, пожалуйста, пообещайте мне, что вы не будете возражать против его учебы, если он захочет этого, и оставим этот разговор».

«Даю слово», сказал Мэйкпис Смит. «И вам незачем записывать это где-нибудь. Мужчине, который держит свое слово, не надо писать или читать. Но человек, которому нужно записывать свои обещания, вот за таким стоит присматривать. Я это точно знаю. У нас в Хатраке уже появились свои адвокаты».

«Это путь цивилизованного человека», сказал Сказитель. «Если человек не может больше

заставить других верить своей лжи, тогда он нанимает себе профессионалов, чтобы они врали вместо него». Они вместе посмеялись над этим, сидя на двух крепких чурбаках в кузнице, за их спинами огонь слабо коптил кирпичную трубу, а за дверями на полустаявшем снегу сверкало солнце. Над утоптанной, покрытой сухой травой и навозом землей у входа в кузню пролетела птица — красный кардинал. На какое-то время это привлекло внимание Сказителя — такое явное несоответствие бело-коричнево-серым цветам поздней зимы.

И вот именно тогда, наблюдая за полетом красного кардинала, Сказитель почувствовал уверенность (хотя и не смог бы объяснить почему), что пройдет немало времени, прежде чем Разрушитель позволит юному Алвину добраться до этого места. И когда он все же доберется сюда, то будет также, как появившийся не в сезон красный кардинал, привлекать внимание местных жителей, думающих, что его поступки так же обычны, как и полет птицы, и не понимающих, какое это настоящее чудо — птица, скользящая по воздуху. Сказитель заставил себя встряхнуться и в тот же момент ясное видение исчезло. «Ну, тогда все в порядке и я напишу им, чтобы они

посылали мальчика».

«Я жду его к первому апреля. Не позже!»

«Если вы не считаете, что парень способен управлять погодой, то стоит немного продлить этот срок.»

Кузнец проворчал что-то и взмахом руки дал понять Сказителю, что он может идти. Что ж, в конечном итоге, разговор сложился удачно. Сказитель ушел с сознанием того, что поручение выполнено. Послать письмо с каким-нибудь фургоном, отправляющимся на запад, будет несложно — каждую неделю несколько обозов проезжало через Хатрак-таун. Хотя Сказитель давненько не бывал в этих местах, он все еще помнил дорогу от кузницы к постоялому двору. Эта дорога была хорошо утоптана и недлинна. Теперь постоялый двор выглядел побольше, чем в прошлый раз и позади него появилось уже несколько лавок. Галантерейная, шорная и сапожная мастерские. В общем то, в чем нуждаются проезжающие. Он не успел ступить на порог, как дверь открылась и старая Пэг Гестер вышла с распростертыми руками, чтобы обнять его. «А, Сказитель, давненько тебя не было видно, заходи, заходи!»

«Рад вас снова увидеть, Пэг,» сказал он.

Гораций Гестер, стоявший за стойкой бара в гостиной комнате и обслуживающий желающих выпить посетителей, при виде Сказителя заворчал «Вот уж кого мне тут не хватало, так это еще одного трезвенника!» «Раз так, то у меня хорошая новость для тебя, Гораций,» радостно сообщил Сказитель. «Чая я больше тоже не пью.» «Что же ты пьешь, воду что ли?»

«Воду и кровь старых ворчунов,» сказал Сказитель. Гораций махнул рукой жене «Последи, чтобы этот человек держался подальше от меня, слышишь, Пэг?»

Старая Пэг помогла ему избавиться от всех одежек. «Посмотреть на тебя,» сказала она, смерив его взглядом. «Так на твоих костях не найдешь достаточно мяса для хорошей отбивной.»

«Зато медведи и пантеры обходят меня стороной, им нужна добыча получше,» сказал Сказитель.

«Заходи и расскажи мне парочку историй, пока я готовлю ужин для всей этой компании.»

За этот вечер много прозвучало всяких разговоров и болтовни, особенно когда Дедушка пришел помогать со стряпней.

Старость начала уже брать свое, но он все еще заправлял на кухне и, надо сказать, к счастью

для остальных; старая Пэг знала толк и работала старательно, но все же у некоторых людей есть дар к своей работе, а у некоторых нет. Но Сказитель пришел сюда не ради еды, и даже не ради хорошей беседы и через некоторое время он почувствовал, что ему пора приступить к делу. «Где же ваша дочка?»

К его удивлению, старая Пэг стала вести себя натянуто и ее голос зазвучал холодно и отчужденно. «Она теперь не такая уж маленькая. Она теперь сама себе голова и уж наверняка сама первая об этом расскажет.» И тебе это не по вкусу, подумал Сказитель. Но дело, которое привело его сюда, было куда важнее семейных ссор. «Она все еще…» «Ведунья? О, да, она выполняет свои обязанности, но для людей не доставляет большого удовольствия иметь с ней дело. Холодная задавака, вот кто она. Ее так называют за злой язык.» На мгновение лицо Старой Пэг смягчилось. «Она была такой хорошей девочкой.» «Я никогда еще не видел, чтобы доброе сердце становилось злым», сказал Сказитель. «По крайней мере, без особой причины». «Ну, какие бы у нее не были причины, она как раз тот человек, чье сердце затвердело как вода в ведре зимой».

Сказитель решил попридержать свой язык и

не учить людей, как им себя вести, хотя и мог бы рассказать Старой Пэг о том, что если лед расколоть, он замерзнет опять, но если занести его в дом, он согреется, растает и превратится в свежую воду. Не стоит встревать в семейные дрязги. Сказитель достаточно знал о том, как нелегко людям ужиться вместе, чтобы отнести эти ссоры к таким же стихийным явлениям, как холодные ветра и короткие дни весной, или как гром после молнии. Большинство родителей не знают, что делать с ребенком, когда он почти вырос.

«Мне нужно кое о чем поговорить с ней», сказал Сказитель. «Так что я уж рискну тем, что мне могут снести голову с плеч».

Он нашел ее в конторе доктора Уитли Физикера, занимающейся бухгалтерскими подсчетами.

«Я и не знал, что ты стала счетоводом», сказал он. «А я и не знала, что вы интересуетесь медициной», ответила она. «Или вы просто пришли поглазеть на чудо-девушку, возящуюся со счетами и цифрами?» О, да, язык у нее был острый. Сказитель знал, какую реакцию такое поведение может вызвать у некоторых, ожидавших от молодой женщины, что она будет говорить мягко, опустив глаза и лишь изредка бросая робкий взгляд из под опушенных ресниц. В Пэгги не было

ничего от молодой леди. Она смотрела Сказителю прямо в глаза, не отводя взгляда.

«Я пришел не для того, чтобы меня подлечили,» сказал Сказитель. «Или предсказали будущее. Или даже привели в порядок мои счета.» Ага, вот оно. В тот момент, когда вместо того, чтобы разозлиться, он ответил ей шуткой, на губах ее мелькнула улыбка на мгновение изменившая все ее лицо. «Что-то я не припоминаю, чтобы у тебя было что подсчитывать,» сказала она. «Ничего плюс ничего дает ничего.» «Тут ты не совсем права, Пэгги,» сказал Сказитель. «У меня есть целый мир. Правда, населяющие его люди не особенно щедры.» Она опять улыбнулась и отложила в сторону бухгалтерскую книгу доктора. «Раз в месяц я вожусь с его записями, а он привозит мне кое-что почитать из Дикэйна.» Она начала рассказывать о прочитанном и Сказитель стал понимать, что сердце ее принадлежит вещам, находящимся далеко от Хатрак-ривер. И еще кое-что он увидел — обладая даром ведуньи, она знает местных жителей слишком хорошо и ей кажется, что в отдаленных местах она встретит людей, чьи души чисты, как бриллиант и никогда не заставят девушку, для которой они открыты, прийти в смятение.

Она просто еще слишком молода, вот и все. Дайте ей время и она научится ценить добро, которое можно встретить в людях, и прощать им все остальное. Вскоре пришел доктор и они немного поболтали. Когда же Сказитель остался с Пэгги наедине и смог спросить о том, ради чего пришел, было уже далеко за полдень.

«Как далеко ты можешь видеть, Пэгги?»

Он почти увидел, как подозрительность затенила ее лицо как тяжелая вельветовая занавесь. «Я полагаю, ты спрашиваешь меня не о том, нуждаюсь ли я в очках», сказала она.

«Я просто хочу поговорить с девушкой, которая когда-то написала в моей книге: „Родился Создатель“. И я хочу спросить, способна ли она была наблюдать за этим Создателем раньше и может ли она это делать сейчас так, чтобы постоянно знать, что с ним».

Она смотрела мимо него и взгляд ее остановился на высоком окне, прикрытом занавеской. Солнце было низким и небо снаружи посерело, но лицо ее было полно света, Сказитель видел это. Иногда не обязательно быть ведуном, чтобы увидеть, что происходит в сердце человека. «Хотелось бы знать, не видела ли эта ведунья упавший на него однажды шпиль».

«Хотелось бы», сказала она.

«Или, скажем, мельничный камень».

«Может быть».

«И мне хотелось бы узнать, не приходилось ли ей каким-нибудь образом расщепить этот шпиль напополам или расколоть этот камень так, что один старый Сказитель смог увидеть свет фонаря, бьющий прямо через середину этого камня».

Слезы замутнили ее глаза, но это выглядело не так, будто она готова расплакаться, а так как бывает, когда долго смотришь прямо на солнце. «Кусок родовой пелены, почти совсем уже истершийся — этого достаточно для того, чтобы использовать его собственную силу и проделать несколько неуклюжих Созданий», сказала она мягко.

«Но теперь и ему известно кое-что о собственном даре и он смог переиначить то, что ты сделала для него».

Она кивнула.

«Наверное, чувствуешь себя одиноко, все время наблюдая за ним из такого далека», сказал Сказитель.

Она покачала головой. «Только не я. Вокруг меня все время люди». Она посмотрела на Сказителя и устало улыбнулась. «Проводить время

с этим мальчиком, которому от меня не нужно ничего, потому что он даже не подозревает о моем существовании — иногда я даже чувствовала облегчение от этого».

«Понимаю», сказал Сказитель. «Мне тоже ничего не нужно от тебя».

Она улыбнулась. «Ах, ты старый обманщик».

«Ну хорошо, мне нужно кое-что от тебя, но это не для себя лично. Я встретил этого мальчика, и хотя я не могу смотреть в его сердце так, как это делаешь ты, мне кажется, что я знаю его. Мне кажется, я знаю, кем он может стать, что он может совершить и я хочу сказать, что если тебе понадобиться моя помощь в чем-нибудь, то тебе надо только дать мне знать, сказать, что нужно сделать, и я сделаю все, что будет в моих силах». Она ничего не ответила и даже не посмотрела на него. «До сих пор тебе не нужна была помощь», сказал Сказитель. «Но теперь у него есть своя голова на плечах и ты не сможешь делать то, что для него необходимо. Опасность теперь будет исходить не только из-за того, что что-нибудь салилось на него и поранило его тело. Не меньшую опасность несет то, что вздумает совершить он сам. Я просто хочу тебе сказать, что если ты увидишь такую опасность и тебе потребуется моя

помощь, то я приду несмотря ни на что».

«Это будет удобно», сказала она. Сказано достаточно честно, Сказитель почувствовал это; но она имела в виду нечто большее, чем было сказано, и это он почувствовал тоже.

«И я хотел тебе сказать, что к первому апреля он придет сюда, чтобы стать учеником кузнеца».

«Я знаю, что он собирается сюда», сказала она. «Но к первому апреля его здесь не будет».

«О?»

«И даже в этом году».

Страх за мальчика сжал сердце Сказителя. «Получается, я все-таки пришел, чтобы спросить о будущем. Что еще ждет его? Что случится?»

«Произойти может многое», сказала она. «И было бы глупо пытаться угадать, что именно. Я вижу это так, будто перед ним открыты тысячи дорог одновременно. Но из них очень мало таких, что приведут его к первому апреля сюда, и куда больше тех, на которых он будет мертв с томагавком Краснокожего в голове».

Сказитель наклонился к ней через письменный стол доктора и накрыл ее руки своими. «Он будет жить?»

«Пока хватит моих сил», сказала она.

«И моих», ответил он.

Какое то мгновение они сидели молча, рука в руке и глаза в глаза, пока она вдруг не рассмеялась и не отвела взгляд в сторону. «Обычно, когда люди смеются, я понимаю над чем», сказал Сказитель. «Я просто подумала, что если представить себе, какие у этого мальчика враги, то их нас двоих никудышные заговорщики». «Это верно», сказал Сказитель. «Но при этом наша цель такова, что в нашем заговоре будет участвовать вся природа, тебе так не кажется?» «И Бог тоже», добавила она уверенно.

«Об этом мне ничего не известно», сказал Сказитель. «По-моему, священники и богословы так зажали своими догмами бедного Отца, что не оставили ему возможности действовать самому. Теперь, когда они разработали безопасное и удобное толкование Библии, меньше всего на свете им хотелось бы, чтобы Он еще раз сказал свое слово или чтобы Его властная рука опять стала направлять этот мир».

«Я вижу Его властную руку в рождении несколько лет назад седьмого сына от седьмого сына», сказала она. «Если хочешь, называй это природой, раз уж ты обучался у всех этих философов и волшебников. Я знаю только одно — этот мальчик связан с моей жизнью так же прочно, как

если бы мы были рождены из одной утробы».

Следующий вопрос Сказитель не обдумывал заранее, он просто сам собой сорвался с его губ. «Ты рада этому?»

Она посмотрела на него, и в глазах ее была невыразимая печаль. «Не особо», сказала она. И выглядела такой усталой, что Сказитель не смог удержаться, он обошел вокруг стола, встал у ее стула и обнял так, как отец обнимает дочь. Долгое время они провели в неподвижности и он так и не узнал, плакала ли она или продолжала сдерживать слезы. В конце концов она освободилась и опять отвернулась к бухгалтерской книге. Он ушел, ни сказав больше ни слова.

Сказитель не торопясь направился опять в постоялый двор. Было время ужина и ему еще предстояло рассказать много историй и проделать какую-нибудь домашнюю работу, чтобы заработать себе на пропитание. И все же все эти истории блекли перед той историей, которую он не мог рассказать, той историей, конца которой он еще не знал.

На лугу у мельницы стояло с полдюжины фермерских фургонов, за которыми присматривали люди, проделавшие долгий путь, чтобы получить муку свежего помола. Их женам больше не

придется потеть над ступкой и пестиком, чтобы растолочь зерно в грубую муку для тяжелого и комковатого хлеба. Мельница работала исправно и все фермеры на многие мили вокруг возили свое зерно в городок Вигор-Черч.

Вода понеслась по мельничной канавке и гигантское колесо начало поворачиваться. Внутри мельницы сила вращения колеса передавалась зубчатым механизмом, заставлявшим вращаться заточенный «под четверть» жернов". Мельник засыпал зерно на жернов, который растирал его в муку грубого помола. Он тщательно счищал ее перед следующим помолом, затем ссыпал в корзину, которую держал его сын, десятилетний мальчик. Мальчик пересыпал муку в сито и просеивал хорошую муку в холщовый мешок. После этого он ссыпал остававшееся в сите в силосный бак и поворачивался к отцу за следующей порцией муки.

Когда они работали вместе, мысли их текли совершенно одинаково. Этим вот я бы хотел заниматься всегда, думал каждый из них. Вставать рано утром, идти на мельницу и работать весь день бок о бок с ним. И неважно, что желание это было невыполнимо. Неважно, что после того, как мальчик отправится к месту своего рождения и

будущего ученичества, они могут никогда больше не увидеть друг друга. Это только обостряло ощущение переполнявшего их счастья, счастья, которое вскоре станет воспоминанием, станет далеким сном.